

ЮСУП ДЖАФАРОВ

ГУННЫ И АЗЕРБАЙДЖАН

АЗЕРБАЙДЖАНСКОЕ
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
Баку, 1993

Юсиф Джафаров

Гунны и Азербайджан

Научный редактор академик Академии наук Азербайджанской Республики

З. М. БУНИЯТОВ

Редактор С.

Султанова

Художник

Ф. Фараджев

Светлой памяти моей мамы посвящаю

От автора

Эпоха раннего средневековья вывела на арену всемирной истории целый ряд загадочных, ныне не существующих племен и народов. Одним из них были гунны. Интерес к гуннам у специалистов — востоковедов возник уже давно и вполне закономерно. Гунны шли в авангарде широчайшей миграции с Востока на Запад (из Азии в Европу) кочевых племен, положивших начало эпохе Великого переселения народов. Это был период массовых передвижений и грозных завоеваний, длившийся с перерывами более тысячелетия и перекроивший всю этническую карту Евразии. Он явился той основой, на которой впоследствии сложился современный этнический облик населения большинства регионов субконтинента.

Появление гуннов в степях Юго-Восточной Европы вызвало резкое изменение этнополитических процессов, протекавших здесь на протяжении веков, и определило специфику исторического развития кавказского региона. Утверждение на Северном Кавказе в конце IV в. н. э. гуннского господства и возобладание в степи нового тюркоязычного элемента явилось с этого времени главным действующим фактором в сложившейся ранее системе контактов между кочевниками и народами Закавказья. Фактором, сыгравшим весьма существенную роль в их исторической судьбе.

В этой связи важная в научном отношении гуннская проблема приобретает особое значение в свете одной из наиболее актуальных проблем истории Азербайджана. Речь идет о процессе длительных взаимоотношений раннетюркских (гуннских) племенных общностей Северного Кавказа с Албанией в первой половине I тысячелетия н. э. Ее особое значение заключается прежде всего в том, что без решения этих ключевых вопросов невозможно подойти к проблеме этногенеза азербайджанского народа. Гунны были первыми древнейшими

тюркоязычными племенами, вступившими на землю Албании.[1] Уже этим определяется их роль в сложном и длительном процессе этнических преобразований на территории исторического Азербайджана, когда, начавшись путем постепенного вкрапления в местную кавказоязычную этническую среду древнего тюркоязычного элемента, этот процесс при активном участии огузского племенного и языкового пласта завершился сложением средневековой тюркоязычной азербайджанской народности, а затем и народа.

Здесь мне бы хотелось особо подчеркнуть, что основной целью настоящей работы не является, однако, решение вопросов этногенеза азербайджанского народа, в отличие от потока последних публикаций с претенциозными названиями и весьма авторитетными формулировками. Авторы многих из этих публикаций, рассчитывая на приобретение известности путем количественного обращения к этой актуальной (а теперь даже модной) теме, используя при этом все доступные им научные издания, а также и популярную периодику, во что бы то ни стало стремятся доказать изначальную тюркоязычность предков азербайджанского народа. А поскольку без участия гуннов и связанных с ними племен этот процесс представить себе невозможно (проблема ранней тюркизации так или иначе упирается именно в гуннов), то вполне понятно, что гунны не сходят со страниц этих изданий, все более волнуя общественность. К сожалению, многие из этих авторов не являются специалистами в данной области знаний — медиэвистами-тюркологами. А это просто необходимо, учитывая чрезвычайную сложность проблем, к которым только на первый взгляд можно подступиться, не имея специальной подготовки и навыков работы с первоисточниками, а также знания мертвых и современных иностранных языков. Как правило, они занимаются либо вопросами новой (и даже новейшей) истории Азербайджана, либо вопросами азербайджанского языкознания. В результате эти авторы путают проблемы происхождения азербайджанского народа с вопросом происхождения азербайджанского языка — явлениями далеко не идентичными. Кроме того, опираясь на свои знания гуннской проблемы, почерпнутые из различных по научной значимости специальных работ, эти авторы на основании чужих взглядов и мнений (часто ошибочных или опровергнутых) принимают самостоятельные решения по целому ряду вопросов. При этом они делают весьма важные выводы по проблеме этногенеза, никак не вытекающие из ими же приведенного материала, и зачастую противоречащие не только всем известным законам логики, но даже простому здравому смыслу.

В действительности же все гораздо сложнее. Узость источниковедческой основы по проблеме, крайний недостаток археологического, антропологического, этнографического, лингвистического и другого материала и, как следствие, отсутствие отработанной, логически цельной научной концепции по раннетюркской (гуннской) проблематике не позволяют в настоящее время перейти к более широким обобщениям. В этой связи достаточно отметить хотя бы то обстоятельство (весьма важное по существу, но почему-то нигде не учитываемое), что до сих пор на территории Азербайджана пока не выявлен ни один могильник (не говоря уже о поселении), который по способу погребения, характеру инвентаря и другим многочисленным признакам можно было бы с достаточной убедительностью отнести к погребениям, с ярко выраженными древнетюркскими чертами. И это в то время, когда памятники древнетюркского (гуннского) облика давным-давно известны на огромной территории от Монголии до Венгрии (включая Северный Кавказ), хорошо изучены и не представляют загадки для их атрибуции археологами. В этом смысле тем более непонятно, каким это образом иным авторам удаются глубокомысленные заключения по проблеме этногенеза азербайджанцев (в вопросе изначальной или ранней тюркизации), если они не опираются даже на один выявленный и четко датированный ранний древнетюркский археологический комплекс.

Главные акценты в работе расставлены на реконструировании политических событий и на их основании освещении цельной картины истории взаимоотношений гуннов с Албанией. Конечно, насколько это возможно, учитывая состояние дошедших до нашего времени

письменных источников. Вполне понятно, что в такой работе невозможно обойтись без полемики как по общим, так и по частным вопросам гуннской истории. Думается, что читателю без нее было бы даже неинтересно узнать, насколько гуннская проблема, несмотря на ее достаточную изученность, все же представляет собой еще много загадочного и неизвестного. К тому же, где еще, как не в полемике со множеством мнений, взглядов и концепций можно отстоять свою собственную точку зрения. Как это не выглядит парадоксальным, но мы до сих пор точно не знаем, кто именно были гунны по происхождению, на каком именно языке говорили, что общего и какая разница между так называемыми азиатскими и европейскими гуннами, какие именно азиатские племена входили в гуннский союз и были ли они вообще родственны гуннам по происхождению или языку, и многие другие не менее важные вопросы гуннской проблемы. Проблема, к которой с такой осторожностью подходят специалисты всего света, но в которой, как оказалось, прекрасно разбираются некоторые авторы с более широким кругозором. Чтобы не быть голословным, отмечу, что только по вопросу о языке гуннов (только языке!) существуют точки зрения о том, что гунны говорили на монгольском, маньчжурском, тюркском, финно-угорском, иранском и даже славянском языках. И ведь у каждой из этих теорий о языке гуннов были (и есть) свои сторонники, писались статьи и монографии, защищались диссертации. Просто отмахнуться от них или не заметить нельзя — в каждой из этих теорий, наряду с ошибочными, имеются и убедительные доводы, строгая логика аргументации. Сколько потребовалось времени, труда, знаний, борьбы, прежде чем большинство ученых сошлись наконец на теории тюркоязычности гуннов, хотя и здесь имеется множество различных точек зрения. До сих пор, например, исследователи спорят о том, какого именно типа был этот тюркский гуннский язык: был ли он близок языку орхонских надписей Монголии, или языку древних болгар Причерноморья, или языку других древних тюркских групп. Имеем ли мы один и тот же тюркский язык и в случае азиатских гуннов (хунну, сунну), и в случае европейских. Ведь прошло более 300 лет, прежде чем, исчезнув в китайских источниках, гунны появились в греко-латинских. А чего стоят вопросы гуннской ономастики и этнонимии, которые волнуют весь ученый мир тюркологии более двух столетий. До сих пор неясно, какого происхождения имя знаменитого вождя гуннов Аттилы — тюркского или готского (германского). Интересно отметить, что в последнее время возобладала, как кажется, готская версия этимологии этого имени, что само по себе поставило целый ряд новых вопросов. Все это — лишь то небольшое, что говорит о сложности подхода к гуннской проблеме. О непозволительности решать весь этот тонкий комплекс многогранных проблем двумя — тремя волевыми формулировками. Тем более в такой деликатной сфере, как этногенез азербайджанского народа. Здесь исследователю необходимо самому разобраться в каждом из многочисленных вопросов, составляющих гуннскую проблематику. Разобраться для того, чтобы самому, а не с чужих слов, судить о том, кто прав в той или иной трактовке данного события или факта, а кто заблуждается и почему. Ему необходимо отстоять право каждого решенного им вопроса на существование в науке, на что порой уходят долгие годы часто неблагодарной исследовательской работы, мучительных сомнений в своей правоте и честного признания своих ошибок. И лишь только потом, соединив все) воедино, подойти к обобщающим выводам о том, какую именно роль сыграли гунны в этнических процессах в целом. И зная, сколько времени нужно провести за письменным столом хотя бы для того, чтобы разобраться в таком, казалось бы, «простом» вопросе, как вопрос о времени и обстоятельствах появления первых гуннских групп сначала к востоку от Волги, а затем уже в Закавказье (в Албании), опробировать его в статьях на конференциях, выслушать немало критических замечаний, разобраться и в них, то необыкновенно сказочной может показаться жизнь в науке, когда вдруг неожиданно прочитаешь в очередной публикации о том, что «тюркоязычные гунны вместе с другими тюрками» составили ядро азербайджанского народа. Начинаешь думать, каких именно «тюркоязычных гуннов» имеет в виду именитый автор, каких именно «других тюрков» и какой именно «тюркский язык». Откуда это вдруг взялись эти гунны, да к тому же прямо в Азербайджане, и как это им удалось столь незаметно для исследователей миновать и Северный Кавказ и другие смежные регионы? И что это за такое этническое ядро, созревшее при помощи тюркоязычных гуннов? И вот, испытав всю гамму уместных в таком

случае чувств, мысленно поздравляешь этого автора за его откровение. За то, что не углубился он в дебри этого вопроса (откуда, когда, почему, как и зачем), а просто, в двух словах объяснил читателю на понятном ему языке, откуда пошел азербайджанский народ. Ведь, если бы этот автор вдруг узнал, что этот самый «тюркский» язык гуннов давным-давно исчез с лица земли, что между этим архаическим тюркским языком и современным тюркским — азербайджанским, такое же сходство, как между динозавром и ящерицей, то, вероятно, умудренный жизненным опытом, оставил бы непонятные и неведомые ему проблемы этногенеза. И обратился бы вновь к толкованию более привычных и менее коварных вопросов, ближе знакомых ему по специальности.

Теперь об источниках, на которых основана настоящая работа. Ограниченный объем сведений в раннесредневековой историографии о гуннах и связанных с ними племенах (большинство письменных источников уже более столетия доступно науке, а появление новых практически исключено) значительно осложняет нашу задачу. Вместе с тем письменные источники остаются основным материалом для ее решения. В этой связи в работе были привлечены сведения греческих, латинских, сирийских, армянских, грузинских и арабских источников, использованных частью в оригинале, частью — в переводах на русский и европейские языки. Наиболее ранние упоминания о гуннах сохранились в трудах двух представителей позднеантичной греческой историографии — стихотворном описании земли Дионисия Периегета (писал около 160 г.) и «Географическом руководстве» Клавдия Птолемея (писал между 175 и 182 гг.). Затем на протяжении более двух веков упоминания о гуннах отсутствуют в греческих и латинских источниках вплоть до известнейшего представителя латинской историографии IV в. грека по происхождению Аммиана Марцеллина (писал между 394 и 395 гг.). В своем историческом сочинении «Деяния» или «История» (последняя, дошедшая до нас часть которого охватывает период с 353 по 378 год) он сохранил очень важные сведения о массовом появлении гуннов в Восточной Европе.

Большую ценность представляют собой труды Приска Панийского — византийского писателя-дипломата, оставившего подробный отчет о путешествии в ставку царя гуннов Аттилы на Дунае, перу которого принадлежит известная, к сожалению, только во фрагментах «Византийская история и деяния Аттилы в восьми книгах» (охватывает период с 411 по 472 год), а также латинского историка Иордана (писал в 551 г.), в «Гетике» которого имеется много интересных сведений о гуннах IV–V вв. Следует особо подчеркнуть, что, в отличие от сочинения Аммиана Марцеллина, в произведениях Приска и Иордана впервые в раннесредневековой историографии упоминаются отдельные гуннские племена (алпилдзуры, алтзиагиры, акатзиры, сарагуры, оногуры и др.), что имеет огромное значение для определения их этнического происхождения.

Информацию о гуннах можно почерпнуть в сочинениях их современников, греческих и латинских писателей V–VI вв.: в «Продолжении истории Дексиппа» Евнапия (с 270 по 404 год), «Церковной истории» Филосторгия (с 300 по 404 год), «Новой истории» Зосима (доведена до 410 года), «Церковной истории» Сократа (с 305 по 439 год), «Письмах» Евсевия Иеронима (писал между 389 и 420 гг.), «Церковной истории» Созомена (с 324 по 423 год), «Хронографии» Иоанна Малалы (доведена до 563 г.), «Хронике» Марцеллина Комита (с 379 по 534 год), «Церковной истории» Евагрия (с 431 по 593 год).

Очень важное значение для нашей темы имеют данные о конкретных гуннских племенах (утигурах, кутригурах, оногурах), сохранившиеся в сочинениях блестящих представителей византийской школы историографии VI в. — «Истории Менандра Протектора (с 558 по 582 год), «Исто — Прокопия Кесарийского (с 484 по 554 год), «О царствовании Юстиниана» Агафия Миринейского (с 552 по 558 год), «Истории Менандра Протектора (с 558 по 582 год), «Истории» Феофилакта Симокатты (с 582 по 602 год). Известный материал о гуннах, сабирах, булгарах, хазарах и других племенах имеется у византийских хронистов IX в. — в «Бревиарии» Никифора (с 602 по 769 год) и в «Хронографии» Феофана (с 284 по 813 год).

Ценные сведения о гуннах и племенах гунно-булгарского круга (а именно так принято называть в науке племена, связанные с гуннами общими происхождением и судьбой) содержатся в трудах сирийских авторов — «Хронике» Иешу Стилита (составлена в 518 г.), «Эдесской хронике» (составлена в 540 г.), «Хронике» Захарии Ритора (Митиленского) (завершена в 555 г.), «Хронике» Псевдо-Дионисия Тельмахрского (доведена до 775/6 г.), «Хронике» Михаила Сирийца (около 1195 г.), «Всеобщей истории» Бар — Эбрея (доведена до 1285/6 г.).

Для характеристики племени народов, обитавших на Северном Кавказе в исследуемый период (гуннов, болгар, сабир, барсил, хазар и др.), огромное значение приобретают сведения закавказской историографической традиции.

В этой связи главного внимания заслуживают сочинения армянских авторов V в. — «История Армении» Агафангела (охватывает царствование царей Хосрова Великого и Трдата III), «История Армении» Мовсеса Хоренаци (с древнейших времен до 428 г.), «История Армении» Фавстоса Бузанда (период с 332 по 387 год), «О Вардане и войне армянской» Елишэ (с 428 по 463 год), «История Армении» Лазара Парпеци (с 387 по 484 год), а также данные Армянской географии VII в.

Особо важное значение для этой темы имеет сочинение «История албан», две первые части которого были составлены в конце VII — начале VIII в. Моисеем Каланкатуйским. В труде этого албанского историка содержится уникальный подчас материал, касающийся взаимоотношений гуннских племен непосредственно с Албанией и зачастую не имеющий аналогий с другими письменными источниками.

Сведения о кочевниках Кавказа можно почерпнуть в хронике «Жизнь картлийских царей» Леонти Мровели (XI в.), с которой начинается свод средневековых грузинских летописей «Картлис Цховреба» («Жизнь» или «История Картли») (Грузии). Сообщения о северокавказских племенах и их взаимоотношениях с Азербайджаном сохранились в трудах арабских авторов — «Книге завоевания стран» Балазури (ум. в 892 г.), «Истории пророков и царей» Табари (ум. в 915 г.), использовавшего не дошедшее до нашего времени среднеперсидское сочинение «Хвадай-намак» («Книга владык»).

Глава I

Гунны на Северном Кавказе

(ок. 160 — 395 гг.)

Во второй половине II в. н. э. в позднеантичной греческой историографии впервые появляется новый этнический термин — гунны. Он встречается в двух источниках II в. н. э. — в стихотворном описании ойкумены (обитаемой земли) Дионисия Периегета и «Географическом руководстве» Клавдия Птолемея.

По мнению одних исследователей, упоминаемые Птолемеем в описании племен Европейской Сарматии «хуны» (гунны) помещены в степи левобережья Днепра. По мнению других — на Днестре или между Манычем и низовьями Кубани. Так или иначе, исследователи принимают в основном тождество хуны — гунны и расходятся лишь в вопросе о более или менее точной их локализации на карте.

Несколько иное положение существует в отношении гуннов Дионисия, о которых до сих пор в научной литературе ведется дискуссия, направленная на само их существование в исторической литературе. Дело в том, что одним из исследователей было выдвинуто предположение о том, что Дионисий писал не гунны (по-гречески унной), а уитии, не имеющие к гуннам никакого отношения. Несмотря на то, что время от времени эта точка зрения обсуждается в научной литературе, тем не менее большинством исследователей признается достоверность упоминания гуннов Дионисием. И, как в случае с гуннами Птолемея, мнения расходятся в их размещении на карте. Гуннов Дионисия помещают то между Аральским и Каспийским морями, то на Волге, то на берегу Каспийского моря.

Между тем вопрос о локализации гуннов Дионисия является отправным для исследования хода исторических событий, связанных с начальным этапом гуннского движения на запад и первым появлением их в Восточной Европе. Поэтому остановимся на этом вопросе подробнее и попытаемся разобраться, где именно Дионисий помещает своих гуннов.

«Фигура всего Каспийского моря, — пишет Дионисий, — представляет собой закругляющуюся окружность; его, пожалуй, не переплывешь на корабле в три лунных круга, столь велик этот трудный путь. Устремляясь снова на север, оно (Каспийское море) соединяется с течением океана... Я расскажу (теперь) все о том, какие племена живут вокруг него, начав с северо-западной стороны. Первые — скифы, которые населяют побережье возле Кронийского моря (океана) по устью Каспийского (моря); потом — унны, а за ними — каспии, за этими — воинственные албаны и кадусии, живущие в гористой стране; вблизи их — марды, гирканы и тапиры...».

Итак, как ясно следует из данного отрывка, Дионисий начинает перечисление племен, обитающих «вокруг» Каспийского моря, с северо-западной стороны. При этом автор довольно четко представляет себе понятия «север», «запад», «юг», «восток», правильно ориентируется по частям света, что определенно вытекает из других частей контекста и является, пожалуй, одним из наиболее важных отправных пунктов его географических представлений. Поэтому последовательность перечисляемых им племен нельзя понимать иначе, как только по направлению к югу вдоль западного побережья Каспийского моря. Ибо Дионисий подчеркивает, что начинает описывать племена именно с северо-западной стороны, так как на севере, согласно античной географической традиции, которой следует Дионисий, Каспийское море своим «устьем» «соединяется» с океаном, тем самым как бы разделяясь им на западную и восточную половины. Первыми в описании следуют «скифы», которых Дионисий помещает возле Кронийского моря (океана) по «устью» Каспийского моря (возможно, что «устьем» подразумевается дельта Волги). Затем, т. е. южнее по западному побережью Каспийского моря, следуют унны (т. е. гунны), после которых сразу же названы каспии, албаны, кадусии, марды (или амарды), гирканы и тапиры (тапуры). Таким образом, за исключением каспиев, которые в данном случае, видимо, перепутаны местами с албанами (каспии, как известно, обитали южнее устьев Куры и Аракса, т. е. южнее собственно албанских племен), возможно, в угоду рифме (описание Дионисия все же стихотворное), последовательность племен, действительно обитавших вдоль Каспийского моря территории Албании на западе до Гиркании и Тапуристана (Табаристана в Иране) на юго-востоке, в целом выдержана верно и совпадает с аналогичным перечислением этих же племен знаменитыми географами древности (Эратосфен, Патрокл, Страбон, Плиний, Птолемей и др.). С другой стороны, если учесть, что Дионисий помещает гуннов по соседству с албанами и каспиями, между скифами и албанами, т. е. именно в северо-западной части Прикаспия, откуда, собственно, и начинает свое перечисление, а не в противоположном направлении (северо-восток), где их, например, локализируют между Каспийским и Аральским морями, то отсюда ясно следует, что гуннов вполне можно локализовать там, где их упоминает сам Дионисий. Завидная точность для античного автора, и это несмотря на далеко несовершенные географические представления II в. н. э. Таким образом, исходя из проделанного нами анализа сообщения Дионисия о новом как для второй половины II в. н. э.,

так и для этнической номенклатуры Кавказа этнониме, пожалуй, можно сделать следующий вывод: к 160 г. (время написания труда) какая-то группа племен, ставшая известной под названием «гунны», уже перешла Волгу и обитала в степях северо-западного Прикаспия.

В связи с сообщением Дионисия о нахождении какой-то группы гуннских племен в степях северо-западного Прикаспия по крайней мере уже со второй половины II в. вполне вероятными представляются сведения о гуннах в источниках V в., где первое упоминание о них восходит к первой половине III в. в труде Агафангела. Такое сопоставление необходимо еще и потому, поскольку в научной литературе существует вполне определенная точка зрения о недостоверности сведений источников о гуннах до V в. Что ж, попытаемся разобраться и в этом вопросе.

Итак, согласно Агафангелу, царь Хосров (217 — 236) из династии Аршакидов, на следующий год после гибели последнего парфянского царя Артабана V (213 — 224) и захвата власти в Иране основателем новой династии Сасанидов Ардаширом I (224 — 241), т. е., по-видимому, около 225 г., «... собрал войска албан и иберов, открыл ворота алан (Дарьял) и твердыню Чора (Дербент); он (Хосров) вывел войско гуннов для того, чтобы напасть на персидскую землю... Быстро прибыло (к нему) в поддержку много сильных и храбрых отрядов конницы албан, лпинов, чилбов, каспиев и других (народов) из тех областей, чтобы отомстить за кровь Артабана».

Второе упоминание гуннов в тексте Агафангелу откосится ко времени царствования царя Трдата III (287 — 332), где говорится, что Трдат «силой изгнал» вторгшихся с Северного Кавказа гуннов. Это же самое событие, видимо, более подробно отражено у Мовсеса Хоренаци, где, по его словам, Трдат «через земли албан» выступил навстречу вторгшимся с Кавказа, так называемым «северным народам». Однако в отличие от сообщения Агафангела, который называет врагов Трдата просто «гуннами» (хоны), Мовсес Хоренаци связывает столкновение Трдата в Албании на Гаргарейской равнине (совр. Мильская степь, бассейн реки Каркарчай) с басилами. Согласно Хоренаци, Трдат в единоборстве победил царя басил, после чего войска неприятеля обратились в бегство, но Трдат «пошел по их следам и преследовал до земли гуннов». Хронология этого события не поддается точному определению, тем не менее приблизительно его можно датировать первым десятилетием IV в., поскольку Агафангел сообщает об изгнании Трдатом гуннов до обращения его в христианство, а Мовсес Хоренаци помещает этот эпизод между восшествием на престол римского императора Константина в 306 г. и крещением армянского царя (ок. 314 г.). В тождестве обоих сообщений, кроме хронологического совпадения, еще больше убеждает тот факт, что и у Агафангела, и у Хоренаци это единственное свидетельство о вторжении кочевников в Закавказье, а именно в Албанию, во время царствования Трдата III.

Этноним басилы (барсилы) встречается в исторической литературе раннего средневековья довольно редко. В этой связи особый интерес представляет собой сообщение Мовсеса Хоренаци о времени и обстоятельствах первого появления басил (барсил) в Закавказье и первой их фиксации в источниках вообще. Это тем более важно для нашей темы, поскольку в научной литературе уже давно ставился и до настоящего времени обсуждается вопрос о близком родстве барсил с кругом гунно — болгарских племен.

Согласно Мовсесу Хоренаци, во время царствования царя Валарша (197 — 215/6) (арм. форма от парф. Вологеза), «... толпы хазир (хазар) и басил (барсил), соединившись, прошли через врата Чора (Дербент) под предводительством царя своего Внасепа Сурхапа, перешли реку Кур и рассыпались по эту сторону ее». Им навстречу вышел Валарш во главе многочисленного войска и, обратив их в бегство, преследовал до Чора, где и погиб «от руки могущественных стрелков». После гибели Валарша престол занимает его сын, Хосров, «на третьем году царствования персидского (парфянского) царя Артабана». Как известно, последней парфянский царь Артабан V, о котором здесь идет речь, провозгласил себя царем в 213 г. Хосров занял престол сразу же после гибели своего отца Валарша «на третьем году»

царствования Артабана V, как подчеркивает Хоренаци, т. е. в 216 г. Отсюда следует, что первое вторжение барсил с хазарами в Албанию, сведения о котором сохранил Мовсес Хоренаци, имело место, по-видимому, около 215/6 г, т. е. приблизительно за 10 лет до того момента, когда) согласно Агафангелу, при этом же царе Хосрове впервые появляются в Албании и гунны. По мнению известного русского историка М. И. Артамонова, упоминание в этом эпизоде хазар представляет собой анахронизм (т. е. несвоевременность). Хазары не могли в то время принимать участие в закавказских событиях. Допуская возможность менее анахронистического упоминания в этом же эпизоде барсил, М. И. Артамонов, возвращаясь к предыдущему сообщению Хоренаци о барсилах, считает, что царь Трдат (287 — 332), врагами которого, по словам Хоренаци, были барсилы, спутан историком с другим Трдатом, жившим на 200 лет раньше и воевавшим, согласно Иосифу Флавию и Амбросию Медиоланскому (греко-латинские авторы I и IV вв.), не с барсилами, а с аланами (Артамонов М. И. История хазар, с. 131 — 132). Ниже мы еще вернемся к трактовке сообщения Хоренаци о вторжении хазар и барсил в Албанию в связи с предложенной нами датировкой этого события, а также к мнению о предполагаемом анахронизме этих двух этнонимов. Здесь же пока отметим, что в данном случае Хоренаци ясно указал на свой источник, из которого черпал сведения о вторжении хазар и барсил в Албанию во время Валарша. Этим источником был известный сирийский писатель — гностик Бардесан или Бар Дайсан (154 — 222), сведения которого, по мнению другого известного русского историка Н. В. Пигулевской, заслуживают особого доверия (

Пигулевская Н. В., Города Ирана, с. 185 — 186).

С именем барсил византийская историография связывает название страны — Берсилии (Берзилии), которая располагалась, по мнению исследователей, в северо-западной части Прикаспийской низменности, на территории Северного Дагестана, т. е. именно в том самом районе, где, как мы попытались показать, помещает гуннов Дионисий Периегет. По сведениям Феофана и Никифора Берсилия являлась родиной хазар: «Хазары — великий народ, вышедший из глубин Берзилии, (страны) первой Сарматии», — пишет Феофан. Пользуясь общим с Феофаном источником, Никифор также сообщает: «...племя хазар, жившее по соседству с сарматами, в глубине страны, называемой Берилией (Берзилией)». Согласно письму хазарского царя Иосифа, хазары наряду с другими родственными им племенами (барсилами, булгарами и др.) нарваны в числе 10-ти легендарных братьев — эпонимов, происходящих от их общего родоначальника Тогармы, а по сообщениям арабских авторов Ибн Дзета и Гардизи, барселы (барчола) составляли одно из подразделений волжских булгар. Считается уже установленным точно языковое родство хазарского и болгарского языков, восходивших к западно-хуннской ветви тюркских языков, или к древнеболгарской языковой группе. В свете приведенных данных о барсилах можно также полагать, что это же родство связывало и язык барсил, возможно, также восходивший к языку древних булгар. В этом отношении особого внимания заслуживает легенда, сохраненная в труде сирийского писателя Михаила Сирийца и заимствованная им из утерянной части «Церковной истории» другого сирийского писателя Иоанна Эфесского (ок. 507 — 586). В легенде говорится, что в царствование византийского императора Маврикия (582 — 602) «из внутренней Скифии вышли три брата, которые вели с собой 30 тыс. скифов и проделали переход в 65 дней, (выйдя) с той стороны Имеонских гор». Они шли зимой, чтобы переходить замерзшие реки и, наконец, достигли реки Танаиса (Дон), который вытекает из озера Меотиды (Азовское море) и впадает в Понтийское море (Черное море). Как только они достигли границ ромеев (византийцев), один из братьев, по имени Булгар, взял 10 тыс. человек и, отделившись от своих братьев, перешел Танаис, направляясь к Дунаю. Здесь он обратился к Маврикию с просьбой дать ему землю для того, чтобы «жить и быть союзником ромеев». Маврикий дал Булгару Верхнюю и Нижнюю Мезию и Дакию — землю, которую «народ авар опустошал с дней (царствования) Анастасия» (491 — 518). Булгар и его люди победили авар и стали защитой для ромеев; «этих скифов ромеи называли булгарами». Два же других брата пришли в «землю алан, называемую Барсалия, города которой были построены

ромеями (и) которые (суть) города Каспия, называемые воротами Торайе; болгары и пугуры — их (городов Барсалии) жители, некогда были христианами; когда же над этой страной стал господствовать чужой народ, они были названы хазарами по имени того старшего брата, который был назван Хазарик. И это был сильный и широко распространенный народ».

Даже беглое сопоставление данных легенды с историческими фактами убеждает в том, что она впитала в себя разновременные элементы, сфокусированные в одно историческое целое. На расхождение сюжета легенды с исторической действительностью указывает хотя бы обстоятельство, что движение племен, обитавших за Имейской горой, (по-видимому, горы Тянь-Шаня), обычно связывается с движением гуннов, а не трех братьев. Вполне понятно, что различные легенды о гуннах, их происхождении и обстоятельствах появления в Европе имели широкое распространение в раннем средневековье, подобно тому, как в античное время были распространены легенды о происхождении скифов и сарматов. Уже у авторов V в. (Филосторгий, Созомен, Зосим) встречаются первые легенды о гуннах, а в VI в. к ним прибавляются новые (Иордан, Прокопий, Агафий). Между тем отдельные элементы данной легенды не лишены исторического зерна. Так, например, страна, где поселились два брата Булгара, названа «землею алан», т. е. имеется в виду Северный Кавказ, а именно его Прикаспийская часть — Берсилия — Барсалия (Северный Дагестан). Этот район действительно входил в места обитания ираноязычных сармато-аланских племен до и даже после появления здесь гуннов. В «воротах Торайе» нельзя не узнать сирийского эквивалента названия Чор (Дербент). С другой стороны, большую ценность представляет собой указание источника на этноним «пугуры», под которыми следует подразумевать одно из болгарских племен — огур (угур), ранняя история которых была тесно связана именно с районом Прикаспийского Дагестана — Берсилией (см. ниже). Однако наиболее существенным моментом этой легенды для нас является вполне реальная фигура не названного по имени третьего брата Булгара и Хазарика, в котором, несомненно, следует видеть Барсола или Барсила. Ввиду этого становится ясно, почему хазары и барсилы у Мовсеса Хоренаци или, что еще вернее, уже в труде Бар Дайсана (ум. в 222 г.), упоминаются вместе. Согласно предположению М. И. Артамонова, болгары в этой легенде отождествляются с гуннами, а нашествие последних рассматривается как один из моментов движения болгар и других родственных им племен, в том числе и хазар (

Артамонов М. И. , указ. соч., с. 130). По мнению М. И. Артамонова, барсилы составляли одно из подразделений болгар, которые сформировались только вместе с гуннами (там же, с. 131). Допуская возможность появления гуннов в восточной части предкавказской степи в первой половине IV в. и даже еще раньше (там же, с. 53), М. И. Артамонов считает, однако, что гунны в тексте Агафангела, равно как барсилы и хазары у Хоренаци, представляют собой анахронизм, в результате которого наименование современного авторам народа переносится в более или менее отдаленное прошлое (там же, с. 131). Исходя из этого, видимо, следует полагать, что барсилы как и родственные им хазары, являясь одновременно составной частью болгар, которые сформировались только вместе с гуннами, как подчеркивает М. И. Артамонов, могли появиться в предкавказских степях с гуннами только в составе их орды. Сами же гунны, полагает Н. И. Артамонов, могли появиться в Восточном Предкавказье в первой половине IV в. или даже еще раньше. Когда именно это могло произойти — а это для нас вопрос первостепенной важности, — М. И. Артамонов не уточняет. Между тем такая точка зрения М. И. Артамонова, которую разделяет еще целый ряд исследователей, оставляет без внимания, на наш взгляд, два решающих момента в этом отношении. С одной стороны, совершенно не учитывается возможность присутствия двух групп гуннов к западу от Волги уже во второй половине II в. (согласно сообщениям Дионисия и Птолемея), что, впрочем, отчасти вызвано неверной, по-видимому, локализацией гуннов Дионисия М. И. Артамоновым у Аральского моря (с. 42), а с другой — не уточняется весьма существенный вопрос о том, какие именно племена следует понимать под собирательным именем «гуннов». Здесь мы подходим к одному из самых важных моментов нашей работы, поскольку постараемся осветить в общих чертах (насколько позволит эта сложнейшая проблема), какими нам

представляются исторические и этнические процессы, связанные с началом движения азиатских племен из глубины материка на запад, в Восточную Европу.

Длительный процесс объединения и слияния в среде местных кочевых племен Восточного Казахстана и Западной Сибири уже в раннем железном веке привел к сложению в этом регионе двух больших групп древнетюркского и древнеугорского этнических массивов с весьма близкими культурными традициями. Последующий процесс этнического слияния в значительной степени был ускорен в конце I в. н. э., когда началось проникновение в южно-сибирские степи вытесненных из Монголии гуннов (хуннов — из китайских источников). По мере продвижения на запад и северо-запад, в Среднюю Азию, разгромленные в Монголии китайцами и кочевыми племенами сяньби остатки северных (или западных) гуннов включили в свой состав часть отюреченных ими сако-усуньских племен среднеазиатского междуречья. Усилившись за счет военной мощи увлеченных за собою племен, гунны распространили свое политическое господство на древнетюркские (западные) племена верховьев Оби и Алтая, а также на древнеугорские племена Прииртышья и Западной Сибири. Однако, будучи весьма немногочисленными, гунны быстро растворились в массе покоренных и союзных им племен этого региона, передав вновь созданному ими мощному племенному союзу свое этническое имя. Параллельно с процессом установления гуннского господства и объединения местных и пришлых племен под именем гуннов на территории Восточного Казахстана и Западной Сибири происходил процесс отюречивания основного угорского этнического компонента в рамках созданного центрально-азиатскими гуннами военно-политического объединения. Однако в этом сложном и многообразном этнополитическом процессе эти явления протекали неравномерно и не полностью охватывали всю массу кочевого населения этого региона. Вероятно, сосуществование различных по происхождению, языку и культуре племенных групп формировавшегося объединения носило длительный и устойчивый характер. Однако именно в этой этнической среде, по-видимому, не раньше начала IV в. окончательно сложился в целом уже единый на архаическому тюркскому языку западно-хуннской ветви, но разнородный по составляющим его основным этническим компонентам, гунно-булгарский племенной массив. Ядро этого гунно-булгарского массива составляли в основном собственно древнебулгарские племена, формирование которых как особой племенной общности началось, видимо, уже в раннем железном веке на основе местной этнической среды кочевых племен Восточного Казахстана и Западной Сибири, но было завершено только при участии гуннов (хуннов). Другим основным компонентом гунно-булгарского массива являлись племена, связанные своим происхождением, по-видимому, с кругом отюреченных сако-усуньских и западных древнетюркских племен.

По всей вероятности, уже в начале II в. н. э. местные конфликты и трения между отдельными племенами (причины, сопутствовавшие особому характеру процесса объединения сибирских и казахстанских племен под именем «гуннов» и складыванию гунно-булгарского Этнического массива) и обусловили постепенное передвижение отдельных племенных групп, отколовшихся от основного племенного массива, сначала в междуречье Урала и Волги (интересно отметить, что р. Урал уже у Птолемея (носит древне-тюркское название Йайик — «распростертой»), а затем возможно, к середине II в. н. э. продвижение их из-за Волги на Северный Кавказ. Одной из таких групп, проникшей из-за Волги в прикаспийские степи, явилась по существу авангардная часть тюркоязычных древнебулгарских племен, состоявшая из нескольких родственных между собою племен (барсил, хазар), ставших известными Дионисию Периегету под собирательным именем «гуннов». Гуннами они были лишь постольку, поскольку сформировались как самостоятельное этническое целое внутри племенного союза, созданного центрально-азиатскими гуннами (хуннами) в Зауралье. Булгарами же они были по признаку этнической и языковой принадлежности.

Отсутствие в источниках прямых и даже косвенных данных не позволяет нам реконструировать ход исторических событий на Северном Кавказе в связи с появлением в прикаспийских степях этой первой группы гуннских (т. е. булгарских) племен. Между тем

именно отрывочные сведения армянских источников о гуннах (т. е. барсилах и хазарах) до V в. (обычно признаваемые в литературе за анахронизм) дают основания полагать, что незначительность этой новой группировки кочевников обусловила их некоторую политическую зависимость от сильной племенной конфедерации ираноязычных племен, известных под названием маскутов (арм. форма массагетов).

Согласно сообщению Фавстоса Бузанда, маскутский царь Санесан, «повелитель многочисленных войск гуннов», готовя набег на Армению во время царствования, сына Трдата III — Хосрова Котака (332 — 342), собрал войска «гуннов, похов, таваспаров, хечматаков, ижмахов, гатов и глуаров, гугаров, шичбов и чилбов, и баласичев и егерсванов, и несметное множество других разношерстных кочевых племен, все множество войск, которым он повелевал». Судя по обстоятельному рассказу Бузанда об этом вторжении в Армению в конце 30-х гг. IV в., поражении войска Санесана и его гибели, в нашествии наряду с гуннами и маскутами принимали участие и аланы. Сочетание алан с гуннами, участвовавших вместе с маскутами в набеге Санесана на Армению во время Хосрова, встречается еще раз у Фавстоса Бузанда при описании борьбы армянского царя Аршака (345 — 367) с шахом Шапуром II (309 — 379), когда полководец Васак, призвав на помощь гуннов и алан, выступил против персов. Поскольку этот эпизод следует сразу же за сообщением Бузанда о взятии и разрушении Шапуром II города Тигранокерта, — событие, имевшее место, по-видимому, во время месопотамской кампании сасанидского шаха в начале 60-х гг. IV в., то сообщение о призвании Васаком на помощь гуннов и алан можно приблизительно датировать именно этим временем. М. И. Артамонов склонен считать, однако, что гунны у Фавстоса Бузанда попали в перечень племен, участвовавших в набеге Санесана в конце 30-х гг. IV в., так же как и в рассказе Агафангела о событиях начала III в. не потому, что они в это время уже находились в степях Северного Кавказа, а только потому, что этот народ был хорошо известен в V в., когда оба писателя создавали свои произведения. Вместе с тем второе упоминание гуннов наряду с аланами в войске Аршака у Бузанда, по мнению М. И. Артамонова, выглядит уже правдоподобным, так как наличие гуннов на Кавказе в середине IV в. представляется более вероятным (указ. соч., с. 51). Если исходить из этой точки зрения, то получается, что в одном и том же тексте одного и того же автора гунны, упоминаемые в первый раз в составе войска Санесана в конце 30-х гг. IV в. — анахронизм, а их второе упоминание в начале 60-х гг. IV в. — уже, видимо, не анахронизм. Какие именно «гунны» имеются в виду во втором случае, М. И. Артамонов не уточняет. Создается впечатление, что Фавстос Бузанд в первом случае намеренно допустил анахронизм, перенеся гуннов, современником которых он был в 70-х гг. V в. (время составления его труда), в 30-е гг. IV в., и поместив их по соседству с маскутами в Дагестане (маскуты обитали в Южном Дагестане и сопредельном районе Азербайджана). Во втором же случае он просто ограничился регистрацией факта. Может быть, он хотел этим подчеркнуть победу Хосрова над огромным войском маскутского царя, «повелителя многочисленных войск гуннов». Между тем, с одной стороны, Фавстос Бузанд отводит главную роль в набеге Санесана не гуннам, что ясно следует из контекста, хотя именно обратное скорее всего можно было бы ожидать от автора V в., хорошо знакомого с современными ему гуннами Северного Кавказа. Главную роль в этом набеге он отводит маскутам и связанным с ними племенам, в частности ираноязычным аланам. Такое положение вполне соответствует политической ситуации в Восточном Предкавказье в 30-х гг. IV в., когда в дагестанских степях действительно могли преобладать маскуты, а подчиненная им незначительная группа гуннских (т. е. болгарских) племен, очевидно, играла лишь второстепенную роль как часть их ополчения. С другой стороны, такое положение совершенно не вяжется с политической обстановкой в Восточном Предкавказье в 70-х гг. V в., когда господствовавшие здесь гунны подчинили своей власти не только маскутов Южного Дагестана, но и, видимо, даже часть аланских племен Центрального Предкавказья. О том, какую важную роль играли в V в. не только в Дагестане, но и в Закавказье, свидетельствуют и современники Фавстоса Бузанда — Елишэ и Лазар Парпеци (см. главу II). Другими словами, если бы Фавстос Бузанд, говоря о событиях 30-х гг. IV в., имел в виду современных ему гуннов V в., то тогда именно гунны, а не маскуты и аланы, должны были быть главной

действующей силой в войске Санесана. В этой связи следует вспомнить и то обстоятельство, что, по словам Бузанда, Васак в 60-х гг. IV в. призвал на помощь против персов именно гуннов, а не маскутов, которые по занимаемой ими территории гораздо быстрее могли откликнуться на его призыв. Объяснить это обстоятельство за неимением фактов приходится вновь предположением. Очевидно, ослабленные поражением в Армении в конце 30-х гг. IV в., маскуты именно с этого времени перестают играть важную роль самостоятельной военно-политической силы в Дагестане. Вместе с тем дагестанские маскуты были настолько тесно связаны с гуннами, что это побудило даже некоторых авторов говорить о существовании в IV в. на территории Северной Албании гуннского «государства» во главе с Санесаном. Когда же могла возникнуть такая связь и с какими именно гуннами? Нам представляется, что Фавстос Бузанд в обоих случаях имел в виду не кавказских гуннов V в., как думают М. И. Артамонов, а также А. В. Гадло (Этническая история Северного Кавказа, с. 33 — 37), а именно ту немногочисленную группу гуннов, которая уже по крайней мере со второй половины II в. (согласно Дионисию) обитала в северо-западной части прикаспийских степей и кочевала по соседству с жившими южнее ираноязычными маскутами. В таком понимании этого вопроса сведения Фавстоса Бузанда о гуннах не будут служить поводом для объяснения их одним анахронизмом. Они будут лишены как внутреннего, так и внешнего противоречий и в свою очередь обнаружат интересную взаимосвязь с данными о гуннах Агафангела и Хоренаци. Здесь же необходимо отметить, что высказанное нами выше мнение о том, что под гуннами Дионисия Периегета и армянских авторов (Агафангела и Бузанда) следует понимать не просто безликую аморфную массу каких-то «гуннов», неизвестно когда, откуда и почему появившихся на Кавказе (как это обычно наблюдается у тех исследователей, которые по своим особым соображениям подкрепляют этими данными свои глубокомысленные заключения по этногенезу), но группу болгарских племен, может быть подтверждено совершенно независимым источником. Речь идет о памятнике, известном в научной литературе под названием Анонимного хронографа 354 г. Оригинал этого сборника восходит к 353 г., а наиболее важный его XV раздел представляет собой латинский перевод греческой хроники Ипполита, доведенной до 230 г. Перечисляя племена, обитавшие к северу от Кавказа, анонимный автор на последнем месте упоминает болгар. Однако в данном случае этноним «болгары» не следует рассматривать как одно конкретное племя, обитавшее к северу от Кавказа во время составления хронографа. Такое буквальное понимание этого сообщения, как правило, приводит либо к мнению о недостоверности этого весьма важного исторического свидетельства, либо к выводу о ираноязычном (сармато-аланском) происхождении древних болгар. Здесь этот этноним охватывает не одно единственное племя, а группу племен, связанных одним происхождением и языком, а потому объединенных общим для них этническим именем болгар.

Теперь на основании вышеизложенного можно попытаться в общих чертах реконструировать ход исторических событий на Кавказе, связанных с сообщениями о гуннах Дионисия Периегета, болгарях Анонимного хронографа 354 г. и гуннах (хазарах и барсилах) армянских источников. Видимо, около 215/6 г. хазары и барсилы, пройдя через Дербентский проход, под предводительством своего вождя Внасепа Сурхапа, вторглись в Албанию, но на правом берегу Куры были разбиты армянским царем Валаршем, который пал в сражении с ними (Бар Дайсан, Мовсес Хоренаци).

Через 10 лет, в 225 г., гунны (т. е. те же самые хазары и барсилы) вновь появились в Закавказье, но на этот раз уже в качестве наемников Хосрова в созданной им коалиции против первого сасанидского шаха Ардашира I (Агафангел).

Затем на протяжении более 80 лет вторжения с Северного Кавказа не фиксируются в источниках. Вероятно, это было связано с перегруппировкой в среде кочевых племен Восточного Предкавказья и укреплением гуннов на территории Северного Дагестана, с этого времени именовавшегося «землею гуннов», а впоследствии известном в византийских источниках как Берсилия — Барсалия (родина хазар), получившая свое название от

этнического имени барсил, игравших в этот промежуток времени, очевидно, главную роль среди племен этого региона. С другой стороны, именно в этот период времени (вторая половина III в.) в грузинской историографии появляются сведения о многочисленных набегах на Иберию (Грузия, Картли) алан, (овсов), начиная с царствования Амазаспа — 18-го царя Картли, согласно Леонтия Мровели. Это было вызвано, несомненно, активизацией внешней политики аланского объединения в отношении Западного Закавказья.

В первом десятилетии IV в. барсилы под предводительством своего вождя, названного в «Истории Тарона» Зеноба Глака «царем севера Тедрехоном», через Дербентский проход вновь вторглись в Албанию, но на Гаргарейской равнине были разбиты армянским царем Трдатом III (Агафангел, Хоренаци). Именно в это время гунны, ослабленные военным поражением в Албании, очевидно, и оказались в политической зависимости от своих южных соседей маскутов, царь которых Санесан в этой связи был назван Фавстосом Бузандом «повелителем многочисленных войск гуннов».[2]

В конце 30-х гг. IV в. гунны приняли участие в набеге северокавказских племен на Армению вместе с аланами и маскутами, в то время как раньше они упоминались вне связи с последними, а в начале 60-х гг. IV в. уже только с аланами они выступили в качестве наемников армянского царя Аршака против сасанидского шаха Шапура II (Бузанд). Приблизительно в это же время латинский источник фиксирует булгар среди северокавказских племен (

Анонимный хронограф , 354 г.).

Сообщение Фавстоса Бузанда об участии гуннов и алан в закавказских событиях начала 60-х гг. IV в. является последним их упоминанием в серии последовательных сведений армянской историографии о кочевниках Кавказа вплоть до начала V в. Последние десятилетия царствования Шапура II были насыщены напряженной политической борьбой и военными столкновениями с Римской империей в Закавказье, в частности в Армении. В 371 г. ставленник императора Валента (364 — 378) армянский царь Пап (369 — 374) при помощи римских войск стал вести активные действия против сасанидского Ирана, что привело к крупному военному столкновению римских и армянских войск с армией Шапура II на Дзиравском поле у горы Нпат в Армении. В этом сражении северокавказские племена не принимали никакого участия, тогда как раньше столь значительные военные операции в Закавказье обычно без них не обходились. Чем было вызвано это обстоятельство? Нам остается неизвестным, в силу каких причин события, происходившие в это время на Северном Кавказе, не попали в поле зрения армянских источников, подробно осведомленных о событиях того же времени в Закавказье. Между тем именно в это время на Северном Кавказе происходили грандиозные по своим масштабам и последствиям исторические события, всколыхнувшие весь степной мир Евразии. Видимо, в самом конце 60-х гг. IV в., форсировав Волгу, в степи Северного Кавказа хлынула основная масса гуннских племен; начался второй, главный этап движения гуннов из Азии в Европу и появление их в Юго-Восточной Европе.

Современник этих событий Аммиан Марцеллин дает следующее классическое описание гуннов.

«Семенем всех несчастий и корнем разнородных бедствий, которые возбудила воинственная ярость обычным, все смешивающим пожаром, послужила, как нам известно, следующая причина. Племя гуннов, о которых мало знают древние авторы, живет за Меотийскими болотами у Ледовитого океана и превосходит всякую меру дикости.

При самом рождении делаются на щеках ребенка глубокие надрезы острым оружием для того, чтобы рост выступающих в свое время волос притуплялся образующими морщины рубцами, и, таким образом, они стареют безбородыми и лишены всякой красоты, подобно

евнухам; все они отличаются плотным и крепким телосложением, толстыми затылками и вообще столь страшным и чудовищным видом, что можно принять их за двуногих зверей или уподобить сваям, которые грубо вытесываются при постройке мостов.

При столь неприятном человеческом облике они так дики, что не употребляют ни огня, ни приготовленной пищи, а питаются кореньями полевых трав и полусырым мясом всякого скота, которое кладут между своими бедрами и лошадиными спинами и нагревают парением.

Они никогда не сооружают никакие строения и питают к ним отвращение как к гробникам, отрешенным от обычного людского обихода. У них нельзя найти даже прикрытого тростником шалаша; кочуя по горам и лесам, они с колыбели приучаются переносить холод, голод и жажду, и на чужбине они не входят в жилище за исключением крайней необходимости: у них даже не считается безопасным находиться под кровлей.

Они одеваются в одежды холщовые или сшитые из шкурок лесных мышей; у них нет различия между домашней и выходной одеждой; раз надетая туника устарелого цвета снимается или меняется не раньше, чем от долговременного гниения расплзается в лохмотья.

Головы они покрывают шапками, а волосатые ноги защищают козьими шкурами; обувь, не пригнанная ни на какую колодку, мешает выступать свободным шагом. Поэтому плохо действуют в пешеходных стычках, но зато как бы приросли к своим выносливым, но безобразным на вид коням: на них каждый из этого племени ночует и проводит день, покупает и продает, ест и пьет и, пригнувшись к узкой шее своего коня, погружается в глубокий сон.

Если случится рассуждать о серьезных делах, они все сообща советуются в том же обычном порядке. Они не подчинены строгой власти царя, а довольствуются случайным предводительством знатнейших и сокрушают все, что попадает на пути. Иногда, под угрозой нападения, они вступают в битвы клинообразным строем со свирепыми криками. Будучи чрезвычайно легки на подъем, они иногда неожиданно и нарочно рассыпаются в разные стороны и рыщут нестройными толпами, разнося смерть на широкое пространство; вследствие их необычной быстроты не случается, чтобы они напали на укрепления или грабили неприятельский лагерь.

Их потому можно назвать самыми яростными воителями, что издали они сражаются метательными копьями, на конце которых вместо острия с удивительным искусством приделаны острые кости, а в рукопашную рубятся, очертя голову, мечами и, сами уклоняясь от ударов, набрасывают на врага крепко свитые арканы для того, чтобы, опутав противника, отнять у него возможность усидеть на коне или уйти пешком.

У них никто не занимается хлебопашеством и никогда не касается сохи. Все они, не имея ни определенного места жительства, ни домашнего очага, ни законов, ни устойчивого образа жизни, кочуют по разным местам, как будто вечные беглецы, с кибитками, в которых они проводят жизнь.

В перемирии они неверны и непостоянны, быстро увлекаются всяким дуновением новой надежды и во всем полагаются на свою необузданную храбрость. Подобно неразумным животным, они не имеют никакого понятия о чести и бесчестии; они уклончивы и темны в речах, когда не связаны с уважением к религии; они пылают неудержимой страстью к золоту и до такой степени непостоянны и вспыльчивы, что иногда в один и тот же день без всякого подстрекательства изменяют своим союзникам и снова примираются без всякого посредничества.

И вот этот подвижный и неукротимый народ, воспламененный дикой жаждой грабежа, двигаясь среди грабежей и убийств, дошел до земли алан, древних массагетов».

Первое столкновение гуннов с аланами, кочевавшими в степях Азово-Каспийского междуморья, произошло, очевидно, в северо-западной части нынешних калмыцких степей и в районе, который образует излучина Дона и среднее течение реки Маныч. Вклинившись, таким образом, в самый центр междуморья, гунны разорвали непрерывность аланских поселений и кочевий, отбросив одну часть алан на юг, в предгорья Кавказского хребта, а другую — прижав к излучине и нижнему течению Дона. Внезапность нападения и быстрота, с какой гунны рассекли на две части аланские племена, лишив их возможности вести координированные действия, вскоре привели к тому, что, по словам Иордана, гунны подчинили себе алан, «хотя и равных им в бою, но отличавшихся от них (общей) человечностью, образом жизни и наружным видом, обессилив их частыми стычками».

Однако гунны не долго оставались в степях Северного Кавказа. Видимо, уже к концу 370 г. гунны нанесли второй и последний удар по аланским племенам, закрывавшим им доступ к богатым торговым греческим городам восточного побережья Азовского моря (Танаис, Тирамба, Фанагория) и Крыма (Пантикапей, Нимфэй, Киты, Феодосия). Согласно Аммиану Марцеллину, гунны, вторгшись в землю тех алан, которые граничат с грейтунгами (остготами) и «обыкновенно называются танаитами, произвели у них страшное истребление и опустошение, а с уцелевшими заключили союз и присоединили их к себе». Вместе с аланами в 371 г. гунны вторглись в земли Северного Причерноморья, обрушившись на территорию остготов, во главе которых стоял царь Германарих. Это событие ознаменовало третий и последний этап движения гуннов из Азии в Европу, закончившийся утверждением их в 377/8 г. на дунайской границе Византийской империи.

Известный американский исследователь истории гуннов О. Мэнчен-Хелфен считает, что гунны нанесли единственный удар по аланским племенам в районе Дона. Он полагает, что точное место столкновения не поддается локализации, хотя, возможно, подобно поздним завоевателям, главные силы гуннов могли действовать в низовьях Дона (Мир гуннов, с. 19). Неизвестным остается и то обстоятельство, где именно гунны перешли Волгу. Между тем, на наш взгляд, вполне очевидно, что переправа основной массы гуннских племен не могла произойти севернее нынешнего Волгограда, так как это противоречило бы направлению движения, гуннов к Волге по североказахстанским степям, а также сведениям Аммиана Марцеллина и Иордана.

Вероятность не одного, как принято обычно считать, а двух главных ударов гуннов по аланским племенам логически вытекает из ситуации в северокавказских степях накануне гуннского вторжения. Если бы гунны, только появившись из-за Волги, нанесли единственный удар по аланам, которых Аммиан Марцеллин называет танаитами, то это было бы весьма непредусмотрительным шагом со стороны гуннов, которые, несомненно, заранее готовили свое вторжение и переправу через Волгу. В таком случае в тылу у гуннов,двигающихся с обозом, женщинами и детьми, оказались бы аланские и союзные с ними племена, обитавшие южнее, в районе от восточного побережья Азовского моря и Кубани (сираки, меоты, синды и др.) до Каспийского моря (сармато-аланские и болгарские племена Западного — Прискаспия). Это обстоятельство нельзя не учитывать при анализе сообщений Аммиана Марцеллина и Иордана. К тому же сообщение Иордана, что гунны подчинили алан, «обессилив их частыми стычками», говорит против указания Марцеллина на вторжение гуннов только в земли алан-танаитов. С другой стороны, переход гуннами Керченского пролива свидетельствует о том, что они действовали и в районах, прилегающих к восточному побережью Азовского моря и низовьям Кубани. Последнее было бы возможно лишь при условии обеспеченного тыла, т. е. гунны, находясь в самом центре предкавказских равнин, не должны были испытывать противодействия со стороны алан и их союзников. Все это говорит о том, что гунны, по-видимому, первым ударом рассекли аланские племена на две части в самом центре северокавказских степей, вытеснив одну из них в предгорья Кавказа, а другую, прижав к Дону, тем самым обеспечив себе возможность продвижения к Азовскому морю. Вторым ударом гунны истребили часть вытесненных ими же к Дону алан, а также обитавших на Дону ранее

алан — танаитов.

Несмотря на скудность и фрагментарность сведений о гуннах в раннесредневековой историографии, нам достаточно хорошо известны (по источникам V–VI вв.) почти все конкретные племенные наименования азиатских кочевников, составлявших ядро появившегося в Восточной Европе гуннского союза племен. В этой связи обратимся к анализу всех известных нам гуннских этнонимов, которые могут дать нам важный (если не единственный) материал для освещения проблемы этнической принадлежности пришлых из Азии племен, ставших известными в Европе под собирательным именем «гуннов». Эти этнонимы следующие:

Акатзиры (акатиры, акациры) — (Приск, Иордан);

алтзиагиры — (Иордан);

алпилдзуры — (Иордан);

ангизгиры — (Иордан);

бардоры — (Иордан);

биттугуры — (Иордан, Агафий),

буругунды — (Агафий);

кутригуры — (Прокопий, Агафий, Менандр);

огуры — (Приск, Менандр),

оногуры — (Приск, Агафий, Феофилакт Симокатта),

сарагуры — (Приск);

тунгуры — (Приск, Иордан);

ултиндзуры — (Иордан, Агафий),

утигуры — (Прокопий, Агафий, Менандр).

Сразу необходимо отметить, что в данный список нами включены только те племена, которые, с одной стороны, в письменных (греческих и латинских) источниках V–VI вв. вполне определенно названы «гуннскими», а с другой — принадлежность которых к кругу собственно гуннских (т. е. пришлых из Азии) племен признана большинством исследователей. По принципу характерного для этих этнонимов второго компонента их можно сгруппировать следующим образом:

I. Группа с компонентом

(о)гур :

Биту-гур

кутри-гур

он-о-гур

сара-гур

о-гур

тун-гур

утри-гур

II. Группа с компонентом

дзур (чур) :

Алпил-дзур (алпилчур)

Ултин-дзур (ултинчур)

III. Группа с компонентом

гир :

Алтзиа-гир

Ангиз-гир

IV. Группа остальных этнонимов:

акатзир (акатир, акацир)

бардор

буругунд

Первую группу гуннских этнонимов со вторым компонентом (о)гур исследователи относят к кругу собственно болгарских племен, где второй компонент в наименованиях этих этнонимов, по их мнению, является корнем, передающим этническое «огур» (огор, угор), а первый компонент, видимо, есть тюркский префикс. В сочетании этих двух компонентов выявляется предположительная семантика (значение) некоторых этнонимов, например, он-огур (десять огур), сара-гур (сэры (о)гур — желтый (белый) огур). Значение остальных этнонимов этой группы пока не решается однозначно.

Вторая группа гуннских этнонимов содержит компонент «чур» — титул, широко известный из древнетюркских рунических надписей Северной Монголии, Восточного Туркестана и других районов. Этот титул встречается в наименовании одного из восьми племен печегенов — куарчичур и поныне бытует в наименованиях некоторых киргизских (кара-чоро, боро-чоро, оно-чоро) и казахских (бай-чура, кара-чура) родов. В этой связи вполне вероятной представляется точка зрения О. Мэнчен-Хелфена, согласно которой гуннские племена

алпилчур и ултинчур могут быть отнесены к кругу собственно древнетюркских племен (указ. соч., с. 441).

Два гуннских этнонима третьей группы с компонентом «гир», который, по предположению О. Мэнчен-Хелфена, также может означать титул, как и «чур» (с. 404), пока не поддаются более или менее точному семантическому определению. Вместе с тем аналогичный компонент «гир» — встречается в наименованиях двух огузских племен в словаре выдающегося тюркского ученого-филолога Махмуда Кашгарского (XI в.) — йазгыр (йазгир) и урекир (урегир). И хотя в настоящее время не представляется возможным точнее определить этническое происхождение гуннских племен этой группы, однако, если судить по аналогии с двумя тюркскими огузскими этнонимами списка Махмуда Кашгарского, то предположительно эти два гуннских племени, видимо, можно отнести к тому же кругу древнетюркских племен. Здесь же необходимо подчеркнуть, что гуннские племена с окончанием «чур» и «гир» скорее всего принадлежали именно к тому этническому кругу древнетюркских племен, часть которых впоследствии вошла в состав печенежского и огузского племенных союзов.

Этнонимы IV группы не поддаются классификации в той форме, в которой они засвидетельствованы источниками. Между тем этноним «бардор», реконструированный в форме «бардур», имеет сходство по суффиксу «дур» с одним из огузских племен того же списка Махмуда Кашгарского — баюндур. На этом основании и племя бардор (бардур) предположительно можно отнести к тому же кругу древнетюркских племен.

Этноним акатзир (акатир, акацир) вызвал оживленную полемику в научной литературе уже в прошлом столетии, однако до настоящего времени вопрос о его происхождении и семантике еще окончательно не решен, хотя большинство исследователей склонны считать этот этноним тюркского происхождения. Так появились первые этимологии этого этнонима — «агач — эри» (лесные люди) и «ак — хазар» (белый хазар). К последней точке зрения близка и позиция М. И. Артамонова, который весьма осторожно указал на возможную связь акатзир (акацир) с хазарами (указ. соч., с. 56). В последнее время эту же гипотезу поддержал А. В. Гадло, по мнению которого акациры — лесные люди (агач — эри) впоследствии превратились в степняков — хазар (от тюркского глагола «каз» — кочевать, бродить) (указ. соч., с. 15, 60). Со своей стороны, не предлагая никакой этимологии, хотелось бы отметить, что этот этноним в форме «акачир» (акатзир) (тюркское «ч» греки обычно передавали через «тз») может быть легко увязан и с формой «акач(у)р» (акатзур), поскольку замена гласного звука в суффиксе — явление, очень часто встречающееся в передаче на греческий и латинский языки иностранных терминов. Если это предположение не слишком далеко от истины, то тогда во втором компоненте предложенной нами формы мы вновь встречаемся с тем же самым титулом «чур», который входит в состав этнонимов группы «чур». На этом основании можно предположительно отнести и этот этноним к группе «чур» гуннских этнонимов, другими словами — к кругу собственно древнетюркских племен.[3]

Этноним буругунд, последний не поддающийся классификации этноним IV группы, единственный раз встречается в тексте византийского историка Агафия и не упоминается более ни одним источником. В результате анализа его происхождения, которому была посвящена специальная статья, мы пришли к выводу, что этноним «буругунд», по-видимому, представляет собой булгаро-тюркскую форму собственного этнического имени древних булгар.

Таким образом, предварительный анализ гуннских этнонимов дает нам основание полагать, что этнический состав гуннов, появившихся в последней четверти IV в. в степях Восточной Европы, в основном состоял из двух больших, разнородных по происхождению, но близких по языку трупп древнебулгарских и древнетюркских племен.

Наиболее связный рассказ о вторжении гуннов и алан в 371 г. в степи Северного Причерноморья и о войне между ними и остготами сохранился в трудах Аммиана

Марцеллина и Иордана. Между тем в сочинении Иордана имеется весьма существенная деталь этого вторжения, отсутствующая у Аммиана. По словам Иордана, как только гунны «перешли громадное озеро (Азовское море), то — подобные урагану племен — захватили там алпидзуров, алкидзуров, итимаров, тункарсов и боисков, сидевших на побережье этой самой Скифии». Этот пассаж «Гетики», заимствованный Иорданом из утерянной части труда Приска, тесно связан с сообщением самого Приска о том, что около 433 г. царь гуннов Руа (Руга, Ругила) решил вступить в войну с амилдзурами, итимарами, тоносурами и боисками, племенами, обитавшими по Истру (Дунаю) и прибегшими к союзу с ромеями (византийцами). [4]

Из этих двух сообщений ясно следует, что речь идет об одних и тех же племенах, причем совпадают не только наименования (с некоторыми вполне понятными видоизменениями), но и порядок их перечисления. Разница состоит только в локализации этих племен и в датировке самих сообщений. Нам придется в них разобраться.

Итак, согласно Аммиану Марцеллину, гунны вторглись во владения остготов через Дон, поскольку у него нет указаний на другой путь. Напротив, по Иордану (а, возможно, и самому Приску, т. к. Иордан заимствовал эту часть у него), гунны «перешли громадное озеро» (Азовское море), т. е. вторглись через Керченский пролив. Прямые указания на переход гуннами Боспора Киммерийского (Керченского пролива) имеются в трудах других авторов (Созомена, Зоскма, Прокопия, Агафия и др.). Исходя из этого ясно, что гунны вторглись в землю остготов двумя путями: через Дон и через Керченский пролив. Из сообщения Иордана следует, что столкновение гуннов с перечисленными им племенами произошло сразу же после перехода гуннами пролива, по-видимому, на территории Восточного Крыма или Западного Приазовья. Исходя из этого, указанные Иорданом племена следует локализовать в районе восточной части Крымского полуострова вплоть до западного побережья Азовского моря, а их первое упоминание датировать временем вторжения гуннов в землю остготов, т. е. 371 г. Во втором случае эти же племена, согласно Приску, уже обитали в Подунавье, а их второе упоминание относится ко времени господства гуннского вождя Руа (Ругилы), т. е. к 433 г. И в том и в другом случае гунны вели военные действия против этих племен, что ясно указывает на враждебный характер отношений между ними. По мнению исследователей, перечисленные Иорданом и Приском племена являются гуннскими: первое — алпидзуры или алпил-чуры, т. е. храбрые люди чур (а) — характерный тюркский этноним с суффиксом (титолом) «чур», связанный с выделенной нами группой гуннских этнонимов, оканчивающихся на «чур». Третье племя — тункарсы (тоносуры) — относится исследователями к группе гуннских этнонимов с окончанием «гур» и пока не поддается расшифровке. Происхождение и значение двух других племен этой группы — итимаров и боисков — пока остается также неясной.

По сообщению Аммиана Марцеллина, преемник остготского царя Германариха — Витимир, опираясь на каких-то «гуннов», которых он за деньги привлек на свою сторону, долгое время (прибл. до 375 г.) оказывал упорное сопротивление гуннам и аланам, пока в результате многих сражений не пал на поле битвы. По мнению О. Мэнчен — Хелфена, этими гуннами, вступившими в союз с Витимиром против своих соплеменников, могли быть именно племена, перечисленные Иорданом и Приском, в частности алпил — чуры, по-видимому, ведущее племя, поскольку в обоих случаях они называются первыми. Развивая эту мысль далее, американский историк приходит к выводу, что задолго до перехода основной массы гуннов через Дон и Керченский пролив в 371 г. в степях Южной России уже обитала группа тюркоязычных гуннских племен. Именно эта группа и оказала вместе с остготами сопротивление вторгшимся в 371 г. в Северное Причерноморье гуннам, а спустя еще 60 лет, передвинувшись (очевидно, с частью остготов) к Дунаю, и, вступив в союзные отношения с Византией, вновь боролась против своих же соплеменников (указ. соч., с. 23).

Из-за отсутствия каких-либо дополнительных сведений до сих пор остается невыясненным весьма существенный вопрос о том, когда именно и при каких обстоятельствах появилась в

Западном Приазовье группа племен, перечисленных Иорданом и Приском. По мнению О. Мэнчен-Хелфена, это определить нельзя (с. 453), однако, на наш взгляд, попытаться можно.

Давайте предположим, что четыре племени Иордана незадолго до 371 г. просочились в степи западного побережья Азовского моря, по каким-то причинам только на Кавказе отделившись от основного массива гуннских племен, появившихся здесь, как мы помним, в самом конце 60-х гг. IV в. Между тем это предположение противоречило бы прямым указаниям Марцеллина, Созомена и косвенному — Зосима о том, что гунны не были известны тервингам (вестготам, западным готам) до тех пор, пока не вторглись на территорию расселения их восточных соседей и соплеменников — грейтунгов (остготов), а затем и на территорию собственно вестготов. С другой стороны, теряло бы всякий смысл сообщение Марцеллина и Иордана о внезапном нападении гуннов на остготов. Видимо, остается допустить, что эта группа гуннов находилась на западном побережье Азовского моря еще до появления в этом районе самих готов, т. е. до конца II в. н. э. Данное предположение вполне сопоставимо с локализацией хунов (гуннов) Птолемея и в перипле (списании) Маркиана (V в.). Последний в описании Европейской Сарматии, почти дословно пользуясь соответствующим разделом географии Птолемея, указывает, что область по Борисфену (Днепр) «за аланами» населяют «так называемые хуны, которые в Европе», суживая тем самым общее замечание самого Птолемея о том, что «между бастарнами и роксоланами — (обитают) хуны». Принимая же локализацию хунов (гуннов) Птолемея на левом берегу Днепра (см. выше), становится очевидным, что местоположение хунов Птолемея и Маркиана совпадает, еще раз подтверждая их тождество. Готы, которые были известны Птолемею в низовьях Вислы, еще не достигли Черноморского побережья. Лишь к концу II в. н. э., заняв южно-русские степи от Дона до низовий Дуная, готы появились в Северном Причерноморье, вытеснив обитавшие там ранее сарматские племена, и, возможно, заставили передвинуться с берегов Днепра к западному побережью Азовского моря и в Крым хунов Птолемея и Маркиана, где их во второй половине IV в. упоминает уже Иордан. Вполне возможно, что хуны (гунны) Птолемея, длительное время обитая в окружении ираноязычных сарматских племен Северного Причерноморья, в частности роксолан, настолько успели смешаться с ними, что были восприняты готами как часть этих племен, тем более, что последнее племя Иордана и Приска — боиски — видимо, не тюркского, а скорее сарматского происхождения, хотя для них тоже предлагали тюркскую этимологию, правда, не удачную.

Таким образом, исходя из сообщения Птолемея о хуннах (гуннах), мы имеем уже второе указание источников на присутствие еще одной группы гуннов к западу от Волги задолго до появления их основной массы в степях Юго-Восточной Европы. Отсюда следует, что сообщение о гуннах Дионисия Периегета и Клавдия Птолемея во второй половине II в. н. э. — два взаимосвязанных звена в цепи одного и того же процесса проникновения с конца I в. н. э. на запад отдельных азиатских племен под общим именем гуннов. Неизвестно, какая из этих первых двух групп кочевников раньше продвинулась из-за Волги и обосновалась на новых местах обитания. Можно думать, однако, что этой группой были гунны Птолемея, поскольку они, судя по их: локализации, проникли гораздо дальше на запад, чем гунны Дионисия. В этой же связи необходимо отметить, что если в случае гуннов Дионисия можно говорить о бунтарских племенах (хазарах, барсилах), то в случае гуннов; Птолемея наряду с булгарским, по-видимому, племенем тунгур (тункар, тунсур) мы имеем этноним (алпилчур), связанный происхождением с кругом собственно древнетюркских племен.

Уход основной массы гуннских племен в 371 г. из степей Северного Кавказа на Дунай не означал, однако, что с этого времени гунны забыли дорогу на Кавказ. В источниках год 395 г. сохранились многочисленные сведения о самом крупном вторжении гуннов с берегов Дуная в Закавказье и Переднюю Азию. Согласно сообщению Приска, который пользовался данными, полученными от римского посла Ромула, с которым Приск встретился в 448 г. в ставке Аттилы на Дунае, большое войско гуннов под предводительством двух вождей — Басиха и Курсиха, пройдя «пустынную страну», переправилось через «какое-то озеро» (Азовское море) и «через

15 дней пути, перевалив через какие-то горы (Кавказ), вступило в Мидию», т. е. закавказские владения сасанидского Ирана. В то время как одна часть гуннов опустошала и разоряла Закавказье, другая вторглась в Месопотамию и Сирию. Современник и почти очевидец этих событий латинский писатель Иероним, совершавший в это время паломничество на Восток, с ужасом передает впечатление об этом вторжении гуннов: «... весь Восток задрожал при внезапно разнесшихся вестях, что от крайних (пределов) Меотиды, где запоры Александра сдерживают дикие племена Кавказа, вырвались орды гуннов, которые, летая туда и сюда на быстрых конях, все наполняли резней и ужасом». «Осаждена Антиохия, — пишет Иероним, — и остальные города, которые Омывают Галис, Кидн, Оронт и Евфрат». Точная дата вторжения указана в Эдесской хронике, где говорится, что в 706 г. селевкидской эры (т. е. в 395 г.) «в месяце тамузе (июль) гунны перешли в ромейские пределы». По сообщению Иешу Стилита, в 707 г. селевкидской эры (т. е. в 395/6 г.), вся Сирия находилась в руках гуннов. Бар — Эбрей, использовавший ранние сирийские источники, сообщает, что в 708 г. (т. е. в 396/7 г.) гунны наводнили ромейские провинции Сирию и Каппадокию и опустошили их так, что они обезлюдили. «Финикия, Палестина и Египет были пленены страхом», — отмечает греческий писатель Сократ.

Согласно Приску, гунны, опустошавшие и грабившие сасанидские владения, были встречены большим войском персов, которые «... наполнили стрелами разлитое над ними воздушное пространство...». Из страха перед этой опасностью гунны повернули назад, но перешли горы с небольшой добычей, так как большая ее часть была отбита персами. Опасаясь преследования со стороны врагов, гунны возвратились в степи Северного Кавказа (а затем на Дунай) не по той дороге, откуда совершили вторжение (через Дарьяльский проход), «... но повернули на другую дорогу» и, пройдя «пламя, поднимавшееся из подводной скалы», прибыли на родину. Таким образом, обратный путь гуннов проходил мимо Апшеронского полуострова (возможно, вблизи будущего Баку) вдоль побережья Каспийского моря через Дербентский проход.

События 395 г. явились первым и последним засвидетельствованным в источниках фактом крупного вторжения дунайских гуннов в Закавказье и Переднюю Азию. С этого времени осевшие в Паннонии (на территории нын. Венгрии) гунны не принимали непосредственного участия в истории кавказского региона, что, по-видимому, вскоре обусловило политическую автономию группы гуннских племен, оставшихся на Северном Кавказе и начавших играть здесь главную роль.

Глава II

Оногурское объединение и Албания

(395 - 466 гг.)

Возникновение первого устойчивого гуннского племенного объединения явилось очередным этапом эволюции кочевого общества, последовавшим за гуннским нашествием и изменением этнополитической ситуации на Северном Кавказе. Этот сложный процесс начался в среде гуннских племен, не вовлеченных в стремительное движение основной массы гуннов к берегам Дуная и оставшихся в северокавказских степях. По мере распространения в этом регионе гуннского господства возникали объективные предпосылки для слияния различных племенных групп и образования военно-политического союза, период существования которого зависел как от внутренних, так и от внешних условий. В этом отношении главного внимания заслуживает вопрос становления на Северном Кавказе в начале V в. первого

крупного объединения гунно-булгарских племен, выступающих у историка Елишэ под загадочным именем хайландур. Происхождение этого этнонима, его реальное значение в качестве самостоятельной этнической группы гуннов до сих пор остается невыясненным. Поэтому обратимся к тексту Елишэ и, исходя из анализа его сообщений и данных других источников, попытаемся определить, о каких именно гуннах идет речь в его сочинении.

В рассказе Елишэ хайландуры впервые упоминаются сразу же после сообщения о походе сасанидского шаха Иездигерда II (439 - 457) на кушан: «... и перестали хайландуры выходить через пограничную крепость Чора, и зажила его (Иездигерда) страна, окруженная со всех сторон миром...». Даже это немногословное указание нашего источника содержит значительный объем информации. Известно, что эта первая восточная кампания сасанидского шаха началась в 442 г. Если же хайландуры «перестали выходить» (т. е. совершать вторжения), значит, раньше они «выходили». Следовательно, этот народ (или племя) уже был известен до того момента, с какого впервые зафиксирован Елишэ, т. е. до 442 г. «Пограничная крепость Чора» (Дербент) была тем местом, откуда «выходили» хайландуры. Это значит, что последние занимали некую территорию к северу от Дербента. Именно там помещает Елишэ «страну хонов» (гуннов) или «страну хайландур». Последнее вытекает из описания событий 450 г., когда на Кавказе вспыхнула освободительная война против сасанидского Ирана.

После победы армянского полководца Вардана Мамиконеана над марзбаном (наместником) Чора Себухтом у г. Халхал (около нын. Акстафы), восставшие напали на замки и города, что имели персы в стране албанской. Затем они направились к «хонским вратам, которыми силою завладели персы, взяли и разрушили врата и перебили войска, что располагались внутри, а ворота вверили власти Вахана, бывшего из рода царей албанских», [5] - пишет Елишэ. Отсюда Вахан отправился в «страну хонов и ко многим другим племенам варваров, которые были союзниками страны хонов, чтобы вести с ними переговоры и заключить договор - установить нерушимый союз. А те, когда все это услышали, поспешно, без промедления прибыли на место и стали очевидцами победных дел».

Союз, заключенный восставшими с гуннами в 450 г., не привел, однако, к их совместному выступлению против вторгшейся в Армению весной 451 г. персидской армии под командованием Мушкана Нисалавурта. Лишь год спустя после Аварайрского сражения 26 мая 451 г. и поражения восстания хайландуры с большим войском появились на Кавказе, истребляя персидские гарнизоны, чем «открыто показали царю (Иездигерду) свое единодушие с войском армянским». Этот набег был весьма значительным, если судить по масштабам разорений, причиненных сасанидским владениям, когда, как пишет Елишэ, «... этот Еран (царь гуннов) истребил в Албании персидские войска и в наезде своем достиг страны греческой, и много пленных и добычи отправил из Греции, и из Армении, и из Иберии, и из Албании».

Исходя из сообщения историка о том, что персидский царь снарядил Мушкана Нисалавурта с войсками в страну албан, лпинов, чилбов, хечматаков, таваспаров «и во все крепости, которые были разорены войсками хонов по уговору с армянами», следует полагать, что гунны вторглись с Северного Кавказа через Дербентский проход (Чор). Перечисленные области располагались на крайней северо-восточной кавказской границе сасанидского государства; проход Чора являлся наиболее удобной дорогой для вторжения в эти области с Северного Кавказа. Кроме того, именно этим проходом постоянно пользовались гунны в своих грабительских набегах на Закавказье, о чем свидетельствуют Елишэ и другие авторы.

Последний раз хайландуры упоминаются Елишэ в связи с восстанием албанского царя Вачэ. После смерти Иездигерда II в. 457 г. в Иране разразилась междоусобная борьба за власть двух сыновей шаха - Хормизда и Пероза. По словам историка, албанский царь восстал именно тогда, когда «они пребывали в этой вражде». Междоусобица свирепствовала два года, пока Пероз (459 - 484), окончательно не разбив брата, взшел на престол в Ктесифоне.

Следовательно, восстание в Албании началось, по-видимому, уже в 457 г. К 459 г. Вачэ, уничтожив в стране персидские гарнизоны, вступил в войну с Перозом. «Но хотя в арийской стране (в Иране) и установился великий мир, царь Албании не желал вновь покоряться, окопал пахак Чора и провел по эту сторону войска маскутов, объединил одиннадцать царей горских и противостоял войною полку ариев и великий ущерб причинил войскам царским», - пишет Елишэ. Широкий размах освободительного движения в Албании, нежелание Вачэ идти на какие-либо уступки шахскому двору вызвали усилия Пероза сломить его сопротивление силой гуннов: «... отправили огромные сокровища в страну хайландур, открыли Аланские ворота и выставили многочисленное войско из хонов и сражались один год с царем Албании». Восстание удалось подавить, Вачэ отрекся от престола, а страну стал управлять персидский марзбан. «И вся эта долгая вражда, - отмечает Елишэ, - происходила до пятого года царя царей Пероза...». Пятый год правления Пероза - 463 г. Если гунны в течение года участвовали в подавлении восстания Вачэ, значит, вторглись они в Албанию, по-видимому, в 460/1 г., находились в стране год, т. е. 461/2 г., и к концу 462 - началу 463 г. восстание было уже подавлено. В приведенном отрывке Елишэ указывает на «страну хайландур». Соответствующее место у Моисея Каланкатуйского представлено следующим образом; «... приказал отправить в Алуандрию большие сокровища, растворил ворота Аланские, собрал сильное войско из гуннов и в продолжении целого года воевал с царем албанским». Албанский историк почти дословно заимствует у Елишэ данный эпизод. Поэтому «страна хайландур» Елишэ и «Алуандрия» Каланкатуйского - одно и то же. Поэтому последняя форма явилась, по-видимому, искаженной переписчиками или поздним редактором название страны хайландур - (X)Алуандрии (Хайландрии).[6] Исходя из этого, можно высказать сомнение по поводу предположения М. И. Артамонова, что «Алуандрия» - это захваченная гуннами северокавказская Алания (ук. соч., с. 61). Алания не стала бы «Алуандрией» даже в случае захвата ее гуннами. Это с одной стороны, а с другой - ни один источник не содержит даже намек на подчинение гуннами Алании, хотя, как кажется, нельзя совсем отрицать возможность некоторой политической зависимости от гуннов, находящихся в зените могущества, части аланских племен.

Сообщение Елишэ о том, что гунны вторглись в Албанию (в 460/1 г.) через Аланские ворота, вызвало возражение М. И. Артамонова, по мнению которого нанятые Перозом гунны прошли Дербентский проход, а в тексте Елишэ «Аланские ворота» названы ошибочно (указ. соч., с. 61). Однако, по словам Елишэ, албанский царь «окопал пахак (укрепление) Чора», а, согласно Каланкатуйскому, даже «завалил» или «разрушил» этот проход. Этими указаниями историки единодушно подчеркивают намерение Вачэ не допустить возможного вторжения в страну гуннов через наиболее удобный для них Дербентский проход, так как в это время отношения с ними были, очевидно, враждебны. Вот почему хайландуры воспользовались другим проходом - Аланскими воротами (Дарьял). С другой стороны, если очевидец событий Елишэ называет именно Аланские ворота, а несколькими предложениями выше говорит о «пахак Чора», то это еще раз подчеркивает, что автор не путает два разных прохода, но четко их различает.

Таким образом, обобщая приведенный и проанализированный нами материал, можно выделить следующие основные моменты, характеризующие гуннов, выступающих у Елишэ под именем хайландур.

Равнозначное употребление историком терминов «гунны» и «хайландуры» прежде всего указывает на то, что хайландуры - самостоятельная этническая группа, одновременно выступающая и под собирательным именем гуннов. Хайландуры известны задолго до 442 г., когда они впервые упоминаются Елишэ, и до 461/2 г., когда появляются в тексте последний раз. Для вторжения в Закавказье они использовали как Дербентский проход (Чор), так и Дарьяльское ущелье (Аланские ворота). Елишэ была известна страна гуннов - хайландур, южная граница которой проходила по Кавказским горам от Чора до Аланских ворот. Хайландуры стояли, во главе сильной конфедерации северокавказских племен и принимали

непосредственное участие в борьбе кавказских народов против сасанидского Ирана при Иездигерде II и в подавлении восстания албанского царя Вачэ при Перозе.

Этноним хайландуры встречается только у Елишэ.[7] Уже младший современник последнего - Лазар Парпеци, касаясь того же периода истории, не знает известного его предшественнику имени гуннов. Хайландуры отсутствуют в подробном перечне племен, обитавших за Кавказским хребтом, в сирийской хронике Захарии Ритора. Греко-латинские авторы V - VI вв. (Евнапий, Филосторгий, Приск, Созомен, Зосим, Малала и др.) также не упоминают подобного имени. Этот этноним не засвидетельствован в двух списках Армянской географии VII в., скрупулезно зафиксировавшей этнические наименования племен и народов, обитавших на Кавказе в историческое время.

В научной литературе вопрос о хайландурах поднимался уже давно, но так и остался нерешенным, несмотря на множество различных мнений. Кто же такие эти загадочные хайландуры? И можно ли вообще, опираясь на данные Елишэ, решить этот вопрос? Что ж, попробуем, тем более, что у нас нет другого выхода.

Как было указано выше, хайландуры последний раз упоминаются Елишэ до 463 г. в связи с их участием в подавлении восстания в Албании. Между тем именно в начале 60-х гг. V в. относительно стабильная до этого времени политическая обстановка на Северном Кавказе резко изменилась. Это было вызвано появлением в районе Северо-Западного Прикаспия новой мощной группировки гуннов, известных под именем сабир. Движение сабир из Прииртышья на запад ознаменовало начало второго после гуннов крупного передвижения кочевых племен из Азии в Европу и было тесно связано с выступлением на историческую арену раннего средневековья новых племенных объединений - авар и тюрок - сформировавшихся еще в гуннскую эпоху, но лишь спустя столетие появившихся на западе, сменив гуннов в степях Евразии. К концу V в. в степях Восточного Предкавказья сложился военно-политический союз кочевых племен во главе с сабирами и определилась основная территория их расселения. Данные византийских и армянских источников позволяют следующим образом очертить границы этого объединения: от низовий Волги до Дербента (Чора) на востоке, до земли алан и Дарьяльского ущелья (Аланские ворота) - на западе. Южная граница проходила по Кавказским горам, к которым с юга примыкали кавказские владения сасанидского государства - Албания и Иберия. С самого начала VI в. в источниках все чаще стали появляться сообщения о вторжениях сабир в Закавказье и Переднюю Азию, а в течение всей первой половины VI в. сабиры четко фиксируются источниками в качестве преобладающей силы среди кочевых племен Восточного Предкавказья (см. главу III).

Итак, сам факт утверждения на Кавказе в конце V в. господства сабирской конфедерации племен заставляет думать, что этот процесс вызвал крушение и распад предыдущей группировки гуннов - хайландур, игравших главную роль здесь в середине V в. Между тем, как уже отмечалось, источники этого и последующего времени уже не знают имени хайландур. Все это, на наш взгляд, предполагает возможность двух решений этого запутанного вопроса: либо гуннское племя, носящее наименование «хайландур», потеряв свое этническое имя и влившись в состав нового объединения, выступает под другим, либо это племя продолжало свое существование под своим особым этнонимом, но только последний в передаче Елишэ был видоизменен.

Единственным источником, позволяющим в целом обрисовать картину событий, происшедших на Кавказе в начале 60-х гг. V в. и, что очень важно, проследить, с какими именно племенами столкнулись только появившиеся здесь сабиры, является Приск Панийский. В сохранившихся фрагментах его сочинения имеются следующие сообщения. На седьмом году царствования императора Льва (457 - 4/4), т. е. в 463 г., к ромеям (византийцам) прислали послов сарагуры, уроги (огуры) и оногуры, племена, «поднявшиеся с мест своего обитания», потому что на них напали сабиры, в свою очередь изгнанные аварами. Далее поясняется, при каких обстоятельствах состоялось это посольство: изгнанные (сабирами)

сарагуры в поисках земли напали на племя гуннов - акатзир и после долгой борьбы, покорив это племя, прислали к ромеям послов, желая приобрести их благосклонность. Император и его приближенные, обласкав и одарив послов, отправили их назад.

Прежде чем перейти к анализу этих сообщений, вкратце остановимся на вопросе локализации этих племен, поскольку именно он представляется наиболее важным.

По мнению большинства исследователей, сабиры до их движения на запад под напором авар обитали в степной полосе Западной Сибири (в Прииртышье), что подтверждается отложением их имени в названии «Сибир». В ходе своей миграции на запад, сабиры вытеснили в начале 60-х гг. V в. обитавшие также в областях Западной Сибири огурские (угорские) племена сарагур, огур и оногур, которые под их давлением переселились в степи Северного Кавказа, где в 463 г. вошли в контакт с Византией. Исходным пунктом, откуда в Константинополь были отправлены послы этих трех племен, желавших вступить в союзные отношения с империей, могли быть греческие города, расположенные на восточном побережье Азовского моря.

Таким образом, согласно этой наиболее распространенной концепции (особенно среди венгерских востоковедов), изгнанные сабирами в начале 60-х гг. V в. из мест своего первоначального обитания в Западной Сибири огурские (впоследствии - болгарские) племена сарагур, огур и оногур впервые появляются на Северном Кавказе только в 463 г.

Теперь рассмотрим подробно, что может дать анализ сведений Приска по этому вопросу. Из сообщения Приска известно, что изгнанные сабирами сарагуры в поисках новой земли напали на племя гуннов акатзир (акацир) и лишь в результате многих сражений подчинили его. Отсюда ясно следует, что на акатзир напали одни сарагуры, так как огуры и оногуры в этом эпизоде не упоминаются. Где они находились во время борьбы сарагур с акатзирами - неизвестно. В 463 г. послы сарагур в Константинополе поставили императора и двор в известность о фактическом положении дел к этому времени, т. е. акатзиры были уже покорены. Это означает, что сарагуры, по-видимому, уже в 462 г. оставили свои прежние места обитания и под давлением сабир в поисках новой территории напали на акатзир. Если учесть, что направление движения сабирской орды известно (из степей Западной Сибири, точнее, из Прииртышья, через Волгу на Кавказ в район Прикаспийской низменности), то естественно предположить, что кочевья сарагур должны были находиться севернее областей, занятых огурами и оногурами. Именно поэтому, испытав на себе первый удар сабир, сарагуры оставили свою землю и напали на акатзир. В противном случае непонятно, в какой еще последовательности по отношению к сабирам могли располагаться эти племена и почему именно сарагуры (а не оногуры, например) были вынуждены искать новые места для поселений. Выдвигалось в этой связи предположение, что сарагуры в начале 60-х гг. V в. двигались из Западной Сибири во главе огур и оногур. Однако в таком случае, учитывая порядок перечисления этих племен Приском, следовало бы ожидать, что первыми нападению подвергнутся не сарагуры, а оногуры, и именно они должны были напасть на акатзир, что противоречит указанию Приска. С другой стороны, по словам Приска, сарагуры прислали послов в Константинополь только после того, как покорили акатзир и заняли их землю. Это значит, что последние занимали именно ту область, через которую сарагуры, а вслед за ними огуры и оногуры и могли вступить в контакт с империей, чтобы заручиться ее поддержкой. В противном случае также не ясно, в силу каких причин сарагуры, бежавшие от сабир, вновь стали бы искушать судьбу в борьбе с не менее грозным врагом, каким были акатзиры. По сообщению Приска, акатзиры были сильным и многочисленным племенем, с которым император Феодосии (408 - 450) стремился вступить в союз против Атиллы. Однако один из старших по власти вождей акатзир Куридах не первым, а вторым получил дары от послов императора, которые по незнанию не учли субординации в племени. В ответ на это Куридах известил Атиллу о готовящейся измене. Последний немедленно выслал «большое войско и, перебив одних акатзирских вождей, заставил подчиниться других. Во главе подчинившейся части акатзир Атилла в 448 г. поставил своего старшего сына Эллага. Куридах же, по словам

Приска, сохранил свою власть и остался на своей земле.

После смерти Атиллы в 453 г. гуннское объединение на Дунае распалось. Старший сын Атиллы Эллак, под властью которого находилась часть акатзир, в том же году был разбит германскими племенами во главе с гепидами и пал в битве при р. Недао в Паннонии. Младшие сыновья Атиллы - Денгизих и Эрпах после попытки восстановить свою власть над готами в Паннонии, также потерпели неудачу и отошли со своими ордами к Днепру, захватив земли Северного Причерноморья. Отношения вытесненных из Подунавья гуннов с империей оставались остро враждебными. В 466 г. Денгизих, двинув свою орду к Дунаю, начал новую войну с Византией. Однако Эрпах отказался принять в ней участие и помочь брату, так как, по словам Приска, его отвлекали «местные войны». Принимая во внимание это последнее указание византийского историка, М. И. Артамонов (указ. соч., с. 62) и О. Мэнчен - Хелфен (с. 166) единодушно считают, что во врагах Эрпаха следует видеть сарагур, теснивших гуннские племена с востока. Между тем тремя годами раньше послы сарагур, огур и оногур уже побывали в Константинополе. Это дает основание нам полагать, что до 463 г. включительно послам сарагур и других племен была закрыта не только сухопутная дорога по берегу Черного моря, но и доступ к гаваням Крыма. Гунны под предводительством Денгизиха и Эрпаха не могли допустить проход послов враждебных им племен, желавших вступить в союз с империей, по занятой и контролируемой их ордами территории. Единственным местом откуда послы сарагур, огур и оногур могли явиться в 463 г. в Константинополь, очевидно, была Лазика (Колхида), захваченная Византией в 456 г. Лазика являлась чрезвычайно важной в стратегическом отношении областью, владея которой Византия закрепляла свое политическое господство в юго-западной части Кавказа, положив конец непрерывному стремлению Ирана выйти к Черному морю. Через Лазик Византия осуществляла контакт с племенами, обитавшими на всем протяжении Азово-Каспийского междуморья, вербуя в их среде наемников, вмешиваясь в племенные распри, и распространяя христианство. Именно через Лазик в 558 г. были отправлены в Константинополь первые аварские послы (см. ниже). Исходя из этого следует полагать, что акатзиры занимали земли в низовьях Дона и, возможно, восточного побережья Азовского моря до Кубани, примыкавшие к византийским владениям в Лазике. Думается, что акатзиры, которых покорили сарагуры, могли быть именно той частью некогда многочисленного народа, которая во главе с Куридахом избежала гуннского погрома 448 г. и, не приняв участия в войне с Византией, сохранила некоторую независимость, оставаясь на прежних местах обитания акатзир. По общему высказыванию Приска, их места обитания располагались в «Припонтиской Скифии» (т. е. в Северном Причерноморье).[8] После же смерти Атиллы и разгрома Эллака, стоявшего во главе другой части акатзир, покорившимся гуннам в 448 г., акатзиры Куридаха, по-видимому, либо сами передвинулись на Кавказ, либо были вытеснены за Дон вернувшимися из Паннонии гуннами Денгизиха и Эрпаха.

Если мы допустим именно такое толкование сведений Приска, то тогда последующий важный эпизод не только приобретет особый смысл, вносящий ясность в исследуемый нами вопрос, но и свяжет все фрагментарные сообщения Приска в единую логическую цепь событий.

По словам византийского историка, на десятый год царствования императора Льва, т. е. в 466 г., сарагуры после нападения на акатзир и другие племена предприняли вторжение в Иран. Сначала они подошли к Каспийским воротам (Дербент), но, найдя их занятыми персидским гарнизоном, перешли на другую дорогу (Дарьял), по которой вторглись в Иберию, опустошая эту страну и совершая набеги на армянские селения. Шах Пероз, воевавший в это время на востоке своего государства с кидаритами (ираноязычные кочевые племена), уstraшенный этим нашествием, отправил в Византию послов с требованием денег, или людей для охраны крепости Иуроейпаах (иберийское укрепление, находящееся в Дарьяльском проходе). Маршрут этого похода вносит четкое представление в расстановку этнополитических сил на Северном Кавказе к 466 г. Выбор пути вторжения едва ли был вызван случайностью. Движение кочевников из Восточного Приазовья к Каспийским воротам (Дербент), а затем

переход на другую дорогу (Дарьял) не встретило никакого препятствия, кроме сасанидского гарнизона, не пропустившего их через Дербентский проход. Учитывая резко враждебные отношения сарагур с вытеснившими их сабирами, следует полагать, что к этому времени сабирская орда еще не продвинулась, очевидно, южнее среднего и нижнего течения Терека. Последнее обстоятельство, в свою очередь, дает основание считать, что характер движения сабиров на юг, в Прикаспийский Дагестан, не был непрерывно поступательным. Временная стабилизация их продвижения была вызвана, по-видимому, приспособлением новых пришельцев к незнакомым местным условиям, а также покорением более мелких этнических групп. Естественно, возникает вопрос: почему сарагуры избрали для вторжения на Кавказ столь необычный маршрут? Если принять во внимание точку зрения, согласно которой сарагуры и связанные с ними племена появились на Северном Кавказе только в 463 г., то тогда выбор ими места вторжения, на первый взгляд, может быть оправдан. С другой стороны, такая точка зрения не совсем увязывается с обстоятельствами, предшествовавшими этому вторжению. Из Приска известно, что сарагуры уже до 463 г. покорили акатзир, которые, по мнению О. Мэнчен–Хелфена, обитали даже к западу от Азовского моря (указ. соч., с. 437), в 463 г. прислали своих послов в Константинополь, и лишь спустя три года вторглись в Закавказье. Исходя из этого получается довольно странная для поведения кочевников и запутанная для исследователя картина. Только появившиеся в 463 г. на Северном Кавказе сарагуры и связанные с ними племена (огур и оногур), еще недостаточно знакомые с совершенно новыми и неизвестными для них местными условиями, успели не только покорить акатзир и занять их землю к западу от Азовского моря, но и по наущению Византии, как полагают исследователи, вторгнуться в Закавказье. Причем, что особенно интересно, не через наиболее удобный для них в данном случае Дарьяльский проход, ближе расположенный к предполагаемой территории акатзир, а по непонятным причинам сначала направляются к более отдаленному Дербентскому проходу, но потом все же возвращаются обратно и вторгаются и Иберию именно через Дарьял. Создается впечатление, что сарагурам достаточно хорошо были известны обе обычные дороги для вторжения на Кавказ. Здесь уместно как раз вспомнить, что всего за пять лет до сарагурского похода 466 г. этим же путем через Аланские ворота (Дарьял) на Кавказ вторглись и хайландуры, нанятые Перозом в целях подавления восстания в Албании. Именно в этой связи значительный интерес для нашей темы представляет собой содержание трех последних глав первой части «Истории албан» Моисея Каланкатуйского, поскольку в них заключаются уникальные сведения по истории взаимоотношений гуннских племен с Албанией, не имеющие аналогии в других письменных памятниках. Композиционно связанные единой хронологической нитью, эти три главы, несмотря на их вполне самостоятельный характер, органически вплетаются в общую канву повествования. В этом отношении наиболее важным, для нас является вопрос датировки описываемых в этих трех главах событий, поскольку его решение, с одной стороны, даст возможность определить недостающее звено в развернутой хронологической системе самого источника, далеко не всегда поддающегося точной датировке, а с другой, - вставить это звено в цепь взаимосвязанных исторических событий, происшедших в данный отрезок времени по обе стороны Кавказского хребта. Однако, прежде чем перейти непосредственно к вопросу датировки, необходимо остановиться на последовательности описываемых событий, выделяя в них наиболее существенные моменты, так как само начало исследуемого вопроса лежит уже в первых вступительных словах XXVIII главы. Спустя немного после смерти святого Маштоца, его ученики в провинциях Албании собрались по внушению св. Духа вместе и были полны страстного желания совершать добрые дела.

В данном случае прямое указание автора на время после смерти Месропа Маштоца (440 г.) не только не противоречит принятому в «Истории албан» способу датировки, но и является важным отправным пунктом для исследования последующего хода событий в целом. Согласно Каланкатуйскому, ученики Маштоца тремя группами отправляются в Иерусалим. «Местные духовники прикрепили к ним трех человек, чьим руководителем был Афанасий. Они смиренно просили Афанасия сопровождать их, чтобы они могли рассмотреть главные

места в их стране». В течение святого сорокадневного поста на седьмое воскресенье Пасхи они прибыли в округ Большой Куэнк, что в покрытых долинами провинции Арцах. Здесь группа разделилась на перекрестке дорог на две части: первая осталась в местности, называемой Звездный холм, на севере, тогда как вторая поселилась за рекой Тертер, на юге, на прогалине леса, называемого Члах, «ибо обещали отпраздновать Пасху в этом месте».

Эти заключительные слова главы подчеркивают ряд существенных обстоятельств. Во-первых, довольно четко вырисовывается место действия: албанская провинция Арцах, гавар Большой Куэнк, река Тертер, т. е. северная часть нынешнего Нагорного Карабаха, Мардакертский район. Во-вторых, следует прямое указание на время года: согласно христианской традиции, сорокадневный пост предшествует календарной Пасхе, обычно празднуемой в апреле. Такова предварительная ситуация, обрисованная автором накануне грозного нашествия «северных племен». Между тем уже с самого начала XXIX главы события приобретают остродинамичный характер. Именно «в то самое время царь росмосоков, собрав свои войска, вместе с полком Тобельским, присоединив также войска гуннов, переправился на этот берег Куры, развернулся в провинции Ути и стал лагерем близ города Халхал. Здесь он отобрал трех полководцев и поставил их начальниками над большим войском. Он приказал им разделиться на три группы и отвоевать страны Албанию, Армению и Иберию. Третья группа войска достигла округа Арцах и в начале Пасхи стала грабить Большой Куэнк». Далее в этой главе речь идет о событиях, связанных с действиями этого третьего отряда в Албании. О двух других частях войска кочевников, напавших на Армению и Иберию, сведений в источнике нет. Предводитель третьего отряда, грабившего и опустошавшего Арцах, именуемый Каланкатуйским «гуннским полководцем» и «гуннским князем», под влиянием попавших ему в плен священников иерусалимской миссии принимает вместе со своим отрядом христианство и имя Теофил (греч. - боголюбивый).

Развязкой этих событий начинается и заканчивается XXX глава. В ней говорится, что крещеный гуннский предводитель Теофил приказал отпустить пленных, а на утро Пасхи сам отправился со своими священниками, многими другими обращенными и полком Агистратос в провинцию Ути и разбил свой лагерь близ причала моста на берегу Куры. Между тем великий царь росмосоков, возвращаясь со всем своим войском после набегов с многочисленными пленными и несметной добычей, переправился с восточной стороны через Куру и разбил лагерь напротив Теофила. В своем идолопоклонническом заблуждении он приказал принести жертву своим богам, как они делали в свои праздники. Увидев это, украшенный Христом Теофил и полк Агистратос в свою очередь согласно правилам христианской веры, с благословения святых отцов свои знамена украсили изображением Христа. Отказавшись участвовать в языческих жертвоприношениях, Теофил с 30-ю соратниками и священниками были казнены по приказу царя росмосоков. Два сына Теофила попытались бежать с остатками отряда, но были настигнуты и изрублены.

Анализ событий, описанных Каланкатуйским, послужил поводом для ряда по крайней мере спорных выводов в научной литературе. Сопоставляя сведения албанского историка с данными сирийской хроники Захарин Ритора, К. В. Тревер приходит к выводу, что отраженные в трех указанных главах события имели место в 531 г. (указ. соч., с. 228 - 229). М. И. Артамонов, указывая на хронологическое несоответствие внутренней связи рассказа Каланкатуйского с выводом К. В. Тревер, в свою очередь определяет приблизительное время вторжения 40-ми гг. V в. (с. 72, прим. 15). Исходя из этого очевидно, что реконструирование хода событий в Албании в этот отрезок времени невозможно на основании в первом случае неверной, а во втором - расплывчатой датировки. Между тем, принимая во внимание несомненную важность рассказа албанского историка, естественно предположить, что факт столь значительного вторжения кочевых племен на Кавказ после 440 г. (т. е. после смерти Месропа Маштоца) может найти либо косвенное, либо прямое подтверждение в других, близких к этому времени источниках. Действительно, такие исторические свидетельства имеются. С одной стороны, о двух больших вторжениях с севера на Кавказ сообщает Елишэ,

а с другой - сведения о крупном набеге на Кавказ сохранил, как мы видели, Приск Панийский. Причем, если в первом случае Елишэ служит непосредственным источником Моисея Каланкатуйского в отражении событий V в., то во втором - зависимость албанского историка от текста Приска совершенно исключена.

Согласно Елишэ, первое вторжение относилось ко времени Иездигерда II и произошло около 452 г. через Дербентский проход (Чор), второе состоялось при Перозе, когда вторгшиеся в 460/1 г. через Дарьяльский проход (Аланские ворота) кочевники участвовали в подавлении восстания албанского царя Вачэ. В обоих случаях у Елишэ во вторжении участвовали гунны - хайландуры. Последнее нашествие почти буквально отражено Моисеем Каланкатуйским, в то время как первое опущено. Исходя из этого, можно предположить, что события, описанные Каланкатуйским, могут «быть основаны на привлечении местного албанского материала, насыщенную интересными подробностями, и соответствовать рассказу Елишэ о вторжении 452 г. на Кавказ гуннов - хайландур, тем более, что время и место действия, на первый взгляд, совпадают. Между тем даже беглое сопоставление текстов Елишэ и Каланкатуйского говорит об обратном: события 452 г. у Елишэ и нашествие «северных народов» у Каланкатуйского не имеют ничего общего. Основанные действительно на привлечении уникальных исторических свидетельств (по-видимому, не дошедшей до нашего времени албанской агиографии, т. е. описания жития святых), события, о которых идет речь у албанского историка, в гораздо большей степени находятся в связи с коротким, но четко датированным сообщением византийского историка о вторжении в Закавказье 466 г.

Для сопоставления сведений Приска с данными Каланкатуйского остановимся на анализе их основных моментов. Наиболее важным в этом отношении представляется вопрос о том, с каким именно проходом связано нашествие «северных народов» в рассказе Каланкатуйского. Сразу отметим, что, по мнению К. В. Тревер и М. И. Артамонова (указ. соч., с. 226 - 227) (с. 72, прим. 15), это вторжение было совершено через Дербентский проход. Аргументируя свое предположение, К. В. Тревер считает, что если бы кочевники проникли на Кавказ через Дарьяльский проход, то сначала они должны были появиться в Иберии, но в нее они устремились только после остановки у г. Халхал. Что ж, подобный ход рассуждений вполне приемлем, исходя из анализа политической ситуации в Закавказье 30-х гг. VI в., т. е. именно того времени, к какому К. В. Тревер и относит это вторжение. Вместе с тем он не представляется убедительным, исходя из анализа политической обстановки в Закавказье в середине V в., т. е. после смерти Маштоца.

Придавая первостепенное значение наиболее важному в стратегическом отношении Дербентскому проходу, сасанидское правительство всеми силами стремилось сохранить за собой твердый контроль над ним, а со времени активизации на Северном Кавказе гуннов в еще большей степени усилило этот контроль. При Иездигерде II в проходе Чора началось наиболее интенсивное строительство оборонительных укреплений, начатых еще при первых Сасанидах и окончательно законченных при Хосрове Ануширване (531 - 579) возведением знаменитых Дербентских стен. Контроль над областью Чора и самим проходом, где постоянно находился сасанидский гарнизон, осуществлялся непосредственно из столицы Сасанидов - Ктесифона (ок. нын. Багдада) через персидского марзбана еще задолго до упразднения царской власти в Албании при Перозе, когда власть в стране целиком перешла в руки сасанидского наместника, появившегося в столице Албании - Партаве (нын. Барда) сразу после отречения Вачэ в 463 г. Закреплению политического господства в Закавказье Сасанидов в этот период еще больше способствовало ослабление на Северном Кавказе могущества гуннской группировки хайландур, а вскоре и ее распад, связанный с передвижением из-за Волги в район Прикаспийской низменности и давлением гораздо более сильной новой группировки кочевников - сабир. Относительная стабилизация внешнеполитического положения Сасанидов на кавказской границе позволила Перозу сосредоточить максимум усилий на востоке своей державы, где он предпринял ряд решительных мер в борьбе с усилившимся к этому времени объединением кидаритов.

Совершенно иное положение наблюдалось в контроле Сасанидов над Дарьяльским проходом, который не всегда и не долго находился в руках Ирана. Являясь наиболее уязвимым местом на кавказской границе сасанидского государства и одним из главных факторов в политическом давлении Ирана на Византию, этот проход и находящееся в нем укрепление (Иуроейпаах Приска) неоднократно были предметом субсидий византийского двора Ктесифону. По свидетельству Иешу Стилиса, Пероз часто получал золото от ромеев для охраны этого прохода с тем, чтобы воспрепятствовать опустошению и разорению гуннами как сасанидских владений в Закавказье, так и византийский в Армении и на Евфрате. Между тем трудности, связанные с содержанием в малодоступном пункте постоянного гарнизона, тем более за счет нерегулярных, как правило, финансовых поступлений из Константинополя, а также не менее эффективное стремление сначала алан, а затем и гуннов сохранить за собой контроль над этим проходом, который позволял им совершать вторжения и грабить владения обеих держав, вынудили сасанидский двор отказаться на некоторое время от притязаний на господство в этом проходе. По словам Прокопия Кесарийского, Дарьяльским проходом (Каспийские ворота Прокопия) уже в начале царствования императора Анастасия (491 - 518) владел гунн Амбазук. И лишь в результате длительной войны с сабирами шаху Каваду (484 - 531) около 508 г. удалось более или менее прочно закрепиться в Дарьяльском проходе, где с этого времени был размещен постоянный сасанидский гарнизон (см. главу III).

Таким образом, на наш взгляд, наиболее вероятным местом вторжения «северных народов» в рассказе албанского историка мог быть именно Дарьяльский проход. Последовательность событий этого нашествия не только не противоречит такому положению, но четко его подтверждает. Вспомним, что, согласно Каланкатуйскому, «царь росмосоков с полком Тобельским» сначала перешел Куру и лишь затем, оказавшись в гаваре Ути, расположился у г. Халхал (т. е. близ нынешней Акстафы). Действительно, наиболее короткий и удобный путь к этому месту ведет именно через Дарьяльское ущелье и переправу через Куру, а не через более отдаленный Дербентский проход. Согласно сообщению Приска, гунны вторглись в Иберию также через Дарьяльский проход, так как Дербентский в это время находился в руках сасанидского гарнизона. Однако в этой связи сразу же возникает вопрос: как в таком случае устранить возникшее противоречие между сообщением Приска о вторжении в Иберию и указанием Каланкатуйского о нападении на Албанию и остановку у Халхала? Между тем оба сообщения вовсе не противоречат друг другу. С одной стороны, по словам Елишэ и самого Каланкатуйского, зимняя резиденция албанских царей г. Халхал находился вблизи границы с Иберией, а албанский историк сообщает, что после разделения войска кочевников у Халхала одна их часть вторглась именно в Иберию. С другой стороны, Приск свидетельствует о нападении гуннов на армянские селения, а Каланкатуйский говорит о нашествии второй части войска на Армению. Таким образом, и в том и в другом случае последовательность событий не нарушается, несмотря на отсутствие в сообщении Приска недостающего звена в общей цепи событий - вторжения в Албанию. Между тем последнее обстоятельство также не противоречит дополнению Каланкатуйским сведения о нашествии третьей части войска на Албанию и легко увязывается с данными Приска. Видимо, здесь речь идет об одном и том же исходном районе, где сосредоточились основные силы кочевников во время вторжения и до момента их разделения на три части, и расположенном вблизи границ Иберии, Армении и Албании. Этим наиболее вероятным пунктом представляется крепость, известная под названием Хунан (груз. Хунани, арм. Хунаракерт, местоположение которой точно определяется по «Географии Грузии» Вахушти Багратиона. Он локализует ее у места слияния р. Кдии (ныне Храми) с Курой, ниже так называемого «сломанного моста» или «места бывшего моста» (Нахидури хиди), на правом берегу Куры. Этот пункт действительно расположен как вблизи исторического Халхала на территории албанской провинции Ути, так и на границе между Иберией, Албанией и Арменией. Еще одним подтверждением данного обстоятельства может служить несомненная идентичность упомянутого в грузинской географии «сломанного моста» у крепости Хунан и «разрушенного моста» в рассказе Каланкатуйского.

Таким образом, вполне возможно, что выпавший из сообщения Приска факт вторжения гуннов и в Албанию, мог явиться либо результатом неосведомленности византийского историка в тонкостях географии трех закавказских государств, либо неточностью или неполным объемом полученной им информации.

В связи с нашествием «северных племен» в рассказе Моисея Каланкатуйского особый интерес представляют собой наименования кочевников, переданные албанским историком. К. В. Тревер усматривает в «росмосоках» и «тобелах» какие-то неизвестные «новые» племена, обитавшие в степных районах Северного Кавказа (указ. соч., с. 227), Между тем М. И. Артамонов справедливо отмечает, что эти наименования попали в текст Каланкатуйского как традиционные названия «северных варваров», известных из Библии (Гог, Магог, Рош, Мешех, Тобел). По мнению М. И. Артамонова, под библейскими наименованиями скрываются подлинные имена кочевников, которыми, судя по хронологии, могли быть интересующие нас хайландуры (указ. соч., с. 72, прим. 15). Эта точка зрения как нельзя кстати отвечает основной задаче исследуемого нами вопроса. Итак, из приведенных Приском этнических наименований трех племен, сарагуры еще только один раз упоминаются в источниках. Они названы в сирийской хронике Захарии Ритора среди племен, обитавших за Кавказским хребтом. Несколько раз встречается в источниках второе племя Приска - огуры. Они также названы в перечне племен Захарии Ритора. А краткое замечание Менандра Протектора, об огурах в связи с возвращением в Константинополь в 568 г. византийского посла Земарха, находившегося в ставке тюркского кагана Истеми на Алтае, позволяет локализовать это племя к западу от Волги. Больше всего сведений в источниках сохранилось о третьем племени Приска - оногурах. Последние хорошо известны сразу трем авторам VI в.: византийскому историку Агафию, латинскому автору Иордану, сирийцу Захарии Ритору. Их упоминает Феофилакт Симокатта, писавший в начале VII в. Анонимный автор Равеннской космографии (VII в.) знает страну Оногорию, расположенную к востоку от Меотиды (Азовское море). Именно здесь византийские хронисты IX в. Феофан и Никифор помещают «древнюю Великую Булгарию», страну, расположенную около Меотиды до реки Куфис (Кубань) и населенную племенем «унногундур - болгар». По сообщению византийского императора Константина Порфирородного (X в.), вошедшего в историю больше как историка и литератора, чем царствующая особа, болгары в конце правления императора Константина Погоната (668 - 685), в 679 г. перешли Дунай во главе с ханом Аспарухом (основателем будущего Болгарского царства). Тогда стало известно их имя, пишет Константин, «ибо прежде их; называли оногундурами». На основании всех этих данных исследователи пришли к выводу, что хунугуры (Иордан), унагуры (Захария Ритор), унугуры (Симокатта), унно - гундуры (Феофан, Никифор), оногундуры (Константин Порфирородный) - видоизменения этнического имени одного» и того же болгарского племени - оногур, впервые упоминаемого в тексте Приска. Более того, из прямых указаний источников следует, что вытесненные сабирами в 60-х гг. V в. оногуры заняли области восточного побережья Азовского моря до Кубани, где в VII в. Равеннскому Анониму стала известна страна, носящая их имя - Оногория. Это-же самое болгарское племя зафиксировано и в армянских источниках: у Мовсеса Хоренаци в форме «влнудр - болгар», а в Армянской географии в форме «онолхондор - болгар». Отсюда получается, что несмотря на различные видоизменения, этническое имя болгарского племени оногур прослеживается в источниках на греческом, латинском, сирийском, армянском языках с V по X в. Именно это самое племя фигурирует и в тексте Елишэ в форме «хайландур». Это одно единственное отождествление дает нам возможность ответить на многие вопросы, заданные в начале нашей главы. Отыскать хайландур оказалось действительно не так-то легко. Но зато с их помощью мы сейчас имеем возможность восстановить логически цельную, взаимосвязанную картину хода исторических событий на Кавказе в первой половине V в., которую до сих пор еще не удавалось воссоздать.

Уход основной массы гуннов из степей Северного Кавказа в 371 г. на запад, в Причерноморье, а затем в Подунавье, не повлек за собой передвижения всех гуннских племен. Часть из них, а именно болгарские племена сарагур, огур и оногур, передвинувшиеся

в конце 60-х гг. IV в. с основной массой родственных им других гунно-булгарских племен (утигур, кутригур, биттугур и др.) из междуречья Урала и Волги на Кавказ, но по каким-то неизвестным нам причинам последними перешедшие Волгу, не последовали за главными гуннскими ордами в Европу, а остались кочевать в северо-западной части Прикаспийских степей, менее всего затронутых гуннским нашествием. Именно с этим обстоятельством главного этапа гуннского движения связаны особенности исторического развития кавказского региона и начало складывания на Северном Кавказе современных этнических общностей. Гуннское нашествие и последующее за ним крушение на Северном Кавказе господства ираноязычного этнического массива привело к резкой перестановке политических и этнических сил в этом регионе. Приток из-за Волги ряда новых племен и расселение их на территории, уже со II в. занятой гуннскими племенами первой миграционной волны (барсилы, хазары), явился сильным импульсом к общему подъему гунно-булгарских племен, что впоследствии привело к росту их могущества и политического преобладания на Северном Кавказе. С этого времени здесь начал интенсивно развиваться процесс объединения различных по происхождению, языку и культуре племенных групп в межплеменную конфедерацию, сочетававшую старые структурные формы с новыми, привнесенными извне новой волной азиатских кочевников.

Видимо, уже в самом начале V в. в степной полосе Восточного Предкавказья завершился процесс становления первого крупного гунно-булгарского объединения во главе с оногурами. Их этническим именем стал обозначаться весь этот племенной союз, получивший у Елишэ название хайландур. Наряду с булгарскими племенами сарагур, огур и оногур, составлявшими ядро этого объединения и его главную военную силу, в состав последнего были включены и другие более или менее крупные племенные и родоплеменные элементы. К их числу следует отнести прежде всего булгарские племена Берсилии - барсил и хазар, сведения о которых выпадают из источников вплоть до середины VI в., часть кочевых и полукочевых племен сармато-аланского происхождения, остатки которых после гуннского - нашествия продолжали обитать в степях Восточного Предкавказья (маскуты и др.), а также некоторые оседлые племена местного кавказского происхождения (предки совр. чеченцев, ингушей, дагестанцев). Все эти разнородные этнические группы, удельный вес которых в этом объединении был, очевидно, значителен, представляли собой подвластное или союзное гуннам население и дополнительные военные контингента. С этого времени обширный район северо-западной части Прикаспийских степей от низовий Волги на севере до Аланских ворот (Дарьял) на юго-западе и Чора (Дербент) на юго-востоке стал известен как «страна хайландур» (оногур), что значительно расширило понятие «страны гуннов» (или Берсилии) в сведениях армянских источников до V в. Можно попытаться даже локализовать на этой территории места расселения и кочевий трех основных племен этого объединения: в низовьях Волги и северо-восточной части совр. Калмыцких степей (возможно, до реки Кумы) располагались кочевья сарагур; южнее, в степях Северного Дагестана (Берсилии) - места обитания огур и, наконец, в бассейне Терека и Сулака и далее на юг и юго-запад - кочевья оногур.

Уже в начале первой половины V в. все более усиливающееся и крепнувшее оногурское объединение начинает играть важную роль не только на Северном Кавказе, но и в Закавказье. Однако, несмотря на то, что первые набеги оногур на закавказские владения Сасанидов (преимущественно через Чорский проход) совершались главным образом в целях грабежа и добычи (время, когда «выходили хайландуры» у Елишэ), шахский двор предпринял ряд серьезных мер к тому, чтобы обезопасить свою кавказскую границу от гуннских вторжений. В проходе Чора были сооружены мощные оборонительные укрепления, а в Албании размещены регулярные части царской конницы.

В период освободительной борьбы в Закавказье (450 - 451 гг.) с оногурами через посредничество албанского князя Вахана было заключено соглашение, по которому они обязались предоставить восставшим военную помощь. Однако гунны не выполнили своих

союзнических обязательств и не приняли участия в решающей битве на Арарайрском поле, так как, по словам Елишэ, не могли прийти между собою в согласие. Лишь год спустя оногуры под предводительством своего вождя Ерана вторглись в Закавказье и, истребляя персидские гарнизоны, дошли до Месопотамии, грабя и опустошая как сасанидские владения в Закавказье, так и византийские на Евфрате. Во время этого вторжения (452 г.) через Чорский проход оногуры разрушили часть его укреплений, что, как замечает Елишэ, особенно обеспокоило Иездигерда II, придававшего огромное значение этому проходу - форпосту иранского владычества на Кавказе. Однако после ухода гуннов в родные степи и подавления освободительного движения в Закавказье, эти укрепления были вновь восстановлены по специальному эдикту сасанидского шаха.

После смерти Иездигерда II в 457 г. и начала междоусобной борьбы за власть в Иране, албанский царь Вачэ поднял восстание против персов. Опасаясь возможного вторжения в страну гуннов, которые могли воспользоваться нестабильной ситуацией в Закавказье и причинить вред восстанию, Вачэ первым делом закрепил за собой твердый контроль над проходом Чора, уничтожив сасанидский гарнизон, появившийся там сразу же после гуннского вторжения 452 г. В 459 г. албанский царь вступил в войну с пришедшим в Иране к власти Перозом и при помощи маскутов Южного Дагестана и мелких горских племен два года вел успешные военные действия против вторгшихся в Албанию сасанидских войск. Однако в 460/1 г. нанятые Перозом за большие деньги оногуры через Аланские ворота (Дарьял) вторглись в Албанию и, в течение года находясь на территории страны, сумели подавить восстание, хотя, как сообщает Каланкатуйский, «... и на них обрушились великие бедствия (т. е. гуннов и персов), и некоторые из них пали в сражениях, а некоторые - от страшных болезней. Война затянулась, большая часть страны была разорена, но никто не покинул его (Вачэ)» - восклицает в конце албанский историк.

Именно в то время, когда оногуры находились на территории Албании (461 - 462 гг.), в степях северо-западного Прикаспия появилась из-за Волги сабирская орда, бежавшая от авар из Прииртышья. В 462 г. сарагуры, испытавшие на себе первый удар со стороны внезапно появившегося: врага, оставили свои прежние места обитания в Калмыцких степях и под давлениемдвигающихся на юг сабир откочевали к Нижнему Дону и Восточному Приазовью, напав в свою очередь на часть племени акатзир, вытесненных из степей Северного Причерноморья за Дон отхлынувшими из Паннонии после 453 г. гуннами Денгизиха и Эрнаха. Это событие явилось началом распада первого крупного объединения гунно-булгарских племен Северного Кавказа во главе с оногурами. К 463 г., вернувшиеся из Албании оногуры, ввиду давления на них с севера сабирской орды, вслед за сарагурами и огурами оставили свои первоначальные места обитания в Северном Дагестане и откочевали к восточному побережью Азовского моря и Кубани, откуда впервые и: вступили через Лазику в контакт с Византией, чтобы заручиться ее поддержкой в отношениях со своим новым врагом сабирами. Впоследствии именно в этом районе сложилось новое объединение древнебулгарских племен также во главе с оногурами, этническое имя которых послужило названием их новой родины - Оногории.

Однако весной 466 г. (конец марта - начало апреля) сарагуры и, очевидно, тесно связанные с ними племенным союзом оногуры и огуры, предприняли еще одно грабительское вторжение в Закавказье. Двигаясь из Западного Предкавказья, куда они откочевали под ударом сабир (возможно, из района Средней Кубани) вдоль северных склонов Кавказского хребта, кочевники попытались прорваться через обычный по их прежним вторжениям в Закавказье Дербентский проход (Каспийские ворота Приска). Такому маршруту способствовала сложившаяся к 466 г. ситуация в Восточном Предкавказье, так как продвижение сабир в степной Дагестан временно приостановилось. К тому же гунны могли рассчитывать и на ослабление внимания сасанидской военной администрации к Дербентскому проходу, особенно после подавления албанского восстания, а также на то, что Пероз отвел с Кавказа значительную часть своих войск на восточную границу, где именно в это время вел успешные

военные действия против кидаритов. Однако эта попытка не увенчалась успехом, так как проход был занят сильным сасанидским гарнизоном, появившимся здесь сразу же после окончания войны в Албании и отречения Вачэ. Изменив маршрут движения, гунны через Дарьяльский проход («другая дорога» Приска) вторглись в Иберию и, переправившись на правый берег Куры (видимо, южнее Тбилиси), расположились лагерем в албанской провинции Ути у крепости Хунан, находящейся недалеко от г. Халхал. Здесь, разделившись на три части (возможно, что такое разделение и было вызвано племенным составом участников вторжения), гунны напали на Албанию, Армению и Иберию. Одновременно с двумя отрядами, разорявшими: территорию Армении и Иберии, третий отряд гуннов под предводительством своего вождя, двигаясь на юго-восток: по провинции Ути, в начале Пасхи достиг области Мец Куэнк (провинция Арцах), где и остановился на берегу реки Тертер. Здесь, грабя и разоряя окрестные селения, гунны захватили множество пленных, среди которых оказались священники из Иерусалима и ученики Маштоца. Как образно рассказано Каланкатуйским, в ночь, когда гунны проводили время в бессонном пиршестве и веселье, им предстало дивное явление, изумившее гуннского предводителя, который вместе со своим отрядом принял крещение из рук священников. Затем, освободив всех пленных, новокрещенный гуннский вождь Теофил на утро празднования Пасхи вновь прибыл в провинцию Ути к месту первоначального сбора кочевников у крепости Хунан, где и расположились на берегу Куры у разрушенного моста, чтобы праздновать там христианский праздник. В это время туда же возвратился и сам гуннский царь, расположившийся напротив Теофила. В этом месте и происходит развязка событий, связанных с последним вторжением в Закавказье болгарских племен оногурского объединения, когда по приказу царя гуннов погибает Теофил с сыновьями и крестившимися в Албании гуннами.

Как мы уже отмечали, к началу V в. на Северном Кавказе сложился военно-политический союз гунно-булгарских племен во главе с оногурами. С самого начала своего существования как новой военной силы на Кавказе это объединение сразу же дало о себе знать агрессивной политикой по отношению к своим соседям. Племенная знать, закрепляя свою власть над массой простых воинов-кочевников, стала искать пути для удовлетворения своих быстро растущих потребностей в обогащении и очень скоро нашла их, по примеру своих предшественников алан, в Закавказье. В этом отношении особую ценность представляет собой единственное в источниках сообщение о первом появлении оногур в Закавказье, сохраненное Моисеем Каланкатуйским и в труде Степаноса Орбелиана (XIII в.).

Согласно Каланкатуйскому, во время царствования Шапура II (309 - 379) некий Бабик, сын сюникского князя Андока, бежавшего от гнева шаха в страну ромеев (т. е. в Византию), тоскуя по родному краю, вернулся домой. В это самое время «выступил гунн из страны гуннов по имени «онагур» и вызвал царя персов Шапура на единоборство. По поручению самого Шапура Бабик принял дерзкий вызов гунна и сразил его в единоборстве. Эта легенда, понятая буквально, не представляет особого интереса, за исключением, безусловно, имени гуннов, передающего этническое имя оногур. Кроме того, Бабик не мог быть сыном сюникского князя Андока, действительно жившего при Шапуре II, но является одним из его потомков; ссора же Андока с Шапуром как основной мотив легенды, была сохранена в этом рассказе, но перенесена в другую обстановку и в другую эпоху. Сам же факт вторжения оногур в Закавказье в связи с Бабином как исторической фигурой, не IV, а V в., может быть подтвержден небольшим, но весьма ценным пояснением албанского историка в конце главы, повествующей о судьбе Бабука: «Случилось это за 20 лет до воцарения злодея Иездигерда, который пытался разрушить веру Христа и услать нас покорными маздеизму». Здесь имеется в виду сасанидский шах Иездигерд II, о котором мы говорили выше, так как уже в следующей главе речь идет о подготовке восстания в Закавказье 450 г. Следовательно, первое появление оногур в Закавказье под своим собственным этническим именем (к счастью, сохраненное Каланкатуйским) может быть датировано приблизительно 418/9 г. Это событие находится в полном соответствии с кратким указанием Елишэ на время до 442 г., когда, по его словам, «перестали выходить хайландуры». А теперь уже можно более определенно

сказать, когда именно они «вышли» в первый раз.

Исходя из всего сказанного, можно положительно решить и вопрос о том, почему уже младший современник Елишэ - Лазар Парпеци, рассказывая о событиях тех же 450 - 541 гг., не упоминает этнонима «хайландуры», хорошо известного его предшественнику. С одной стороны, в соответствующих эпизодах, где Елишэ называет хайландур, Лазар Парпеци употребляет собирательный термин «хоны» (гунны). Елишэ называет «царя» хайландур по имени - Еран, в то время как Парпеци говорит просто: «царь гуннов». С другой стороны, Елишэ называет восточных врагов Иездигерда II кушанами, что для середины V в. не соответствует действительности. Лазар Парпеци знает восточных врагов Пероза как эфталитов, что отражает реальность того же времени. Эти обстоятельства дают основания полагать, что Лазар Парпеци, как современник Пероза, был лучше осведомлен о событиях на востоке сасанидского государства, в то время как Елишэ, современник Иездигерда II, был лучше знаком с событиями на Кавказе. К тому же Елишэ написал свой труд не позже 464 г., т. е. под впечатлением совсем недавно пережитых событий. Труд Лазара Парпеци был закончен не раньше 485 г.; другими словами, события 450 - 451 гг., отраженные во второй книге его истории, воспроизводились спустя более 30 лет. Исходя из этого можно заключить, что писавшему в 80-х гг. V в., Парпеци просто было неизвестно этническое имя гуннов, участвовавших в событиях 450 - 451 гг., равно как название их страны и имя их царя. Однако подобная неосведомленность была вызвана объективными причинами: в 60-х гг. V в. на Северном Кавказе происходил процесс перегруппировки гуннских племен и изменения этнополитической ситуации, когда здесь начался распад первого крупного гунно-булгарского объединения во главе с оногурами (хайландурами), а становление нового, еще более мощного, во главе с сабирами, не было завершено.

Глава III

Сабирское объединение и Албания

(466 - 558 гг.)

Распад на Северном Кавказе первого гунно-булгарского объединения во главе с оногурами обусловил начало параллельного процесса объединения кочевников Восточного Предкавказья и становления нового военно-политического союза во главе с сабирами. Необходимо выделить три основных этапа этого процесса, тесно связанного с обстоятельствами продвижения сабир в Прикаспийский Дагестан. Первый охватывал период до конца 60-х гг. V в., когда сабирская орда находилась, по-видимому, в междуречье Кумы и Терека. Второй этап (с конца 60-х гг. V в. до начала VI в.) сопровождался дальнейшей экспансией сабир на юг в направлении проходов (Дербент, Дарьял) и совпал с началом складывания их объединения. Отголоски этого этапа отразились в закавказских событиях последней четверти V в.

Тяжелая обстановка, сложившаяся на Кавказе после поражения освободительной борьбы 450 - 541 гг. и подавления восстания в Албании, а также усиление политического и экономического давления сасанидского Ирана на кавказские государства, подготовили почву для нового взрыва; освободительной борьбы. Кульминационной точки развитие событий достигло в последние годы царствования Пероза. Непрекращающиеся военные действия сасанидского шаха на востоке с эфталитами сильно истощили царскую казну. В связи с этим значительно возросло бремя налогов, взимаемых с закавказских народов, а усиление налоговой и податной политики все более ущемляло наследственные привилегии и власть

местной знати. Стремление шахского двора снизить накал политического брожения в Закавказье путем обычного для Сасанидов приема - набора конницы в Армении, Албании и Иберии и отправки ее на восточную границу для войны с врагами Ирана - не привело к желаемому результату, и вызвало противоположный эффект. В 481 г. вспыхнуло восстание в Иберии, где царь Вахтанг Горгасал, сместив главу проиранской партии в стране - питиахша (наместника) Вазгена, начал военные действия против персов. Вскоре к восстанию примкнули Армения и Албания и восставшим удалось дважды нанести персам чувствительные удары: в 481 г. около села Акори, а в 482 г. - в сражении при Нерсехапате. Удачному ходу восстания в значительной степени способствовала война Пероза с эфталитами, закончившаяся в 484 г. поражением шаха и его гибелью. Крайне напряженная внешнеполитическая обстановка, вызванная неудачной войной с эфталитами, тяжелое экономическое положение государства, продолжающееся восстание в Закавказье - вынудили вступившего на престол в 484 г. Валарша (484 - 488) пойти на значительные уступки закавказским народам. В 485 г. в селе Нварсак был заключен мирный договор, узаконивший привилегии и права армянской, албанской и иберской знати, а в Албании была вновь восстановлена царская власть албанских Аршакидов, упраздненная более 20-ти лет тому назад при Перозе. На престол в Партаве был возведен племянник Вачэ - Вачаган, бывший заложником у персов. Время его царствования было периодом значительного экономического культурного подъема Албанского царства.

По сообщению Лазара Парпеци, сохранившего наиболее полный рассказ о ходе восстания 481 - 484 гг., восставшие стремились заручиться поддержкой как византийцев, так и гуннов. Однако переговоры с гуннами, которые вел Вахтанг Горгасал, так и не привели к решительному выступлению гуннов на стороне восставших, как это было во время предыдущего восстания, за исключением вербовки небольшого наемного отряда (300 всадников), не игравшего существенной роли в военных действиях. Из сообщения Парпеци неясно, с какими именно гуннами вел переговоры иберский царь, поскольку общие указания историка на собирательный термин «хоны» (гунны) не дают основания говорить о какой-либо конкретной группировке гуннов, достаточно хорошо известных по другим, близким по времени источникам (Елишэ и Приск). Между тем отсутствие конкретных племенных наименований гуннов у Лазара Парпеци было вызвано именно неустойчивой политической ситуацией в северокавказских степях в 80-х гг. V в., когда здесь еще не успел сложиться гуннский племенной союз во главе с сабирами, давший о себе знать лишь два десятилетия спустя. Поэтому «гуннами», о которых говорит Лазар Парпеци, могли быть разрозненные, еще не втянутые в складывающееся объединение мелкие племенные группы кочевников. В этом отношении особого внимания заслуживает третий и последний этап движения сабир, вставших во главе созданного ими в начале VI в. мощного племенного союза, попытавшегося распространить свою власть даже за Кавказским хребтом. Этот этап имеет огромное значение прежде всего для истории народов Кавказа, в частности Албании, поскольку именно в это время они столкнулись впервые с новой волной азиатских кочевников, поднятых аvaraми и спустя столетие после гуннов появившихся на Кавказе.

Видимо, в конце ноября 503 г. гунны - сабиры, прорвавшись через охраняемый сасанидским гарнизоном Дербентский проход и пройдя горные перевалы восточных отрогов Кавказа, вторглись в Албанию. Момент вторжения в подвластные Ирану области Кавказа (конец 503 г.) как нельзя лучше соответствовал политической обстановке на Востоке к этому времени. Внимание сасанидского Ирана было сосредоточено на западе, в Месопотамии, куда осенью 502 г. с большим войском вторгся шах Кавад (488 - 531). Византийская кампания только разгоралась, наиболее боеспособные части сасанидской армии во главе с самим шахом находились на западном театре военных действий. Таким образом, за исключением небольших гарнизонов, расположенных в крупных административных центрах Кавказа и в Дербентском проходе, реальной силы для своевременного отпора кочевникам не было. Поэтому внезапность нападения и (отсутствие серьезного сопротивления со стороны персов позволили сабирам уничтожить незначительные гарнизоны, разбросанные по Закавказью, и в

короткий срок овладеть богатыми северными владениями сасанидского государства - Албанией и Иберией. Политическое и экономическое значение этих стран в общегосударственной системе сасанидского Ирана, их чрезвычайно важное стратегическое положение, едва ли не в полной мере учитывалось сабирами. Возможность держать в своих руках и контролировать проходы, ведущие в Закавказье (Дербент, Дарьял), позволяла в кратчайшие сроки обеспечить своевременную переброску с Северного Кавказа новых подкреплений и вести военные действия в выгодных для себя условиях. Также вполне возможно, что, если гунны и не имели открытой поддержки со стороны оппозиционно настроенной по отношению к Ирану части местной знати и населения, то они во всяком случае могли использовать в своих целях их относительный нейтралитет. Это тем более вероятно, поскольку вскоре после прихода к власти Кавада в 488 г. привилегии и права кавказской знати и духовенства, полученные в результате Нварсакского договора 485 г., были резко урезаны, а в Албании после завершения войны с гуннами окончательно упразднена царская власть Аршакидов.

Сасанидский шах в начале декабря 503 г. получив известие о вторжении, находился с войсками на Евфрате, у крепости Каллиник. Оценив создавшееся положение, Кавад немедленно форсированным маршем двинул армию на северо-восток, на Кавказ. Однако, не рассчитывая быстро перебросить войска, с огромным количеством обозов и добычи и пленными в район боевых действий, Кавад выслал против врага 12 тыс. всадников во главе со спахбедом (начальником конницы) Шапуром. Последнему удалось до подхода основных сил вытеснить гуннов из областей, расположенных между Араксом и Ширваном (Мильская, Муганская и Ширванская равнины).

Весной 504 г. в войну с гуннами вступил сам шах с главными силами своей армии. Разорение западных провинций Ирана византийскими войсками летом 504 г. вызвало стремление Кавада заключить перемирие с Византией (505 г.) с тем, чтобы сосредоточить максимум усилий на войне с гуннами в Закавказье. Несмотря на это, военные действия продолжались вплоть до 508 г., когда Кавад, окончательно разбив и отбросив сабир за Кавказский хребет, прочно закрепил за собой оба прохода (Дарьял, Дербент). Однако уже через 12 лет, в 515 г. сабиры вновь появились в Передней Азии, опустошая и разоряя на этот раз уже византийские владения в Армении, Месопотамии и Малой Азии. В отличие от первого вторжения в 503 г. через Дербентский проход, в 515 г. сабиры прошли Дарьяльское ущелье. Это нападение, безусловно, было инспирировано Кавадом, видимо, в ответ на постройку императором Анастасией форпоста Византии на западной границе Ирана крепости Дары, тем более что Кавад пропустил кочевников через охраняемый сасанидским гарнизоном Дарьял, оказавшийся в его руках сразу же после окончания войны с гуннами в 508 г.

По вопросу о времени появления сабир на Северном Кавказе в специальной литературе существует, если не исчерпывающая, то во всяком случае та точка зрения, согласно которой сабиры впервые появляются здесь не раньше второй половины V в., или, как мы попытались показать, можно точнее определить это время началом 60-х гг. V в. Иногда, правда, в литературе высказывается и точка зрения, согласно которой сабиры появляются на Кавказе гораздо раньше, уже в первых веках н. э. Не вдаваясь здесь в подробности, грозящие показаться скучными, все же отметим, что это мнение, как бы оно ни было соблазнительно для многих авторов, основано на неверном отождествлении и локализации этих сабир в труде Птолемея.

По вопросу о времени появления хазар на Северном Кавказе, их этнической принадлежности и другим проблемам хазарской истории в научной литературе существует такая огромная библиография, в которой не всегда с успехом разберется и специалист. Со своей стороны заметим, однако, что решение такой сложной проблемы, как начало хазарской истории на Кавказе, на наш взгляд, следует искать в следующих трех случаях: либо принять как достоверные сведения армянских источников о присутствии хазар на Кавказе еще до появления здесь гуннов в 70-х гг. IV в., либо, не доверяя этим сведениям и опираясь на

первое упоминание хазар в сирийской хронике Захарии Ритора под 555 г., отнести время их появления в позднегуннскую эпоху, либо, наконец, связать появление хазар на Кавказе с гуннами, т. е. в гуннскую эпоху. В настоящее время ни по одному из этих важных вопросов не существует неопровержимых аргументов, и хазарская проблема по-прежнему остается столь же актуальной, как и гуннская. Для нашей темы, однако, важен другой аспект этой большой и сложной проблемы, а именно: какие племена входили в состав сабирского объединения. Думается, что ими могли быть болгарские племена Берсилии (хазары и барсилы), не ушедшие в Приазовье после распада оногурского объединения, а также все те этнические элементы и группы Восточного Предкавказья сармато-аланского и кавказского происхождения, которые составляли важный компонент предыдущего объединения. Именно эти племена явились основой мощного военно-политического союза во главе с сабирами, в самом начале VI в. вступившего в борьбу с Ираном за расширение своего господства.

В связи с перегруппировкой в северокавказских степях кочевых племен во второй половине V в. не совсем ясным для нас остается вопрос о том, какой характер имели отношения между сабирами и вытесненными ими в Восточное Приазовье болгарскими племенами оногур, сарагур и огур. Можно, конечно, допустить, что оногуры и связанные с ними племена попали в зависимость от сабир, находящихся в начале VI в. в зените могущества. Тем более, что такое мнение высказывалось в литературе. Однако оно сразу же вызывает следующее возражение. Экспансия сабир в западном направлении (в район Кубани и Азовского моря) не могла обойти довольно значительной территории расселения аланских племен, занимавших районы предгорий и равнин почти всего Центрального Предкавказья (т. е. территорию Ставропольской возвышенности и бассейна верховий Терека, Кумы и Кубани). В этом случае аланы также должны были числиться в составе сабирского объединения, что противоречит ясному указанию Прокопия, утверждающего, что аланы независимое племя, занимающее земли до Каспийских ворот (Дарьял). Наиболее же серьезные аргументы, говорящие против этой точки зрения, содержатся в известном географическом экскурсе Прокопия, включенном автором в VIII книгу «Истории войн Юстиниана» (или в IV книгу «Войны с готами»), написанную в 554 г. Перечисляя племена, обитавшие по восточному побережью Черного моря, Прокопий говорит, что за пределами абазгов (совр. абхазов) до Кавказского хребта живут брухи, которые располагаются между абазгами и аланами. Далее, по берегу моря, обитают зихи, за которыми живут сагины. За сагинами же, подчеркивает Прокопий, осели «многие племена гуннов», которые занимают страну, простирающуюся вплоть до Меотийского болота (Азовское море) и до реки Танаиса (Дона), который впадает в «болото». «Народы, которые тут живут, - продолжает Прокопий, - в древности назывались киммерийцами, теперь же зовутся утигурами». Таким образом, говоря о «многих племенах гуннов», обитавших во время составления экскурса (554 г.) между Доном и западными отрогами Кавказа, т. е. в Восточном Приазовье, Прокопий указывает, что все эти гуннские племена называются одним именем - утигурами. Возникает вопрос: когда и как попали утигуры в Восточное Приазовье? Ответ мы находим в перипетиях сложных исторических событий после окончательного распада гуннского объединения на Дунае и гибели сына Атиллы Денгизиха в 469 г. В это время началось обратное движение части гуннских племен из Северо-Западного Причерноморья в Приазовье, именно в тот район, откуда в 371 г. гунны вторглись в степи Северного Причерноморья. Видимо, именно это событие и имел в виду Прокопий в своем рассказе, облеченном уже в форму легенды, о расселении двух наиболее крупных гуннских племен - кутригур и утигур. Утигуры, по словам Прокопия, на обратном пути встретили в Крыму (около Перекопского перешейка) готов, под названием «тетракситы», которые, по соглашению с утигурами, переселились на противоположный берег Керченского пролива (т. е. на Таманский п-ов), «где живут и теперь», - добавляет Прокопий. Утигуры же заняли земли за Доном и Азовским морем, в то время как кутригуры остались кочевать в степях к западу от Азовского моря. Другими словами, обратное движение гуннов - утигур в степи Восточного Приазовья и их расселение в этом районе относится ко времени после 469 г., т. е. спустя некоторое время после появления на Кубани оногур и связанных с ними племен. Исходя из этого, надо полагать, что под «многими племенами гуннов», о которых

говорит Прокопий, следует понимать прежде всего именно ту группу гуннских (булгарских) племен, которая незадолго до передвижения утигур в Восточное Приазовье была вытеснена в этот район сабирами в 60-х гг. V в., т. е. племена оногур, сарагур и огур, а также остатки племени акатзир, вытесненных в Восточное Приазовье еще раньше гуннами Денгизиха и Эрнаха. Утигуры господствовали в восточно - приазовских и донских степях вплоть до аварского нашествия 558 г., а после 70-х гг. VI в., подпав под власть Тюркского каганата, исчезают со страниц источников. Остатки их вошли в состав возникшего в Приазовье в 30-х гг. VII в. булгарского племенного объединения во главе с оногурами хана Кубрата. Сказанное дает нам основание заключить, что оногуры вместе с другими племенами (сарагурами, огурами, акатзирами) между концом V в. и 558 г. находились в составе не сабирской конфедерации, а вошли в состав объединения, созданного к концу V в. в Восточном Приазовье гуннами - утигурами. Исходя из этого, у нас есть все основания утверждать, что, начиная со второй половины V в. на Северном Кавказе параллельно протекали два этнополитических процесса, которые уже к концу V в. привели к возникновению сразу двух крупных гуннских объединений: одного - в Восточном Предкавказье во главе с сабирами, другого - в Западном Предкавказье во главе с утигурами.

Оформление на Северном Кавказе почти одновременно двух сильных гуннских объединений сразу же привлекло внимание как Византии, так и Ирана. В хронике Захарии Ритора, на наш взгляд, имеются и указания на установление контактов с сабирами со стороны обеих держав еще до их первого вторжения на Кавказ в 503 г. По сообщению Захарии Ритора, когда гунны в 13-м году императора Анастасия (503 г.) «вышли» через ворота (Дербентский проход) и достигли «персидских пределов», Кавад (в тексте ошибочно Пероз) испугался, собрал войско и вышел им навстречу. Когда шах осведомился о причине вторжения в его страну, гунны будто бы ответили: «Нам не достаточно того, что дает нам персидское государство, как бы подать людям - варварам, которые подобно злосчастным зверям изгнаны богом в северо-западную страну. Мы живем оружием, луком и мечом и подкрепляемся всякой мясной пищей. Император Ромейский через послов, которых он прислал, обещал нам умножить подать, если мы разорвем дружбу с вами, персами. Поэтому мы запаслись и приготовились в путь. Или дайте нам, сколько (предлагают) ромеи, и мы утвердим с вами союз, или, если не дадите, принимайте войну». Далее Захария указывает, что среди гуннов находился «лукавый» сирийский купец из Апамеи Евстафий, с которым гунны «советовались» и который «укреплял» их, чтобы они не боялись напасть на персов, превосходивших их численностью. [9] Географическая близость к границам Ирана сильного сабирского объединения, видимо, очень скоро обусловила установление с ним связей сасанидского правительства, которое посредством богатых даров племенным вождям стремилось удержать гуннов от вторжений в свою страну и направить их на опустошение владений своего старого врага - Византии. Со своей стороны, византийское правительство также хорошо понимало, какую роль могут сыграть прикаспийские гунны в постоянной борьбе с Ираном. Вполне возможно, что именно пребывание апамейского купца Евстафия у сабир буквально накануне их первого вторжения на Кавказ и явилось началом контактов Константинополя с новым мощным объединением кочевников на кавказской границе сасанидского государства. Вторжение же Кавада в византийские владения осенью 502 г., видимо, в еще большей степени активизировало деятельность византийской дипломатии, что и привело к нападению сабир на северные владения Ирана именно в тот момент, когда это было особенно необходимо Византии. Между тем относительное сближение сабир с Ираном после 508 г. и последовавшее за этим опустошительное вторжение гуннов в восточные провинции империи в 515 г. не помешало, однако, Византии вскоре попытаться вновь завязать с ними контакты. По сообщению Иоанна Малалы, в 521 г. император Юстин (518 - 527), в связи с возникшей с Ираном войной, отправил послов с большими дарами к царю гуннов Зилгибу и просил его выступить на стороне Византии против персов. Зилгиб клятвенно, «по обычаю отцов», заверил императора в своей помощи. Одновременно к Зилгибу с этой же целью прибыло посольство от Кавада и Зилгиб, приняв деньги, дал персам такую же клятву. Свое обещание персам Зилгиб выполнил и отправился на помощь к Каваду с 20-тысячным войском. Узнав об этом, Юстин послал

Каваду письмо, в котором сообщал, что Зилгиб за большие деньги поклялся помочь ромеям и готов изменить шаху, а потому лучше им «как братьям, вступить в дружбу и не допустить, чтобы эти псы издевались над нами». Получив письмо, Кавад спросил Зилгиба, брал ли он деньги у ромеев, и когда Зилгиб признался, разгневанный Кавад убил его и, послав ночью большой отряд, истребил воинов Зилгиба. На родину вернулись лишь те, добавляет Малала, кому удалось бежать под покровом ночи.

Неудачу в попытке привлечь на свою сторону прикаспийских гуннов Византия решила компенсировать за счет гуннских племен Приазовья. Назревавшая война с Ираном в Лазике, царь которой Цафий в 522 г., разорвав отношения с Кавадом, перешел на сторону империи, требовала серьезных приготовлений и большого войска. С этой целью в город Боспор было направлено посольство во главе с патрикием Пробом, племянником императора Анастасия. Незадолго до миссии Проба - этот важный в стратегическом отношении торговый город - был отторгнут Византией у приазовских гуннов, долгое время осуществлявших над ним свой контроль. Это обстоятельство вызвало резкое недовольство гуннов, хорошо понимавших значение старых торговых городов Крыма и игравших весьма важную роль в их торговле. Ввиду этого вербовка гуннов, к которым с большими деньгами приехал Проб в 522 г., окончилась неудачей.

Между тем миссия Проба, по-видимому, не прошла бесследно для прикаспийских гуннов. По сообщению Малалы, в 527 г. в союз с империей вступила царица гуннов - сабир Боа, вдова сабирского вождя Балаха, «женщина, мужественная силой и умом», под властью которой находилось до 100 тыс. гуннов. К союзу с империей ее склонили присланные ей щедрые дары. В то же время шах Кавад за большие деньги привлек на свою сторону двух других гуннских вождей по имени Тиранке (Стиракс) и Глом (Глон). По замечанию Феофана, использовавшего текст Малалы и, видимо, еще какой-то неизвестный нам источник, они были вождями «другого племени внутренних гуннов». Когда оба они с 20-тысячным войском проходили по владениям царицы Боа, чтобы соединиться с армией Кавада, она напала на них и наголову разбила; Глом пал в битве, а Тиранке попал в плен. Боа в окопах переправила его в Константинополь, где он был предан позорной казни в предместье Сиках близ церкви святого Конона. Какие именно гунны шли на помощь Каваду - неизвестно. Из сообщения источника ясно только одно: Тиранке и Глон были предводителями племени «внутренних гуннов» по отношению к гуннам - сабирам царицы Боа. Кто же были они, эти «внутренние гунны» и где они обитали? По этому вопросу недавно были высказаны две основные точки зрения. По предположению Федоровых, племя, вождями которого были Тиранке и Глом обитало в районе совр. Буйнакса в Дагестане. Оттуда по пути к Дербенту наемники Кавада не могли миновать владений Боа и были ею перехвачены в районе Манаса или мыса Бойнак (указ. соч., с. 184). Таким образом, под областями, где обитали «внутренние гунны» Тиранкса и Глома Федоровы понимают территорию не к северу или западу от предложенного ими центра владений Боа на Среднем Сулаке - города Варачана, а к югу, в районе Буйнакса. Против этого, однако, у нас имеются возражения. Указание Феофана на район, где обитало племя «внутренних гуннов», можно понимать только по направлению к северу или западу от предполагаемого центра сабирского объединения. С другой стороны, никакого «другого гуннского племени», жившего к северу от владений Боа (т. е. по-существу всего Восточного Предкавказья до Волги) и способного выставить такое значительное по численности войско в 527 г., просто не существовало. По мнению А. В. Гадло, племя Тиранкса и Глома, шедшее на соединение с Кавадом, принадлежало к барсилской конфедерации, которая, по его мнению, располагалась к северу от Кумы; » состав этой конфедерации входили и остатки племени акатзир (акацир), будущие исторические хазары. В пользу этого предположения, по мнению исследователя, говорят и иранские имена обоих вождей, а также численность представляемого ими объединения, которое должно было насчитывать (судя по численности отряда) не менее 100 - 120 тыс. человек (указ. соч., с. 69, 92). Однако против этого предположения также имеются возражения. Во-первых, Феофан (и Малала) ясно говорят о «гуннском племени», которым предводительствовали Тиранке и Глом. Поэтому мы вправе

полагать, что это замечание может быть отнесено к племени определенного круга (или происхождения), так как до сообщения о «гуннах» Тиранкса и Глома Феофан упоминал именно «гуннов - сабир» во главе с Боа. Во-вторых, иранские имена двух вождей не могут свидетельствовать о негуннском происхождении самого племени. Историкам известно немало иранских имен, которые носили именно гунны (Амбазук, Заберган, Балас, Хорсоман и др.). В-третьих, историю барсил в V - VI вв. из-за отсутствия сведений можно только предполагать, в то время как история сабир именно в это время представляется довольно полно. Хазары и барсилы в 527 г. могли выступать только как часть сабирского союза племен и не представляли собой самостоятельной политической силы. Что же касается численности войск Тиранкса и Глома, то в данном случае союзниками Кавада вполне могли быть многочисленные гуннские племена Восточного Приазовья. Именно приазовские гунны были недовольны усилением византийского влияния в Крыму вследствие захвата Византией Боспора и не приняли участия в войне против Ирана, о чем красноречиво говорит неудачная "миссия Патрикия Проба за пять лет до событий, описанных Малалой и Феофаном. Гуннами Тиранкса и Глома могли быть именно прикубанские гунны, в частности оногуры, и другие связанные с ними прежним и новым союзом племена, хорошо знавшие дорогу на Кавказ. Контакт с ними был легко осуществим через подвластную Каваду Иберию и, что еще более вероятно, через алан, которые, как это часто наблюдалось, не препятствовали гуннам проходить по их территории для вторжения на Кавказ через Дарьяльский проход. Весьма вероятно, что и в 527 г. прикубанские гунны Тиранкса и Глона были пропущены аланами через свои земли и направлялись к Дарьяльскому проходу, чтобы соединиться в Закавказье с войсками Кавада. Однако на пути к нему они были встречены союзниками Византии – сабирами во главе с Боа и разгромлены. Если принять наше толкование сообщений византийских хронистов, то отсюда следует, что указание Феофана на племя «внутренних гуннов» нужно понимать по направлению к северо-западу от обитавших в Северном Дагестане сабир, что как раз соответствует району Средней Кубани с обитавшими там болгарскими племенами.

Предложенное нами толкование сообщений Малалы и Феофана под 527 г. легко увязывается с последующими событиями на Северном Кавказе. Согласно Малале, Феофану и Псевдо-Дионисию Тельмахрнскому, в 528 г. в союз с империей вступил царь гуннов, обитавших близ Боспора, по имени Грод (Горд у Феофана, Гордий у Псевдо - Дионисия; последний относит это событие к 534 г.), который с войском прибыл в Константинополь и принял крещение из рук самого императора Юстиниана (527 - 565). По словам хронистов, император, богато одарив новокрещенного, отправил его обратно, «в его собственную страну» охранять ромейские пределы и город Боспор. Вместе с ним император направил в Боспор трибуна для охраны города и взимания с гуннов положенной с них дани быками. После своего возвращения Грод уничтожил идолов из серебра и электрона (сплав золота и серебра), которым гунны поклонялись, перелил их в слитки и отправил в Боспор, «чтобы их обратили в монету». Эти действия вызвали недовольство гуннских жрецов и брата Грода - Мугела (Муагера), которого тот оставил возглавлять войско во время своего пребывания в Константинополе. В результате заговора Грод был убит, а вместо него гунны сделали царем Мугела (Муагера). По словам Малалы и Феофана, после убийства Грода гунны напали на Боспор, захватили город и истребили гарнизон вместе с трибуном Далмацием. К этому же времени относится и сообщение Прокопия о том, что «некоторые из варварских племен, живущих в соседних областях», захватили и разрушили до основания города Таманского п-ова - Кепы и Фанагорию, на которые распространялась власть Боспора. Узнав об этом, Юстиниан отправил в Боспор для восстановления своей власти большое войско во главе с полководцем Иоанном при поддержке вспомогательного отряда готов под предводительством Годилы и Бадурия. Получив известие о приближении византийцев, гунны оставили Боспор и бежали. Город был вновь возвращен Византии и укреплен заново отстроенными стенами. Вскоре к империи были присоединены и разрушенные гуннами боспорские города Тамани.

Из источников неясно, во главе каких именно гуннов стоял Горд и какое именно гуннское племя вело борьбу с империей за Боспор. В этом вопросе следует разобраться подробнее. Вспомним, что в 527 г., т. е. за год до эпизода с Гродом, прикаспийские гунны, возглавляемые Боа, находились в оппозиции к Ирану и заключили союз с империей, в то время как восточно-приазовские гунны, недовольные укреплением позиции Византии на Боспоре, выступили на стороне Ирана против империи, но были разбиты союзниками Византии. Однако уже через год (528 г.) вождь восточно-приазовских гуннов Грод явился в Константинополь и принял крещение - факт, указывающий на значительное сближение гуннов с империей и превращение их по сути дела в вассалов Византии, поскольку христианизация варварской периферии всегда являлась актом в большей степени политическим, нежели религиозным. Исходя из этого, маловероятно, что принятие «царем» гуннов христианства - явление весьма существенное для язычников - гуннов могло быть инициативой какого-либо отдельного приазовского племени гуннов, в частности, оногур, тем более, что последние в это время находились в зависимости от утигур. Кроме того, находясь во враждебных отношениях с империей из-за Боспора, утигуры просто не могли допустить вступление с ней в союз подвластного им племени и крещение их вождя. Это сразу же должно было вызвать негативную реакцию утигур. Однако, как мы видели, пока Грод находился в столице Византии, власть над гуннами осуществлял его брат, который вступил в заговор с гуннскими жрецами и устранил брата только после того, как Грод стал переплавлять на монету гуннских богов. Если бы Грод, как и его брат Мугел, были бы вождями оногур, то тогда тем более непонятно, как в это время вели себя утигуры, поскольку последующая акция гуннов - захват Боспора Мугелом и разрушение городов Тамани - вряд ли обошлась без непосредственного участия утигур. Поэтому в Гроде вероятнее всего видеть именно царя утигур. С другой стороны, в случае с Тиранксом и Глоном, видимо, нет возражений против того, что они могли предводительствовать именно оногурами и возможно, другими связанными с ними племенами. Это представляется тем более вероятным, поскольку утигуры в это время занимали враждебную позицию по отношению к империи, а находящиеся под их властью оногуры вполне могли выступить в качестве наемников Кавада против ее интересов на Кавказ, тогда как сабиры оказали большую услугу Византии, очевидно, в отместку Каваду за разгром отряда Зилгиба в 521 г.

Выше уже отмечалось, какую важную роль в политике Византии играла христианизация варварской периферии. В хронике Захарии Ритора имеются очень ценные сведения о распространении христианства в среде гуннов. Сириец приводит рассказ двух жителей города Амида, «уведенных в плен при Каваде» лет за 50 «или больше» до времени составления хроники, но которые «в настоящее время вернулись». Они рассказывали, что «были вновь проданы и отправлены из пределов персидских в гуннские, прошли за ворота и оставались на их земле (т. е. земле гуннов) больше 30 лет». Далее уточняется, что пленные находились на земле гуннов 34 года и во время их пребывания в плену туда прибыли семь христианских миссионеров во главе с албанским епископом Кардостом. Однако эти священнослужители «не вошли в ворота», через которые на землю гуннов ввели пленных, но «были проведены через горы». «Когда они прибыли, - продолжает Захария, - они говорили с пленными, многих крестили и обучали (некоторых) из гуннов. Они оставались там семь лет и выпустили там писание на гуннском языке». Когда именно «вышло» это писание, т. е., по-видимому, перевод на гуннский язык Библии, точно не известно Захарии, но он отмечает, что оно вышло на «их языке» (т. е. языке гуннов) лет за 20 тому назад или больше, причем в данном случае отсчет времени идет также от даты составления хроники (555 г.). Далее Захария сообщает интересную подробность: «Случилось в то время, что был послан туда Проб с посольством от императора, чтобы купить из них (гуннов) воинов для войны с (языческими) народами (персами). Когда он узнал относительно гуннов от этих святых и был осведомлен относительно пленных, то весьма возревновал и пожелал повидать их. Он увидал их, был ими (священниками) благославлен и очень почтил их в глазах этих народов (гуннов). Когда наш император узнал от него (Проба) относительно события, совершенного так господом, как выше описано, из городов под ромейской державой, расположенных

поблизости, было погружено тридцать мулов, и он (Проб) послал их с пшеницей, вином, маслом, льном, другими плодами и священной утварью. Мулов он дал им (священникам) в подарок, так как Проб был муж верующий, мягкий и был усерден в таких добрых делах, как это». Через 14 лет, сообщает далее Захария, Кардост ушел, а его место занял «другой епископ, по имени Макар», который «вступил туда по своей воле вместе со священниками». Епископ Макар построил на земле гуннов церковь, «насадил растения, посеял различные семена, совершил знаменья и многих крестил. Когда властители этих народов увидели что-то новое, они очень удивились и обрадовались (этим) мужам, почитали их и каждый звал их в свою сторону к своему племени и просил, чтобы они были ему учителями. И вот они там до настоящего времени», - заканчивает Захария Ритор свой рассказ.

Эти сообщения могут прояснить многие неясные вопросы, касающиеся важных моментов истории взаимоотношений гуннов с Албанией. Вначале необходимо остановиться на вопросе о том, к каким именно гуннам отправились христианские проповедники во главе с епископом Кардостом. По мнению Н. В. Пигулевской, христианские проповедники находились на земле гуннов - сабир (указ. соч., с. 87). М. И. Артамонов придерживается иного взгляда, полагая, что Кардост проповедовал в среде прикубанских гуннов. Основанием для такого утверждения, по М. И. Артамонову, служат следующие обстоятельства. Во-первых, Кардост со своими спутниками проник к гуннам не через «ворота», а другим путем, через горы. Во-вторых, хотя миссия Кардоста исходила из подвластной Ирану Албании (Арана), но она была организована без одобрения сасанидского правительства. Именно поэтому ее путь лежал не через контролируемый Ираном Дербентский проход, а проходил трудной дорогой через горы.

В-третьих, если о миссии Кардоста ничего не знали в Иране, то о ней были хорошо осведомлены в Византии. В-четвертых, принимая во внимание, что для встречи с Пробом Кардост посетил Боспор, то становится маловероятным предположение Н. В. Пигулевской о месте деятельности этого епископа в стране сабир. И, наконец, в-пятых, вполне возможно, что крещение Грода имело прямое отношение к этой деятельности. Учитывая, что отбытие Кардоста из страны гуннов относится примерно к тому же времени, что и визит Грода в Константинополь, то можно предположить, что крещение гуннского князя было подготовлено именно этим епископом (указ. соч., с. 92 - 94).

Аргументация весьма убедительна, если не считать, что анализ сообщений Ритора может дать несколько иные предпосылки. Во-первых, Захарии (или его информаторам) известен только один проход или «ворота», за которыми сразу начинались «гуннские пределы» - это Дербентский проход или Каспийские ворота «у моря», как его называет сирийский автор. Согласно Захарии, пленные, взятые Кавадом в Амиде (503 г.), были проданы гуннам, затем отправились из пределов персидских в гуннские, «прошли за ворота и оставались на их земле» 34 года. Ясно, что в данном случае пленные прошли через Дербентский проход и в течение 34 лет жили у гуннов, обитавших севернее Дербентского прохода. Именно этих пленных видели на «земле гуннов» проповедники из Албании во главе с Кардостом, «говорили с ними и многих крестили». Однако для того, чтобы явиться на землю гуннов, албанские священнослужители прошли не через «ворота», а воспользовались дорогой через горы. Но в результате они проповедовали в среде именно тех гуннов, в руках которых находились пленные, проданные гуннам и введенные в их пределы через «ворота», т. е. через Дербентский проход. В «Истории албан» сохранился рассказ еще об одной христианской миссии, направленной из Албании в страну гуннов в 682 г. Во главе этой миссии стоял Израил, епископ албанской области Большой Колманк. Отправившись из Партава, но вскоре сбившись с пути, миссия епископа Израила достигла прохода Чора и города Дербента не прямым путем вдоль Каспийского побережья, а также прошла через горы. Другими словами, трудный переход через горы, ведущий к Дербентскому проходу и на землю гуннов, несомненно, был известен в Албании и раньше. Отсюда нетрудно допустить, что именно этой дорогой в обход прямому пути к «воротам» и воспользовались албанские проповедники во главе с епископом Кардостом более чем за 170 лет до миссии на землю гуннов епископа

Исраила.

Во-вторых, из сообщения Захарии известно, что «в то время туда прибыл Проб» для вербовки гуннов. Согласно Прокопию, посольство Проба было направлено к гуннам, обитавшим вблизи Боспора, т. е. к утигурам. Однако указания Ритора не допускают толкования текста таким образом, что сам епископ Кардост встретился с Пробом именно в Боспоре. Скорее наоборот, сам патрикий искал встречи с христианскими проповедниками и «он увидел их, был ими благославлен и очень почтил их в глазах этих народов» (гуннов). Отсюда ясно следует, что именно Проб посетил Кардоста на земле тех гуннов, где проповедовали албанские миссионеры и где находились пленные, проданные гуннам и введенные в их пределы через «ворота». Это тем более вероятно, поскольку, потерпев неудачу в вербовке приазовских гуннов, настроенных враждебно по отношению к Византии, Проб, пользуясь благоприятным обстоятельством, решил с помощью албанского епископа заручиться поддержкой прикаспийских гуннов, настроенных не менее враждебно в отношении Ирана после разгрома Зилгиба за год до появления Проба в Боспоре. Видимо, в какой-то степени это предприятие удалось Пробу, так как уже через пять лет после его деятельности в Крыму и встречи с албанскими проповедниками царица гуннов - сабир Боа выступила на стороне Юстиниана и разгромила наемников Кавада.

В-третьих, что же касается албанской миссии Кардоста в подготовке принятия христианства Гродом, то следует заметить, что, длительное время находясь в окружении торговых греческих городов Приазовья, Тамани и Крыма, население которых издавна исповедовало христианство, гунны вряд ли испытывали дефицит в проповедниках, тем более из далекой Албании. Все это ясно говорит о том, что албанская христианская миссия была обращена именно к прикаспийским гуннам, обитавшим в непосредственной близости к границам Албании, - к сабирам и болгарским племенам Берсилии.

Не менее важным нам представляется вопрос о времени прихода Кардоста на землю гуннов и выпуска «писания» на гуннском языке. Н. В. Пигулевская датирует появление Кардоста у гуннов 537 г., т. е. ровно через 34 года после того, как пленные, взятые Кавадом в Амиде (503 г.), были проданы гуннам. Соответственно, выход «писания» на гуннском языке она относит к 544 г., т. е. через 7 лет после появления у гуннов Кардоста (указ. соч., с. 84 - 87). Однако датировка М. И. Артамонова гораздо более аргументирована. Исходя из того, что встреча Проба с албанским епископом могла состояться только в 522 г., когда Проб прибыл в Боспор, М. И. Артамонов справедливо указывает, что в рассказе Захарии Ритора время пребывания Кардоста у гуннов делится на два периода, по 7 лет каждый, причем первый из них завершился «выпуском писания» и встречей с Пробом. Таким образом, Кардост прибыл на землю гуннов не раньше 515 г., а покинул ее через 14 лет, т. е. в 529 г. «Писание» же было выпущено около 520 г. 34 года М. И. Артамонов понимает не как число годов, прожитых пленными до прихода Кардоста, а как общую продолжительность плена, длившегося до 537 г. (с. 93, прим. 76).

Для нашей темы особое значение имеет вывод М. И. Артамонова о времени прихода на землю гуннов христианской миссии из Албании - 515 г. Именно в это время произошло одно из самых опустошительных вторжений сабир в Переднюю Азию. Видимо, такое совпадение не случайно: возникновение мощного объединения кочевников на кавказской границе сасанидского Ирана, давшего о себе знать первым вторжением в Закавказье в 503 г., явилось сильным импульсом для закавказских христиан, особенно страдавших от гуннских нашествий, начать проповеди христианского вероучения в среде язычников - гуннов. Вполне очевидно, что миссия Кардоста имела целью не столько попытку расширить сферу влияния албанского клира, сколько преследовала весьма определенные политические задачи, а именно: путем распространения христианства среди гуннских племен воспрепятствовать, с одной стороны, грабегам и разорениям Албании и других кавказских государств, а с другой - попытаться заручиться поддержкой гуннов в отношениях с Ираном. М. И. Артамонов прав в своем утверждении, что миссия Кардоста была организована без согласия сасанидского

правительства, чем и было вызвано, вероятно, ее появление на земле гуннов кружным путем через горы. Ясно и то, что усиление влияния албанской церкви в среде прикаспийских кочевников не могло не вызвать беспокойства шахского двора, издавна боровшегося с христианством в подвластном Ирану Кавказе и насильственно насаждавшего зороастризм. Не случайно, освободительное движение на Кавказе, как правило, носило религиозный характер и было направлено как против политического господства Ирана, так и против его государственной религии. Идея же христианизации гуннов, потенциальных врагов Ирана, была особенно опасным явлением в неустойчивом положении Сасанидов на Кавказе, поскольку общность религии кочевников Северного Кавказа с народами Закавказья могло рано или поздно привести к нежелательным для Ирана последствиям. В этой связи необходимо отметить некую последовательность во взаимоотношениях албанской церкви с кочевниками Кавказа, имеющую свою предысторию. Согласно легендарной традиции, первым проповедником христианства у кочевников был уже внук Григория Просветителя - албанский епископ Григорис, казненный по приказу маскутского царя Санесана в 30-х гг. IV в. на поле Ватнеан (в районе Дербента). Около 515 г. к гуннам прибыл албанский епископ Кардост со своими спутниками, а через 14 лет пребывания у них его сменил другой албанский епископ - Макар, который, по словам Захарии Ритора, «находится там до настоящего времени», т. е. до 555 г. [10] При князе Вараз-Трдате, в 682 г., в страну гуннов была отправлена еще одна миссия во главе с епископом Исраилом, долгое время проповедовавшем в среде гуннов и крестившим гуннского князя Алп-Илитвера. Между тем данные источников как будто дают основания полагать, что тенденция к христианизации гуннов особенно усилилась в Албании в царствование Кавада, когда вскоре после войны с сабирами и смерти Вачагана Благочестивого (ок. 510 г.), окончательно пресеклась династия албанских Аршакидов и были утрачены внутренняя автономия страны и привилегии албанской знати и духовенства. Видимо, не случайно весь период правления этого шаха остался неосвещенным в труде Моисея Каланкатуйского. Появление же сведений об интенсивной деятельности албанских миссионеров именно в это время в сирийском источнике в некоторой степени и восполняет этот пробел в наших знаниях об этом периоде истории Албании, а, возможно, его и объясняет.

После вторичного захвата Боспора Византией около 533 г. приазовские гунны временно исчезают со страниц источников. Между тем прикаспийские гунны, наоборот, все чаще фиксируются источниками в связи с событиями войны между Византией и Ираном. В 528 г. 3-тысячный отряд сабир, «народа самого воинственного», по словам Прокопия, появился в составе сасанидского войска, вторгшегося в византийскую часть Армении под командованием Мермероя. Весной 531 г. большая персидская армия вновь вторглась в Армению и осадила город Мартирополь. Согласно Захарии Ритору, пока персы безуспешно осаждали город, Мермерой по приказу Кавада был послан «завербовать много гуннов и привести их на помощь». Однако, по словам Прокопия, византийцы через перебежчика распространили ложный слух, будто император Юстиниан подкупил гуннов, завербованных Мермером, и они будут действовать на стороне ромеев. Этим известием, пишет Прокопий, персы были приведены в страх и не знали, на что решиться. Однако в это время было получено известие о смерти Кавада (13 сентября 531 г.) и персы, сняв осаду и заключив договор, ушли. По словам Прокопия, после ухода персов из-под Мартирополя, туда прибыли гунны, «большое количество народа, завербованные персами», но, не найдя нигде персидского войска, возвратились на свою землю после непродолжительного набега. Это событие точно зафиксировано Эдесской хроникой, где говорится, что в 531 г. (843 г. по селевкидской эре) 18 декабря гунны вторглись в ромейские пределы. Прокопий не совсем точно охарактеризовал этот набег, назвав его «непродолжительным». По сообщению Захарии Ритора, гунны перебили большое количество сельского населения, сожгли деревни и храмы, а затем перешли Евфрат и дошли до Антиохии в Сирии. Эдесская хроника подтверждает, что сунны брали в плен и убивали до Халевской (Алеппской) области и до 12-го (верстового) камня Антиохии. Согласно Захарии, никто не выступил против гуннов и не причинил вреда, за исключением правителя (дукса) Майферката (Мартирополя), по имени Бесса, который напал

на часть из них, когда они возвращались из Сирии, и перебил, захватив при этом коней и много добычи. У крепости Китариз, продолжает Захария, еще один военачальник отогнал гуннов от крепости и захватил их вьючных животных. «Муж этот разбогател», - замечает Захария. По сообщению Малалы, Юстиниан попытался было получить разъяснения у шахского двора по поводу этого разорительного набега, однако вступивший на престол Хосров Ануширван (сын Кавада) заявил о своей непричастности к этому делу и нарушению мира.

Судя по масштабам этого набега, в нем приняло участие большое войско гуннов. Неясно, однако, почему в данном случае гунны выступили на стороне Ирана, поскольку всего за четыре года до этого события сабиры во главе с Боа находились в союзе с Византией и разгромили союзных Каваду гуннов Тиранкса и Глона. Видимо, именно к этому времени в сабирском объединении уже достаточно четко определились две враждебные группировки - византийской и иранской ориентации, что особенно ярко проявилось в событиях войны между Византией и Ираном в Лазике.

В 549 г. лазский царь Губаз, узнав о намерении Хосрова устранить его с престола, перешел на сторону Византии и заключил за счет империи договор с аланами и сабирами. Последние, по словам Прокопия, обязались за 300 фунтов золота не только защищать Лазик от нападения персов, но и опустошить Иберию, которая являлась плацдармом для вторжений сасанидских войск в Лазик. Однако Юстиниан за неимением возможности не послал: золота в положенное время, в результате чего аланы перешли на сторону Хосрова и весной 550 г. вместе с персидским войском под командованием Хориана вторглись в Лазик. Между тем сабиры, сообщает Прокопий, выбрав троих из своих начальников, с небольшим отрядом отправили их в Лазик для получения установленной платы. Здесь, видя затруднения, которые испытывают византийцы в осаде крепости Петры, сабиры построили три легких переносных тарана, с помощью которых византийцам удалось овладеть крепостью. Сабирские тараны вызвали удивление даже самого Прокопия, который с легким юмором отметил, что никому еще от сотворения мира не приходило в голову ничего подобного, хотя и у византийцев, и у персов есть немало хороших инженеров.

Весной 551 г. в окрестности города Археополя (Лазика) на соединение с войсками Мермероя прибыли нанятые персами сабиры в количестве 12 тыс. всадников. Однако Мермерой, по словам Прокопия, боясь, что при такой численности «эти варвары не совершили бы какого-либо насилия» над самим персидским войском, оставил 4 тыс. из них у себя, а остальных, богато одарив деньгами, отправил на родину. Осадив Археополь, Мермерой приказал сабирам соорудить много таких легких переносных таранов, какие были сделаны союзными византийцам сабирами во время осады Петры. Однако попытки овладеть городом не увенчались успехом и Мермерой с войсками отступил в Кутаиси, где расположился на зимовку.

В то время как прикаспийские гунны - сабиры принимали участие в военных действиях между Византией и Ираном в Лазике, возобновились отношения империи с приазовскими гуннами - утигурами. В 551 г. вождь утигур Сандилх, получив от послов императора богатые подарки и золото, перешел Дон и напал на становища кутригур. В это самое время один из вождей кутригур - Хиниалон с 12 тыс. войском опустошал византийские владения на правом берегу Дуная. После упорной борьбы кутригуры были разбиты и бежали, а утигуры, захватив много пленных и добычи, вернулись за Дон. Согласно Прокопию, послы императора напомнили утигурам, что они и раньше получали большие дары от Юстиниана и «издревле» были самыми близкими «друзьями ромеев». Вполне возможно, что в данном случае речь шла о союзнике Византии утигурском князе Горде, крестившимся в Константинополе в 528 г., поскольку в источниках не сохранилось других сведений о том, какой характер носили отношения между империей и утигурами в период от вторичного захвата Боспора Византией в 533 г. и до посольства к утигурам от Юстиниана в 551 г. Между тем нетрудно допустить, что императорский двор очень быстро восстановил с утигурами старые контакты, даже несмотря

на убийство союзника Византии Грода и захват гуннами Боспора. Византия хорошо понимала выгоды союза с сильным племенным объединением утигур, которые в определенных условиях могли стать важным противовесом по отношению к беспокойным соседям империи на дунайской границе - кутригурам, и действовать в ее интересах в Приазовье. Неясно, однако, почему Византии не удалось привлечь утигур к участию в войне с Ираном из-за Лазики. Это вряд ли можно объяснить финансовыми затруднениями империи, поскольку она не скупилась на вербовку в среде прикаспийских гуннов. Видимо, главная причина преимущественной связи как Византии, так и Ирана с сабирами заключалась в близости границ между прикаспийскими кочевниками и этими державами, а также общим для них театром военных действий. Причем Иран пользовался этими обстоятельствами гораздо чаще и успешней, чем его политический конкурент. Уже в начале 552 г. Хосров, получив деньги от Юстиниана по условию возобновления перемирия между ними, набрал на них большое количество сабир и отправил к Мермерою в Лазику, на которую это перемирие не распространялось. Однако новое наступление персов также не имело успеха, при этом в бою, отличавшемся упорством, пал сабирский предводитель.

Именно к 552 г. относится единственное в своем роде и весьма важное сообщение в «Истории албан» о вторжении в Албанию хазар: «... хазары пленили страну Албанию. Сожжены были церкви и книги Заветов. Затем, на втором году (царствования) Хосрова, царя царей, когда было положено начало армянскому летосчислению, в том самом году патриарший престол Албании был перенесен из города Чора в столицу Партав из-за разбойничьих набегов врагов креста Христова.[11] Это краткое сообщение албанского историка о вторжении в Албанию в 552 г. не может быть правильно истолковано и понято вне связи с общей картиной событий этого времени и без сопоставления с данными других источников. Как было указано выше, в начале 552 г. сабиры, в большом количестве завербованные Хосровом, согласно Прокопию, выступили на стороне Ирана против Византии. Именно в это время, по Каланкатуйскому, произошло вторжение в Албанию хазар, которые разграбили страну, сожгли церкви и уничтожили какую-то часть церковной и, возможно, светской литературы. Это нашествие было осуществлено через Дербентский проход, так как албанский историк связывает с ним даже перенесение патриаршего престола из Чора (Дербент) в Партав.[12] Поскольку участие какой-то группы союзных Ирану сабир в военных действиях против Византии в 552 г. засвидетельствовано надежным источником, то естественно предположить, что вторжение в подвластную Ирану Албанию в это же время могла совершить другая группировка гуннов, придерживающаяся византийской ориентации. В эту группу могли входить хазары и барсилы, зависимые от сабир, а также часть сабир, союзных империи и враждебных Ирану. В этом отношении следует обратить особое внимание на то обстоятельство, что вторжение 552 г. в Албанию является первым зафиксированным в источниках набегом кочевников после войны на Кавказе в 503 - 508 гг. Единственное сообщение, которое по времени и обстоятельствам очень близко стоит к указанию Каланкатуйского на вторжение хазар в Албанию во время Хосрова, содержится у Табари. Согласно сообщению арабского историка, абхазы, банджары, баланджары и аланы соединились для вторжения в страну Хосрова Ануширвана и выступили в Армению, чтобы подвергнуть ее население грабежу. Их путь туда пролегал по ровной удобопроходимой территории, и на первых порах Хосров не обращал внимания на их действия, но как только они вступили в его страну, он направил против них войска, которые уничтожили всех, за исключением 10 тыс. Эти последние были захвачены в плен и расселены в Азербайджане и прилегающих областях.[13] Остановимся подробнее на этом сообщении. В литературе уже давно и не без основания читают «хазары» вместо «абхазы», а в этнониме «банджар» усматривают арабизованную форму этнонима «булгар». Гораздо больший интерес вызывает этноним «баланджар», впервые в арабской историографии упоминаемый во время Хосрова Ануширвана. В арабских источниках, освещающих период арабо-хазарских войн VII - VIII вв., этот термин одновременно обозначал название области, города и реки. По заключению исследователей, город Баланджар (Беленджер) арабских авторов был расположен на Среднем Сулаке, недалеко от г. Буйнакск и идентичен столице гуннов «великолепному

городу Варачану» Моисея Каланкатуйского и «Вараджану» Армянской географии VII в. Город Варачан - Вараджан он же Баланджар в VII в. был столицей «царства гуннов» в Северном Дагестане (Джидан или Сувар арабских авторов), население которого состояло из сабир и барсил, а позднее, во время арабо-хазарских войн, этот город стал известен как сильная хазарская крепость, названная у Табари Булкар. С другой стороны, топоним Варачан - Баланджар представляет собой один из вариантов этнонима «барсил», что легко увязывается с названием страны барсил - Берсилией (Барсалией) и также дает основание считать, что этноним «баланджар» у Табари, по-видимому, есть арабизованная форма этнического имени барсил. Исходя из этого следует, что сообщение Каланкатуйского о вторжении в Албанию хазар в 552 г., равно как и указание Табари на поход хазар на Кавказ, барсил и алан во время Хосрова, дополняя друг друга, дают довольно четкое представление о конкретном племенном составе участников этого вторжения. Здесь же, однако, отметим, что этноним «банджары» (булгары), упоминаемый Табари, по-видимому, отражает не одно конкретное племя (в данном случае булгар), но охватывает целую группу болгарских племен (хазар, барсил), поэтому его следует понимать в более широком смысле. Набег кочевников в Албанию в 552 г., являясь одним из эпизодов войны между Византией и Ираном из-за Лазики, мог быть направлен Византией, однако его следует связывать не с хазарами, а с сабирами как главной действующей силой. Хазары и баланджары (барсилы), о которых говорит Табари, могли играть при этом только второстепенную роль как часть сабирского ополчения. И действительно, видимо, в ответ на участие союзной Ирану группировки сабир в войне в Лазике 552 г. Византия прибегла одновременно к содействию союзной с ней сабирской группировки, а именно, как видно из сообщений Каланкатуйского и Табари, к хазарам, барсилам и соседним с ними аланам, вызвав их вторжение в Албанию через Дербентский проход, очевидно с целью попытаться оттянуть часть персидских войск из Лазики и тем самым облегчить там положение своих войск. Однако, вопреки чаяниям Византии, на этот раз эта акция не удалась, в отличие от оправдавшего надежды вторжения 503 г. персы не вывели свои войска из Лазики, а хазарам, барсилам и аланам, как и раньше, удалось лишь разграбить Албанию, не вызвав своими действиями ожидаемого в Константинополе эффекта. Более того, согласно Табари, кочевники были разгромлены войсками Хосрова, а 10 тыс. из них были взяты в плен и расселены на территории Азербайджана (в данном случае Албании). Где именно были размещены Хосровом пленные - Табари не указывает. Однако, если их число может отражать лишь условную величину (10 тыс. человек - обычная стереотипная цифра в источниках), то сам факт находится вне всяких сомнений. В этом отношении необходимо отметить, что сообщение арабского историка о расселении на территории Албании группы племен гунно-булгарского круга первое по времени прямое свидетельство в источниках о поселении именно в Албании большой компактной массы тюркоязычных кочевников чуждых местному населению по происхождению, языку, религии и культуре. В источниках имеется еще ряд прямых и косвенных данных на более раннее по времени оседание отдельных групп гунно-булгарского племенного массива на территории Закавказья. Однако этот процесс вовсе не был связан с постоянным проникновением и, что особенно важно, оседанием древних тюркоязычных племен именно на территории Азербайджана, как это пытаются представить некоторые авторы, недостаточно знакомые со спецификой этого процесса и историческими фактами, но полные желания начать этногенез азербайджанского народа именно с этих событий. Этот процесс носил случайный характер, протекал не только в Азербайджане (в данном случае Албании, так как данных по Адурбадагану – Южному Азербайджану в источниках не имеется), но по всему Кавказу и во всех конкретных случаях был обусловлен вполне определенными причинами политического характера. Так, например, наиболее раннее по времени оседание на Кавказе первой компактной группы племен гунно-булгарского круга относится к периоду не раньше второй половины V в. и было связано с переселением в Армению (а не в Азербайджан) части болгарского племени оногур, известных Мовсесу Хоренаци под именем влндур - булгар. Появление этой группы в Армении явилось следствием распада в Восточном Предкавказье первого объединения гунно-булгарских племен во главе с оногурами (хайландурами), когда в начале 60-х гг. V в. одна (большая) часть оногур вместе с другими племенами (сарагурами и огурами)

передвинулась к Азовскому морю, а другая - меньшая - переселилась в Армению. Вот что пишет по этому поводу Хоренаци: «... возникли большие смуты в цепи великой горы Кавказа, в земле болгар, многие из которых, отделившись, пришли в страну нашу и поселились в низовьях Кола - в плодоносных и хлебодородных местах, в продолжении долгого времени». Эта часть оногур обосновалась на территории гаваров (областей) Кол и Вананд, т. е. приблизительно в районе верховий Куры и Аракса, и впоследствии совсем исчезла, слившись с местным населением. Почему эта группа оногур не откочевала вместе с остальными в район Азовского моря, а переселилась в Армению - остается неизвестным, хотя можно предположить, что причиной послужили какие-то трения внутри этого гунно-булгарского объединения, неизбежные в сложной обстановке крушения всего военно-политического союза в 60-х гг. V в.

Практика расселения кочевых племен в пределах культурных государств и включения их в сферу политических, экономических и культурных отношений с данным государством имела широкое распространение в раннем средневековье. Это явление особенно ярко проявилось в отношениях Византии с варварской периферией, когда отдельные, иногда весьма значительные, племенные группировки кочевников расселялись в пограничных районах империи на правах федератов (союзников) и служили главным образом защитой от вторжений в пределы государства со стороны своих же соплеменников. Сасанидский Иран, будучи также заинтересован в защите своих границ от нападений кочевников, видимо, не менее успешно стремился проводить такую же политику по отношению к кавказским гуннам. Ретроспективный анализ поздних источников, а также топонимии Азербайджана, думается, может дать основание для ряда предположительных выводов по вопросу о местах наиболее вероятного расселения кочевников на территории Албании в связи с сообщением Табари. Арабский историк Балазури, пользовавшийся, очевидно, какими-то более ранними сведениями, называет древнюю столицу Албанского царства город Кабалу - Хазар, что указывает на то обстоятельство, что этот город был местом хазаро-сабирских поселений в Албании.[14] С другой стороны, в топонимии Азербайджана имеется ряд названий, возникновение которых, по-видимому, можно отнести именно ко второй половине VI в. Если предположить, что появление топонимов «Баладжар» на Апшеронском п-ове и «Шабран» (Шабиран, Шавиран) к северу от совр. Сиазани, а также гидронима Булгарчай близ совр. Пушкино в Муганской степи может быть связано с поселением именно в этих районах взятых Хосровом в плен хазар, баланджар (барсил) и, очевидно, сабир, то тогда приблизительно можно наметить их основные пункты. Сразу необходимо отметить, что, как и предполагалось, поселения кочевников возникали именно в тех районах Албании, которые были непосредственно связаны с главной магистралью вторжений с Северного Кавказа в Албанию через Дербентский проход и располагались в степной полосе вдоль Каспийского побережья вплоть до Муганской равнины. Именно в этой прибрежной полосе Сасанидами были возведены оборонительные сооружения, остатки которых сохранились до настоящего времени (Шабранская или Ширванская и Бармакская стены), составлявшие вместе с укреплениями Дербента единый мощный оборонительный комплекс. Местоположение Кабалы, расположенной у подножья восточных отрогов Большого Кавказа, прикрывавшей проходы и перевалы, ведущие из Дагестана в Албанию (Куткашенский, Вандамский, Карабурга, Савалан и др.), также являлось важным стратегическим пунктом для обороны северных областей сасанидского государства. Здесь же необходимо отметить, что и при арабах политика расселения пленных кочевников на границах халифата не отличалась от сасанидской. По сообщению Балазури, после похода арабского полководца Марвана на хазар в 737 г. 40 тыс. хазарских пленных было поселено между Самуром и городом Шабраном «на равнине в области лакзов (лезгин)», т. е. приблизительно в том же районе, где, видимо, после 552 г. была поселена часть пленных (очевидно, сабир) Хосровом Ануширваном. Исходя из этого, можно очертить приблизительную картину расселения на территории Албании захваченных в 552 г. в плен кочевников. Они были размещены в узловых, наиболее важных стратегических пунктах, прикрывавших доступ набегам с Северного Кавказа в богатые земледельческие районы Албании в бассейне Куры и далее на юг, в пределы Адурбадагана

(Южный Азербайджан), и располагались по линии Кабала - Шабран - Апшерон - Мугань. Главной целью таких поселений из захваченных на войне кочевников являлось стремление Ирана создать более устойчивую систему обороны своего северного владения - Албании, причем не столько за счет местного албанского населения, сколько за счет переселяемого в районы Дербента и прикаспийской полосы (Сиазан, Дивичи, Шабран) из внутренних областей государства (Дейлем, Гилян, Мазандаран) воинственного ираноязычного населения (предки нын. татов), а также тюркоязычных кочевников Дагестана.

После событий 552 г. участие сабир в войне между Византией и Ираном из-за Лазики еще дважды фиксируется в источниках. В 555 г. 2-тыс. отряд тяжеловооруженных сабир во главе с Балмахом, Кутилзисом и Илигером - «знаменитейших у них (сабир) мужей», по словам Агафия, выступил на стороне Византии и в ночном бою почти полностью уничтожил сасанидский отряд, состоявший из дейлемитов. В следующем, 556 г. большой отряд союзной Ирану группировки сабир вместе с сасанидскими войсками предпринял наступление в Апсилии (горная область к востоку от нын. Сухуми). Однако, по сообщению Агафия, часть этих сабир (около 500 человек) была там окружена и уничтожена византийцами.

В середине VI в. этнополитическая карта Северного Кавказа подверглась второму после нашествия гуннов существенному изменению, положившему конец сосуществованию в степях Предкавказья двух последних гуннских объединений во главе с сабирами и утигурами. Это было связано с передвижением из глубины Евразийского материка в степи Юго-Восточной Европы новой волны кочевников - авар, и явилось следствием возникновения в Северной Монголии новой центрально-азиатской империи - Тюркского каганата (551 - 744).

В хронике Захарии Ритора сохранилось уникальное свидетельство, устанавливающее расстановку этнических сил в евразийских степях к 555 г. «Базгун - земля со (своим) языком, которая примыкает и простирается до Каспийских ворот (Дербент) и моря, находящихся в пределах гуннских, - пишет сирийский автор. - За воротами (живут) бургары со (своим) языком, народ языческий и варварский; у них есть города, и аланы, у них пять городов. Из пределов Даду (Дагестана) (люди) живут в горах, у них есть крепости. Аунагур (унагур) - народ, живущий в палатках. Аугар, сабир, бургар, алан, куртаргар, авар, хасар, дирмар, сирургур, баграсик, кулас, абдел, ефталит - эти тринадцать народов живут в палатках, существуют мясом скота и рыб, дикими зверьми и оружием».[15]

Большинство этнонимов данного списка известно по другим источникам и их идентификация не вызывает сомнений: бургар - болгар, аунагур - оногур, аугар - угур (огур), куртаргар - кутригур, хасар - хазар, сирургур - сарагур. Абделы и ефталиты, названные Захарией как два отдельных народа, на самом деле представляют собой одно наименование эфталитов (е-та китайских источников), поскольку форма «абдел» есть видоизменение этнонима «ефтал» (ептал, абдал, абдел). Этноним «баграсик» - это уже давно известный нам этноним «барсил», и лишь два этнонима списка - дирмар и кулас - пока могут быть расшифрованы только предположительно. Здесь важно отметить, что порядок перечисления племен в списке Ритора носит произвольный характер, поэтому он не может служить надежным ориентиром для точной локализации этих племен. Этот список охватывает не только племена, обитавшие к северу от Дербентского прохода, в «гуннских пределах», но включает ряд племен, места обитания которых довольно точно известны по другим источникам. Так, кутригуры (куртаргар Захарии), по Прокопию, Агафию и Менандру, в середине VI в. обитали к западу от Азовского моря, а эфталиты, как известно, жили за Каспийским морем, на северо-восточной границе Ирана. Таким образом, список племен Захарии Ритора выходит за рамки северокавказского региона, охватывая почти все известные нам по другим источникам племена, обитавшие в середине VI в. на территории от Северного Причерноморья (болгары, кутригуры) до Средней Азии (авары, эфталиты). В то же время Захария упоминает сарагур (сирургур) - племя, хорошо известное нам по связи с оногурами, но в VI в. утратившее свое значение, войдя наряду с оногурами в состав утигурского объединения. Особое место в списке Ритора занимает упоминание авар, что послужило основанием для ряда ученых отнести время

составления этой хроники к 60-м гг. VI в. с вытекающими отсюда последствиями, поскольку авары действительно впервые появляются на Северном Кавказе в 558 г., согласно надежному свидетельству Менандра. Между тем, на наш взгляд, упоминание авар сирийским автором под 555 г. не противоречит как точно определенному времени составления хроники (555 г.), так и сообщению Менандра о появлении авар на Кавказе в 558 г. С одной стороны, согласно данным китайских источников, жуань-жуани (авары византийских и сирийских источников) между 551 и 555 гг. были разгромлены тюрками и в значительной части истреблены. С другой стороны, Менандр свидетельствует, что аварская орда численностью до 20 тыс. (кибиток?) бежала от тюрков и в 558 г. появилась на Северном Кавказе. Из сообщения Менандра (562 г.) известно, что тюркский каган Дизабул (Истеми - каган), узнав о побеге авар, которые «ушли по нанесении вреда тюркам», заявил, что, как только окончит войну с эфталитами, тотчас нападет на авар. Говорят, добавляет Менандр, что после этих слов он (Истеми - каган) устремился на эфталитов. В китайском источнике (Ганьму) имеется указание на первое столкновение тюрков с эфталитами уже в 555 г., хотя решительные действия между ними начались только в 563 г., закончившиеся разгромом эфталитов в 567 г. По сведениям китайских источников, тюрки к 555 г. распространили свою власть до «Западного моря», где впервые столкнулись с эфталитами. В данном случае под «Западным морем», видимо, подразумевается Аральское море, так как Каспийского моря тюрки достигли только после победы над эфталитами в 567 г. Где находилась 20-тыс. аварская орда между 555 г. (окончательный разгром тюрками жуань-жуаней) и 558 г. (появление авар на Кавказе) - неизвестно. Нам думается, однако, что в этот промежуток времени она могла быть на пути к Кавказу, вероятно, между Аральским морем и Волгй, скорее всего на реке Урал. Вполне возможно, что именно в этом районе и зафиксировал авар Захария Ритор под 555 г.

Появление аварской орды в 558 г. из-за Волги в степях Северного Кавказа предрешило судьбу сабирского и утигурского объединений. Согласно сообщению Менандра, авары после долгого скитания прибыли к аланам и просили их царя Саросия, чтобы он помог им вступить в союз с Византией. Саросий представил авар Юстину, командующему византийскими войсками в Лазике. Юстин немедленно известил императора Юстиниана о появлении новой орды кочевников на Кавказе вблизи византийских границ, и по приказу из Константинополя отправил через Лазик в столицу первое аварское посольство. В том же году состоялось ответное посольство Византии к аварам, во главе которого стоял один из приближенных императора по имени Валентин. Валентину было предписано императором, говорит Менандр, заключить с этим племенем союз и заставить его действовать против врагов империи, ибо «победят ли авары, или будут побеждены, и в том и в другом случае выгода будет на стороне ромеев». И действительно, вскоре после посольства Валентина, авары начали войну с утигурами, потом с барсилами и сокрушили силы сабир.

Существует точка зрения, согласно которой авары в 558 г. столкнулись на Северном Кавказе не с утигурами, а с оногурами, а появление утигур связывают с ошибкой в рукописях византийского историка Менандра. Между тем наш анализ сообщений Менандра, касающихся 558 г. и последующих событий, не подтверждает этой точки зрения. И вот почему. В событиях на Кавказе, начиная с 558 г., у Менандра речь идет только об утигурах, а в сохранившихся фрагментах его истории оногуры не упоминаются вообще. Авары, в 558 г. появившиеся на Северном Кавказе, по необходимости должны были столкнуться именно с утигурами, которые до этого времени еще господствовали на Дону и в Восточном Приазовье. Согласно Агафию, в 558 г. хан утигур Сандилх по требованию императора Юстиниана напал на возвращавшихся после грабежа Фракии (совр. Болгария) кутригур во главе с Заберганом и, перебив множество кутригур, отобрал всю захваченную ими добычу. Менандр, продолжая историю, доведенную Агафием до 558 г., добавляет, что Юстиниан, опасаясь повторного вторжения кутригур во Фракию, частыми посольствами и другими способами подстрекал Сандилха воевать с Заберганом, обещая утигурскому хану передать ту сумму, которую империя ежегодно выплачивала кутригурам во избежание их нападений. В ответ Сандилх ограничился полумерой, по словам Менандра, обещая Юстиниану захватить у кутригур коней, чтобы им

«не на чем было ездить и вредить ромеям». Уже в следующем фрагменте Менандра речь идет о появлении авар, которые по указке из Константинополя напали на утигур, барсил и сабир и разгромили их. Только после разгрома утигурского объединения авары могли беспрепятственно пройти в степи Южной России, где, по словам Менандра, стали разорять славянские племена антов. Видимо, оногуры, как и другие подвластные утигурам племена, также принимали участие в неудачной для утигур войне с аварами. Однако Менандр не упоминает их имени, указывая лишь на утигур, как преобладающее племя объединения. Между 558 и 562 гг. часть разгромленных аварами утигур была увлечена ими в Подунавье, где авары подчинили своей власти остатки кутригур, болгар и другие гуннские и негуннские племена и где возник знаменитый Аварский каганат, просуществовавший до середины VII в.

Этническое имя гуннов - утигур еще несколько раз встречается у Менандра. В 568 г. аварский посол в Константинополе утверждал, что утигуры и кутригуры подвластны кагану Баяну, который «уничтожил оба племени». Здесь речь может идти только о разгроме утигур в 558 г. в Восточном Приазовье. В начале 70-х гг. VI в., когда Северный Кавказ входил в состав Тюркского каганата, другая часть оставшихся после аварского погрома утигур упоминается Менандром как подвластное уже тюркам племя. Во главе него, однако, стоял уже не Сандилх, видимо, павший в войне с аварами в 558 г., а тюркский ставленник Анагей. Во время посольства Валентина к тюркам в 576 г. тюркский хан Турксанф, по словам Менандра, заявил Валентину, что аланы и «племена утигур», осмелившиеся сопротивляться тюркам, теперь «в подданстве у нас, стали нашими рабами». В том же году тюрки, разорвав отношения с Византией, вступили с ней в войну, а утигуры во главе с Анагеем приняли участие в захвате Боспора. Несомненно, что в период тюркской экспансии на западе оногуры вместе с остатками утигур и другими племенами попали в зависимость от тюрков. Видимо, в заявлении Турксанфа о «племенах утигур», которые оказали сопротивление тюркам, следует подразумевать именно оногур и другие болгарские племена Восточного Приазовья, входившие в утигурское объединение и потому выступающие в этот период под одним этническим именем. Выступление же оногур на историческую арену как самостоятельной политической и этнической силы произошло только после крушения на Северном Кавказе в 30-х гг. VII в. господства Тюркского каганата и образования в Приазовье оногурского объединения во главе с представителем тюркской династии Дуло ханом Кубратом.

Момент появления авар на Северном Кавказе в 558 г., по-видимому, отражен и в рассказе продолжателя Менандра - Феофилакта Симокатты, который, однако, связывает их с так называемыми псевдоаварами, а вместо утигур упоминает оногур.

По сообщению Симокатты, во время царствования императора Юстиниана, тюркский каган подчинил своей власти многочисленный и сильный народ огор, обитавший на реке Тил (Волга), некоторые племена которого по имени своих вождей назывались уар и хунни. Какая-то часть племен уар и хунни бежала от тюрков и поселилась в Европе. Назвав себя аварами, они дали своему вождю почетное имя кагана. Далее Симокатта поясняет, почему они решили изменить свое наименование. Когда унугуры (оногуры), барселы (барсилы), сабиры и другие гуннские племена увидели только часть людей уар и хунни, бежавших в их места, они прониклись страхом и решили, что к ним переселились авары. Поэтому они почтили этих беглецов блестящими дарами, рассчитывая тем самым обеспечить себе безопасность. Когда же уар и хунни увидели, сколь благоприятно складываются для них обстоятельства, они воспользовались ошибкой тех, которые прислали к ним посольства, и сами стали называть себя аварами; говорят, добавляет Симокатта, что среди «скифских» народов племя: авар является наиболее деятельным и боеспособным.

Сложная проблема отношения авар византийских источников к жуань-жуаням китайских источников по сей день еще окончательно не решена, хотя гипотеза о тождестве, думается, предпочтительней других. Появление же с легкой руки Феофилакта Симокатты не только истинных, но еще и так называемых псевдоавар - значительно осложнило решение аварской проблемы. В рамках нашей темы мы не будем останавливаться на обсуждении этой

проблемы и присоединяться к полемике, с XVIII в. ведущейся в научной литературе. Для нас важно другое: если Симокатта имел в виду то же событие, о котором говорит Менандр под 558 г., то тогда следует объяснить, почему Симокатта, перечисляя племена, к которым бежали так: называемые псевдоавары, называет уннугур (оногур), в то время как Менандр говорит об утигурах. Сразу необходимо отметить, что в сообщениях Менандра и Симокатты имеются общие моменты: царствование Юстиниана, одни и те же племена, с которыми встретились авары (или псевдоавары), за исключением отдельного упоминания утигур и оногур. Этих двух существенных обстоятельств вполне достаточно, чтобы заключить, что события 558 г. у Менандра идентичны рассказу Симокатты о появлении псевдоавар. Некоторые авторы, правда, пытались доказать, что события, о которых говорит Симокатта, происходили не на Кавказе и не в 558 г., а в Центральной-Азии в середине IV в., но при этом приводят аргументы, которые при сопоставлении с историческими фактами и хронологией вызывают только одно недоумение.

Из рассказа Симокатты не ясно, что в дальнейшем произошло с перечисленными им племенами после появления в их земле псевдоавар, и в этом смысле сообщение Симокатты не доведено до логического конца. Сразу после экскурса о псевдоаварах и их встрече с уннугарами, барсилами и сабирами Симокатта переходит к рассказу о начале междоусобной борьбы у тюрков в 581 г., длившейся с перерывами до 603 г., когда Тюркский каганат распался на восточную (центрально - азиатскую) и западную (среднеазиатскую) части. В сообщении же Менандра речь идет о наведении авар на эти племена и их разгроме, что при сопоставлении с данными Симокатты логически завершает внутреннюю связь его рассказа и может служить еще одним косвенным доказательством идентичности этих двух событий. Почему же в таком случае Симокатта наряду с барсилами и сабирами упоминает именно оногур (уннугур), в то время как Менандр явно имеет в виду разгром утигур? К сожалению, на этот вопрос пока трудно дать исчерпывающий ответ, поскольку неизвестно, каким именно источником пользовался Симокатта в описании событий, связанных с появлением псевдоавар. Если этим источником мог быть Менандр, который, впрочем, не знает псевдоавар, то тогда трудно допустить, что Симокатта не заметил существенной разницы между могущественным до 558 г. гуннским племенем утигур и подвластным ему илеменем оногур, историю которых приходится только предполагать именно из-за отсутствия сведения об оногурах в этот отрезок времени, в то время как утигуры достаточно хорошо известны по одновременным источникам. С другой стороны, Менандр был очень хорошо знаком с сочинением своего предшественника Агафия, у которого этноним «оногуры» встречается в его классической форме, как и у Приска. Исходя из этого, просто нельзя допустить, что Менандр мог передать этот этноним иначе, чем его записал Агафий. Нам думается, что замена «утигуры» на «уннугуры» в рассказе Симокатты (этнонимов очень близких как в фонетической, так и в графической передаче) скорее всего могла произойти потому, что в то время, когда писал свой труд Симокатта (между 628 и 638 гг.), остатки утигур уже растворились в среде родственных им болгарских племен Восточного Приазовья, в частности оногур, вставших во главе нового сильного племенного объединения - Великой Булгарии.

Как известно, авары недолго оставались в степях Северного Кавказа: в начале 60-х гг. VI в. они обосновались уже в Подунавье. Однако аварский погром 558 г. предрешил историческую судьбу сабир и привел к распаду их некогда мощного объединения. Сразу после событий 558 г. значительная часть разбитых аварами сабир переселилась в Закавказье и была поселена Хосровом в Албании, на левом берегу Куры, в районах, прилегающих к границам с Иберией (на территории к северу от нын. Шамхора и Акстафы, в исторической Камбисене). Это было второе по времени расселение большой компактной массы северокавказских кочевников в подвластной Ирану Албании. Однако в данном случае этот процесс происходил, очевидно, мирным путем и при помощи шахского правительства. Источники не указывают на какие-либо военные действия в это время между Ираном и гуннами, как это имело место в 552 г., когда захваченные в плен кочевники были насильственно поселены в пограничных районах Албании. Расселение сабир на границах с Иберией явилось последовательным шагом

внутригосударственной политики сасанидского Ирана и способствовало укреплению оборонительной системы на беспокойной северо-западной кавказской границе. Поселения воинственных кочевников в этих районах на правах федератов (если этот термин уместно употреблять в отношении Ирана с гуннами) прежде всего должны были прикрывать другую, обычную дорогу для вторжений с Северного Кавказа - Дарьяльский проход (Аланские ворота), а также служить оплотом в военных действиях против Византии в Иберии и Лазике. Этот намеченный нами район вместе с указанным ранее пунктами может дать уже более полное представление о почти всей системе военных поселений тюркоязычных кочевников на территории Албании. Они располагались по углам огромного многоугольника Кабала - Шабран - Апшерон - Мугань - Шамхор - Кабала, связывая тем самым наиболее важные в стратегическом отношении районы в единую оборонительную систему Сасанидов в Албании.

Распад на Северном Кавказе почти одновременно двух гуннских племенных объединений в 558 г., а также мир, заключенный между Византией и Ираном в 562 г., обусловили начало грандиозного по своим масштабам строительства Хосровом Ануширваном Дербентских стен. Наиболее интенсивное строительство укреплений Дербента, видимо, было связано с появлением на Северном Кавказе в начале 70-х гг. VI в. грозного врага Ирана - тюрков, к 567 г. разгромивших эфталитов и после нападения на Иран в 570 г. остановившихся на Аму-Дарье.

Табари сохранил рассказ, согласно которому, тюркский каган Синджибу (Истеми - каган), подчинив своей власти хазар (у Табари - абхаз), банджар (булгар) и баланджар - (барсил), с огромным войском подошел к пограничным областям Сула (Чора, Дербента), но, узнав, что Хосров прочно укрепил этот проход мощными стенами, ушел со всеми своими войсками. Хронология этого сообщения не поддается точному определению. Однако следует полагать, что это событие могло иметь место до 571 г., когда между Ираном и Тюркским каганатом был заключен договор и установлена граница по Аму - Дарье. В 576 г. тюрки, подчинив северокавказские племена, осадили Боспор и начали войну против Византии. Последняя уже с 571 г., оказав поддержку восстанию в Армении, вела активные военные действия против Ирана и оккупировала большую часть Персидской Армении и Иберии. Около 574 г. византийские войска под командованием Курса и Феодора вторглись в Албанию и, встретив здесь сабир и алан, в обеспечении покорности взяли у них заложников. Однако, как только византийцы ушли из Албании, сабиры немедленно перешли на сторону Ирана. В 576 г. Курс и Феодор вновь вступили на территорию Албании, но на этот раз заставили сабир и алан переселиться на правый берег Куры, чтобы, по словам Менандра, «впредь оставаться на ромейской земле». В том же году в Константинополь прибыли послы от сабир и алан и, согласно Менандру, кесарь Тиберий принял их благосклонно и радушно. Во время приема, продолжает Менандр, Тиберий спросил у послов, сколько денег они получали от персидского царя за службу, и, узнав, сказал, что будет платить вдвое больше как их вождям, так и им самим. Послы сообщили, что «недавно» сабиры, ни во что не ставя заложников, перешли на сторону персов, на что Тиберий заявил, что будет оказывать благодетельство тем, кто добровольно перейдет под его власть и силой подчинит тех, кто не захочет этого сделать.

Из сообщения Менандра известно, что в это время в Албании находилась какая-то группа алан, обитавших по соседству с сабирами на левом берегу Куры, а впоследствии переселенных на правый берег, на территорию, временно оккупированную империей. Весьма возможно, что аланы, о которых говорит Менандр, компактной массой появились в Албании еще во время гуннского нашествия, когда часть разгромленных гуннами алан могла переселиться в Закавказье и осесть в Албании. Очевидно, эта группа алан - переселенцев, осевших на берегах Куры вблизи границ Иберии, впоследствии стала выполнять ту же функцию по охране перевалов, ведущих с Северного Кавказа, что и сабиры, и в качестве вспомогательных отрядов принимать участие в военных предприятиях Ирана.

Дальнейшая судьба переселенных на правый берег Куры сабир и алан в точности неизвестна. Однако уже в 578 г. сабиры, видимо, вновь перешли на сторону Хосрова, поскольку они участвовали во вторжении в Месопотамию в составе сасанидской армии под

командованием Мобеда. В этой связи весьма вероятным представляется, что именно эта часть сабир стала известна в армянских источниках как «севордик» (черные сыны, по народной этимологии), а в арабских - как «савурдия» (сиявурдия). Согласно Балазури, в середине VIII в. савардии разрушили древний и цветущий город Шамкур (Шамхор). «Это был народ, - пишет Балазури, - который стекался с разных сторон, усиливался и бесчинствовал после того, как Иазид ибн-Усайд покинул Армению». Однако в 854 г. город был вновь восстановлен Бугой, наместником халифа в Армении и Азербайджане, который поселил в нем часть хазар, желавших принять ислам. отождествление сабир с савардиями представляется еще более убедительным, если учесть, что сабиры, переселенные в 576 г. на правый берег Куры византийцами, могли быть поселены именно в районе между Акстафой и Шамхором (на территории исторической области Ути), который спустя более 150 лет был разрушен савардиями.

События 558 г. явились последней фазой эволюции гуннских племенных образований Северного Кавказа и привели к окончательному распаду двух последних крупных гунно-булгарских объединений. Начиная с этого времени, ведущая роль среди племен Восточного Предкавказья постепенно переходит к хазарам, а в Западном Предкавказье такую же роль начинают играть оногуры. Остатки северокавказских сабир с течением времени смешались с кочевыми и полукочевыми племенами Дагестана и составили наряду с барсилами и другими этническими группами «царство гуннов» со столицей Варачаном (Баланджаром). Остатки утигур вскоре были поглощены родственными им булгарскими племенами Восточного Приазовья и вошли в состав складывающейся булгарской народности. С крушением же на Северном Кавказе в первой половине VII в. господства Западно-тюркской империи здесь почти одновременно завершился процесс образования двух самостоятельных политических объединений - Великой Булгарии и Хазарского каганата.

Литература

Армянская география VII в., приписывавшаяся Моисею Хоренскому. Текст и пер. К. Патканова - СПб., 1877.

Баладзори (ал. Балазури). Книга завоевания стран. Пер. П. К. Жузе. Материалы по истории Азербайджана. - Баку, 1927.

Елише. О Вардане и войне армянской. Пер. П. А. Орели – Ереван, 1971.

Известия древних писателей (греческих и латинских) в Скифии и Кавказе. Пер. В. В. Латышева. Т. I.

Греческие писатели. - СПб., 1893, т. II, Латинские писатели. - СПб., 1904.

Из нового списка географии, приписываемой Моисею Хоренскому. Текст и пер. К. Патканова - ЖМНП, 1883, март.

Иордан. О происхождении и деяниях гетов. Пер. и комм. Е. Ч. Скржинской. - М., 1960.

Леонти Мровели. Жизнь картлийских царей. Извлечение сведений об абхазах, народах Северного Кавказа и Дагестана. Пер и комм. Г. В. Цулая. – М., 1979.

Моисей Каганкатвацци. История агван. Пер. К. Патканова. - СПб., 1861.

- Моисей Хоренский. История Армении. Пер. Н. Эмина. - М., 1893.
- Фавстос Бузанд. История Армении. - Ереван, 1953.
- Хроника Захарии Ритора. В кн.: Н. В. Пигулевская. Сирийские источники по истории народов СССР - М. - Л., 1941, с. 148 - 167.
- Хроника Иешу Стилита. В кн. Н. В. Пигулевская. Месопотамия на рубеже V - VI в. н. э. Сирийская хроника Иешу Стилита как исторический источник. - М. - Л., 1940., с. 130 - 170.
- Царевич Вахушти. География Грузии. - Тифлис, 1904.
- Эдесская хроника. Пер. Н. В. Пигулевской. - Палестинский сборник, вып. 4. - М. - Л., 1959.
- Абаев В. И. Осетинский язык и фольклор. - М., 1949.
- Абегян М. История древнеармянской литературы Т. 1. – Ереван, 1948.
- Абрамзон С. М. К семантике киргизских этнонимов – СЭ, 1947 № 3 с. 123 - 132.
- Абрамзон С. М. Этнический состав киргизского населения Северной Киргизии. - ТКАЭ, т. IV. 1960, с. 3 - 137.
- Адонц Н. Г. Армения в эпоху Юстиниана. - Ереван, 1971.
- Акимова М. С. Антропология древнего населения Приуралья. - М., 1968, с. 93 - 103.
- Акимова М. С. Материалы к антропологии ранних булгар. - В кн.: В. Ф. Генинг, А. Х. Халиков. Ранние булгары на Волге, М. 1964 с. 177 - 191.
- Алиев И. Г. Сармато-аланы на пути в Иран. - История иранского государства и культуры. М., 1971.
- Алиев И. Г., Асланов Г. Племена сармато–массагето-аланского круга в Азербайджане. - Древний Восток, вып. 2. Ереван, 1976, с. 218 - 237.
- Алиев К. Г. Кавказская Албания. - Баку, 1974.
- Алиев К. Г. К вопросу о племенах Кавказской Албании. - Исследования по истории культуры народов Востока М. - Л., 1960, с. 15 - 16.
- Ангелов Д. Образоване на българската народност. - София, 1971.
- Артамонов М. И. История хазар. - Л., 1962.
- Артамонов М. И. Очерки древнейшей истории хазар. - Л., 1936.
- Бартольд В. В. Отчет о поездке в Среднюю Азию с научной целью в 1893 - 1894 г. - Зап. АН, VIII серия по историко - филол. отд., т. I. 1897, №4, с. 1 - 151.
- Баскаков Н. А. Тюркские языки. - М., 1960.
- Бернштам А. Н. Из истории гуннов I в. до н. э. Ху-хань-е и Чжи-чжи шаньюи. - Сов. востоковедение, 1940, т. I, с. 51 - 77.
- Бернштам А. Н. Очерк истории гуннов - Л , 1951
- Буниятов З. М. Азербайджан в VII - IX вв. - Баку, 1965.

- Буниятов З. М. О длительности пребывания хазар в Албании в VII - VIII вв. - Изв. АН Азерб. ССР, серия общ. наук, 1961, №4, с. 21 - 34.
- Бурмов А. Въпроси из историята на прабългарите. - Годишник на Софийския университет, т. 64, кн. 2., 1947 - 1948, София, 1948, с. 3 - 36.
- Бурмов А. Към въпроса за произхода на прабългарите. - Изв. на бълг. истор. дружество, т. 22 - 23. София, 1948, с. 298 - 337.
- Ваидов Р. М., Гулиев Н. М. О тождестве городища Топраг-гала и города Хунан. - Археологические памятники феодальной Грузии, т. II. Тбилиси, 1974, с. 278 - 279.
- Васильев А. А. Готы в Крыму. Ранняя пора христианства и эпохи переселения народов. - ИГАИМК, 1921, №1, с. 247 - 344.
- Вестберг Ф. К анализу восточных источников о Восточной Европе. - ЖМНП, 1908, № 13 - 14, февраль - март, с. 364 - 412, 1 - 52.
- Винников И. Р. Родоплеменной состав и расселение киргизов на территории Южной Киргизии. - ТКАЭ, 1956, т. I, с. 136 - 181.
- Виноградов Б. Б. Сарматы Северо-Восточного Кавказа. - Грозный, 1963.
- Гаглойти Ю. С. Аланы и вопросы этногенеза осетин. - Тбилиси, 1966.
- Гадиров Ф. В. Северные оборонительные сооружения Азербайджана: Автореф. дис. канд. арх. - Баку, 1969, с. 3 - 23.
- Гадло А. В. Этническая история Северного Кавказа IV - X вв. - Л., 1979.
- Гаркави А. Я. Сказания еврейских писателей о хазарах. - СПб., 1874.
- Гепинг В. Ф., Халиков А. Х. Ранние болгары на Волге. - М., 1964.
- Гукасян В. Л. К освещению некоторых вопросов истории Азербайджана в монографии «Азербайджан в VII - IX вв. - Изв. АН Азерб. ССР, серия истории, философии и права, 1968, №4, с. 115 - 135.
- Гукасян В. Л. Тюркизмы в «Истории албан» Моисея Утийского. - Структура и история тюркских языков. М., 1971, с. 238 - 250.
- Гумилев Л. Н. Древние тюрки. - М, 1967.
- Гумилев Л. Н. Некоторые вопросы истории хуннов. - ВДИ, 1960, №4.
- Гумилев Л. Н. Хунну. Срединная Азия в древние времена. - М., 1960.
- Гусейнзаде А. Об одном древнем этнопониме Азербайджана (Билясувар). - Сов. тюрко-логия, 1979, №5, с. 30 - 35.
- Гусейнов Р. А. Место и роль сирийских источников в изучении истории народов СССР. - Древнейшие государства на территории СССР. М., 1976, с. 41 - 56.
- Гусейнов Р. А. О тюрках IV - VII вв. в зоне Кавказской Албании. - Вопросы истории Кавказской Албании. Баку, 1962, с. 181 - 190.
- Гусейнов Р. А. Сирийские источники XII - XIII вв. об Азербайджане. - Баку, 1960.

- Джафаров Ю. Р. К датировке событий XXVIII - XXX глав I части «Истории албан» Моисея Каланкатуйского. - Письменные памятники Востока. История, филология. М., 1979, с. 49 - 60.
- Джафаров Ю. Р. К вопросу о первом появлении сабир в Закавказье. - ВДИ, 1979, № 3, с. 163 - 172.
- Джафаров Ю. Р. К вопросу о хайландурах Елишэ - Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока. М., 1977 с. 6 - 10.
- Джафаров Ю. Р. Оногуры византийских писателей и хайландуры Елишэ. - ВВ, 1980, т. 41, с. 153 - 162.
- Джафаров Ю. Р. О происхождении древних болгар. - Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока. М., 1981, ч. I (1), с. 87 - 93.
- Джафаров Ю. Р. Ранние гунны на Кавказе. К интерпретации греческих и армянских источников. - Вопросы истории, идеологии, философии, культуры народов Востока. Источниковедение, историография. Тезисы конференции аспирантов и молодых научных сотрудников, М., 1981, т. I, с. 3 - 4.
- Джафаров Ю. Р. Сабиры на Кавказе. Основные этапы истории (463 - 558 гг.). – Совместная научная сессия молодых ученых Институты: истории Академии наук Азербайджанской, Грузинской и Армянской ССР. Тезисы докладов, Ереван, 1980, с. 39 - 40.
- Джафаров Ю. Р. Становление и распад в Восточном Предкавказье первого объединения гунно-болгарских племен. - Генезис, основные этапы, общие пути и особенности развития феодализма у народов Северного Кавказа Тезисы докладов, Махачкала, 1980, с. 40 - 41.
- Дьяконов М. М. Очерк истории древнего Ирана. - М., 1961.
- Еремян С. Т. Марзпанская Армения. Восстания 450 - 451 и 483 - 484 гг. - Очерки истории СССР (III - IX вв). М., 1958, с. 193 - 207.
- Еремян С. Т. Моисей Каланкатуйский о посольстве к хазарскому хакану Алп-Илитверу. – Зап. ИВ АН СССР. М. - Л, 1939, с. 129 - 155.
- Еремян С. Т. Освободительная война армян против персов 450 - 451 гг. - ВДИ, 1951, №4.
- Еремян С. Т. Политическая история Албании III - IV вв. Очерк истории СССР (III - IX вв.). М., 1958, с. 310 - 323.
- Еремян С. Т. Страна «Махелония» надписи Каба-и-Зардушт, ВДИ, 1967, №4.
- Еремян С. Т. Сюния и оборона Сасанидами кавказских проходов. - Изв. Арм., ФАН СССР, 1941, №7, с. 33 - 40.
- Златарский В. Н. История на българите от появата им в Европе до основанию на Болгарско царство на Балканский полуостров. - Годишник на Софийския университет, 1915, с 1 - 112
- Златарский В. Н. История на българската държава през средните векове. - София, 1918, т. I, ч. I.
- Иностранцев К. А. Хунны и гунны. - Л., 1926.
- Киселев С. В. Древняя история Южной Сибири. - М., 1951.
- Кляшторный С. Г. Древнетюркские рунические памятники как источник по истории Средней Азии. - М, 1964.

- Коковцов П. К. Еврейско-хазарская переписка в X в. - Л., 1932.
- Короглы Х. Огузский героический эпос. - М., 1976.
- Крашенников М. Новая рукопись Извлечений «О посольствах римлян к народам». - ВВ, 1919, т. 21.
- Крупнов Е. И. Древняя история Северного Кавказа. - М., 1960.
- Крымский А. Е. Страницы из истории Северного или Кавказского Азербайджана. - Л, 1934.
- Кудрявцев А. А. «Длинные стены» на Восточном Кавказе. - Вопросы истории, 1919, № 11, с. 31 - 43.
- Кузнецов В. А. Аланские племена Северного Кавказа. - МИА, М., 1962.
- Кулаковский Ю. Аланы по сведениям классических и византийских писателей. - Киев, 1899.
- Кулаковский Ю. История Византии. Т. I - III. Киев, 1910 - 1915.
- Кулаковский З. Карта Европейской Сарматии по Птолемию. - Киев, 1899.
- Латышев В. В. Греческие и латинские надписи, найденные в Южной России в 1892 - 1894 гг. - Материалы по археологии России, вып. 17, 1895.
- Лишев С. Прабългарите и българского народностно име в Европа. - Известия на Института за българската история, 1954, №5, с. 351 - 365.
- Луконин В. Г. Культура сасанидского Ирана. - М., 1969.
- Магомедов М. Г. Верхне-Чирюртовское городище. - Учен. зап. ИИЯЛ ДФ АН СССР, т 19, кн. 2. Махачкала, 1969, с. 147 - 168.
- Малов С. Е. Енисейская письменность тюрков. - М. - Л., 1952
- Малов С. Е. Памятники древнетюркской письменности. - М. - Л., 1951.
- Малов С. Е. Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии. - М. - Л , 1959.
- Мамедов Т. М. Албания и Атропатена по древнеармянским источникам. - Баку, 1977.
- Мамедова Ф. «История албан» Моисея Каланкатуйского как источник по общественному строю раннесредневековой Албании. - Баку, 1977.
- Меликсет-Бек Л. М. К истории появления гуннов в Восточном Закавказье. - Д. АН Азерб. ССР, 1957, № 6, с. 709 - 713.
- Меликсет-Бек Л. М. Хазары по древнеармянским источникам в связи с проблемой Моисея Хоренского. - Исследования по истории культуры народов Востока. М. - Л , 1960, 11 - 118
- Мерперт Н. Я. Гунны в Восточной Европе. - Очерки истории СССР (III - IX вв). М, 1958, с 151 - 166
- Мерперт Н. Я. К вопросу о древнейших болгарских племенах. - Казань, 1957.
- Минорский В. Ф. История Ширвана и Дербента. - М., 1963.
- Немет Д. К вопросу об аvaraх. - К 70-летию акад. А. Н. Кононова. - Л., 1976, с. 298 - 304

- Новосельцев А. П. Генезис феодализма в странах Закавказья. – М., 1980.
- Пахомов Е. А. К истолкованию пехлевийских надписей Дербента. – Баку, 1920.
- Пахомов Е. А. Крупнейшие памятники сасанидского строительства в Закавказье. – Проблемы Государственной Академии истории материальной культуры, 1933, № 9 - 10, с. 37 - 47.
- Пигулевская Н. В. Византия и Иран на рубеже VI - VII вв. – М - Л., 1946.
- Пигулевская Н. В. Города Ирана в раннем средневековье. – М. - Л., 1956.
- Пигулевская Н. В. Месопотамия на рубеже V - VI вв. н. э. Сирийская хроника Иешу Стилита как исторический источник. – М. - Л., 1940.
- Пигулевская Н. В. Сирийские источники по истории народов СССР. – М. - Л., 1941. Проблемы археологии и древней истории угров. – М., 1972.
- Сейидов М. Заметки о гуннской мифологии. – Сов. тюркология, 1970, №2, с. 107 - 116.
- Сеидов М. Об этническом термине «хандандурк» в исторических произведениях Елишэ и Моисея Каланкатуйского. – Изв. АН Азерб. ССР, серия общ. наук, 1965, №6, с. 84 - 92 (азерб. яз.).
- Серебренников Б. А. Происхождение чуваш по данным языка. – О происхождении чувашского народа. Чебоксары, 1957, с. 28 - 57.
- Сиротенко В. Т. Византия и болгары в V - VI вв. — Учен. зап. Пермского университета, 1961, т. 20, вып. 4, с. 43 - 70.
- Сиротенко В. Т. Две болгарские глоссы в свете письменных источников IV - VI вв. – Учен. зап. Пермского университета, 1964, №117, с. 73 - 98.
- Сиротенко В. Т. Основные теории происхождения древних болгар и письменные источники IV - VII вв. – Учен. зап. Пермского университета, 1961, т. 20, вып. 4, с. 3 - 41.
- Смирнов А. П. Волжские болгары. – М., 1951.
- Смирнов А. П. Некоторые спорные вопросы истории волжских болгар. /Историко археологический сборник. М., 1962, с. 160 - 174.
- Смирнов К. Ф. Савроматы. – М., 1964.
- Смирнов К. Ф. Сарматские племена Северного Прикаспия. Краткие сообщения Института истории материальной культуры, вып. 34, 1950, с. 97 - 114.
- Тревер К. В. Очерки по истории и культуре Кавказской Албании; (IV в. до н. э.). – М. - Л., 1959
- Третьяков П. Н. У истоков этнической истории финно-угорских племен. – СА. 1961, №2.
- Удальнова З. В. Идеино-политическая борьба в ранней Византии. М., 1974.
- Федоров Я. А., Федоров Г. С. Ранние тюрки на Северном Кавказе. – М., 1978.
- Халатьянц Г. А. Армянские Аршакиды в «Истории Армении» Моисея Хоренского. – М., 1903.
- Хауссинг Г. В. К вопросу о происхождении гуннов. – ВВ, т. 38, с. 59 - 71.
- Хвольсон Д. А. Известия о хазарах, буртасах, болгарях, славянах и русских Абу-Али-Ахмеда

бен Омара ибн Дафта, - СПб., 1869.

Ценов Г. Критичен разбор на данните по происхождения на българите - София, 1910.

Чебоксаров Н. Н. К вопросу о происхождении народов угро-финской группы. - СЭ, 1952, №1.

Чернецов В. Н. К вопросу о месте и времени формирования финно-угорской этнической общности. - Тезисы докл., подготовленных к совещанию по методологии этногенетич. исследований. М., 1951.

Чернецов В. Н. Усть-полуйское время в Приобье. - Мат-лы и исследования по археологии СССР, 1953, № 35.

Чичуров И. С. Византийские исторические сочинения: «Хронография» Феофана и «Бревиарий» Никифора. - М., 1980.

Чичуров И. С. Экскурс Феофана и протоболгарах. - Древнейшие государства на территории СССР. М., 1976, с. 65 - 80.

Юсифов Ю. Б. Гунны в Закавказье. - Этнические и историко-культурные связи тюркских народов СССР. Тезисы докладов и сообщений. Алма-Ата, 1976, с. 120 - 122.

Юсифов Ю. Б. К этногенезу азербайджанцев. - Литературоведение и история. Тезисы докладов и сообщений. Ташкент. 1980. с. 120 - 130.

Юсифов Ю. Б. О некоторых языковых элементах тюркского происхождения в сочинении албанского историка. - Сов. тюркология, 1974, №2, с. 71 - 79.

Ямпольский З. И. Древнейшее сведение о тюрках в зоне Азербайджана. – Учен. Зап. Азгосуниверситета, серия языка и литературы, 1965, №2.

Ямпольский З. И. К вопросу об одноименности древнейшего населения Атропатоны и Албании. - Тр. Ин-та истории и философии АН Азерб. ССР, 1954, т. 4.

Agarhiae Myrinaei Historiarum libri quingue. Ed. R. Keydeli. - «Corpus fontium historiae Byzantinae», vol. II. Berolini, 1967.

Ammiani Marcellini rerum gestarum. Libri XIV - XXXI, vol. I – II - Berolini, 1910 - 1915

Chronographus anni 354. Ed. Th. Mommsen. Liber generations. – MGH AA (Monumenta Germaniae Historica, Auctores Antiquissimi), t. IX - Berolini, 1891.

Claudii Claudiani Carinina. MGH AA, t. X. Berolini, 1892.

Constantino Porfirogenito. De thematibus. Ed. A. Pertusi. Citta' del Vaticano, 1952.

Ioannis Malalae Chronographia. Ed. L. Dindorf. Bonnae, 1831.

Menander Protektor. Fragmenta. - HGM (Historic; Graeci Minores). T II - Lipsiae, 1971.

Nicephori archiepiscopi Constantinopolitani opuscula historica. Ed. C de Boor'. - Lipsiae, 1880.

Priscus Panites . Fragmenta. Excerpta de legationibus. Ed. C. de Boor'. – Berolini, 1903.

Procopii Caesariensis opera omnia. Ed. J. Haury, vol. I. De bellis libri I - IV; vol. II. De bellis libri V – VIII - Lipsiae, 1905.

Ravennatis Anonimi Cosmographia. Ed. Pinder et Partley. - Berolini, 1870.

Socratis Scholastici ecclesiastica historia. Ed. R. Hussey, t. II. – Oxonii, 1853.

Sozomeni historia ecclesiastica. Ed. R. Hussey, t. VI. - Oxonii, 1860.

Theophanis Chronographia. Ed. C. de Boor. Lipsiae, 1883.

Theophylacti Simocattae Historiae. Ed. C. de Boor. - Lipsiae, 1887.

Zachariae Rhetoris historia ecclesiastica. - Corpus scriptorum christianorum orientalium. Scriptores syri, series tertia, versio latina. Ed. E. W. Brooks. - Parisiis, 1926.

Zosimi Comitis et exadvocati fisci historia nova. Ed. L. Mendelssohn. - Lipsiae, 1887.

Czepl?dy K. Pseudo-Zacharias Rhetor on the nomads. - Studia Turcica. - Budapest, 1971, p. 133 - 148.

Czepl?dy K. Uj adatok az onogurok t?rtenetehez. - MNy, 47, 195. p. 266 - 267.

Deguignes J. Histoire generale des Huns, des Turcs, des Mongols et des autres Tartares occidentaux, vol. I - IV. - Paris, 1756 - 1758.

Примечания

1

Рассуждения некоторых авторов об «обнаружении» на территории Азербайджана неких «тюркоязычных в догуннский период (в частности, скифов — саков, а также объявления тюркоязычными ряда албанских племен, да и самих албан) носят неоправданно оптимистический характер и объясняются лишь желанием внести личный вклад в существующую тенденцию. В свое время об этих догуннских тюрках будет сказано отдельно.

2

В данном случае указание Бузанда на «многочисленные войска гуннов» вряд ли следует понимать буквально, поскольку этот автор довольно часто прибегает к гиперболам, отдавая дань победам армянского оружия.

3

Как известно, в нашей и зарубежной научной литературе этот этноним принято писать и читать как «акациры». Я, однако, буду придерживаться чтения и написания «акатзиры», поскольку такая форма, по-видимому, ближе реальному звучанию этого этнонима в тюркских

языках (в том числе древних), где отсутствует звук «ц».

4

Этнонимы «алпидзуры» и «алкидзуры» — это ошибка в рукописях Иордана. Они отражают один этноним — «алпилдзуры», который и соответствует «амилдзурам» Приска.

5

Под «донскими вратами» здесь подразумевается тот же самый проход Чора (Дербент), где находилась одноименная крепость.

6

Издатель и переводчик текста «Истории албан» на английский язык Ч. Доусет указывает, что все рукописи этого сочинения имеют искажения в слове «Алуандрия», а в своем переводе пишет: «в страну хайландур». В новом переводе Каланкатуйского слово «Алуандрия» справедливо не приводится.

7

Упоминание хайландур Моисеем Каланкатуйским есть результат заимствованиями албанским историком соответствующих пассажей у Елишэ.

8

Согласно точке зрения А. В. Гадло, акатзиры (акациры), позднее превратившиеся, по его мнению, в хазар, занимали степи Азово-Каспийского междуморья (указ. соч., с. 52), что не может соответствовать действительности. С одной стороны, это противоречит ясному указанию Приска на «Припонтийскую Скифию» как места обитания акатзир, т. е. именно на тот географический регион, под которым всегда в греческих и латинских источниках понималась исключительно территория Северного Причерноморья, но никак не области за Азовским морем и Доном. С другой стороны, такая локализация акатзир противоречит прямому указанию Иордана, который помещает их по соседству с булгарами, места расселения которых, по его словам, «тянутся над Понтийским морем». Попытка А. В. Гадло обойти локализацию акатзир у Иордана предположением о том, что Иордан путает акатзир с агатирсами (агафирсами) Геродота (там же, с. 52), также не может быть реализована. Согласно Геродоту, обычаи агатирсов сходны с фракийскими, что, очевидно, надо понимать,

как указание на близкие культурные традиции между ними. По сообщению же Иордана, акатзиры - племя «не ведающее злаков, но питающееся от скота и охоты», что говорит о типичных кочевниках.

9

Указание Захарии Ритора на «северо-западную страну», куда, по словам гуннов, они были, изгнаны, еще раз подтверждает, что в данном случае речь идет именно о сабирах, действительно изгнанных аварами в 460 г. из Западной Сибири (Прииртышья). Интересно отметить, что сабиры сохранили в памяти своей переселение и довольно точно указали, куда именно они были изгнаны: «северо-западная страна» - это как раз и есть Северный Кавказ для племен, обитавших в Западной Сибири.

10

Что касается епископа Макара, прибывшего на смену Кардосту, то без сомнения можно думать, что этот епископ был именно из Албании, а не из Армении, как полагают некоторые авторы. Основанием для этого могут служить слова самого Захарии Ритора, отметившего, что на место албанского епископа Кардостта прибыл «другой армянский епископ, по имени Макар». Слова «другой армянский епископ» в данном случае нельзя понимать буквально, поскольку ясно, что первым был албанский епископ Кардост.

11

Ошибку автора «Истории албан» разобрал М. И. Артамонов, по мнению которого чтение «во 2-ой год Хосрова» следует исправить на «22-ой год Хосрова», что соответствует началу армянского летосчисления - 551 г. (указ. соч., с. 125, прим. 49).

12

На самом деле патриарший престол - самостоятельная кафедра албанского католикоса - известна в Партаве уже в конце V в.

13

Замечание Табари о «ровной удобопроходимой территории» ясно указывает на путь кочевников по равнинному Дагестану к Дербентскому проходу.

14

Весьма вероятно, что один из участков развалин Кабалы в Клутокашенском районе Азербайджана, носящий наименование «Сельбир» и составляющий вместе с другим участком «Кала» единый археологический комплекс (местное население называет оба участка «Гяуркалой») может быть связано с этническим именем сабир.

15

Этноним «бургары» (булгары), который назван первым в списке племен, живущих сразу за «воротами» (Дербентский проход), у Захарию охватывает, по-видимому, не одно конкретное племя булгар, а всю совокупность булгарских племен Дагестана, в отличие от конкретного племени булгар, обитавшего после распада объединения Аттилы в степях Северного Причерноморья.